

АНТОЛОГИЯ СТОЯНИЯ ДОНБАССА

Рассказы, стихи, очерки и статьи

ИД Академии Жуковского

Москва

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
А 72

Автор идеи и составитель сборника
«Антология стояния Донбасса» —
Лидия Довыденко

В книге использованы фотографии
Алексея Полуботы и Лидии Довыденко

А72 **Антология стояния Донбасса** / сост. Л.В. Довыденко. — М. :
ИД Академии Жуковского, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-907490-96-3

В сборник вошли произведения членов Союза писателей России и писателей Донбасса, созданные за последние восемь лет, включённые в рубрику «Берега Новороссии» литературного журнала «Берега».

«Антология стояния Донбасса» — феномен русской культуры первой четверти XXI века, так как это произведения на кровоточащую тему, раскрывающие правду борьбы за справедливость в противостоянии русофобии и либерализму, отражающие веру в победу в войне Русского Мира с коллективным Западом, энергию русского духа, величие и гармонию русской души, её особую красоту и притягательность, «разум сердца» и напряжение воли в мыслях, словах и поступках.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-907490-96-3

Подписано в печать 21.11.2022. Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 18,6. Заказ № 202. Тираж 70 экз.

Издательский дом Академии имени Н. Е. Жуковского
125167, Москва, 8-го Марта 4-я ул., дом 6А

Интернет-магазин: itsbook.ru; тел. 8 499 7555543, e-mail: zakaz@itsbook.ru

Прием заказов на производство книг: тел. 8 495 7895679, e-mail: artpress@mail.ru

ВСТУПЛЕНИЕ

Но долетают главные слова,
И оживают, и находят отклик...

Елена Заславская

Жители ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей проголосовали за вхождение республик и областей в состав России, по всем крупным городам прошли акции поддержки расширения нашей большой семьи. Путь длиною в восемь лет постоянно был центром внимания писателей России и Новороссии, находил творческое выражение в стихах, в прозе и в публицистике, отражённой в журнале «Берега», в рубрике «Берега Новороссии».

Съездив три раза на Донбасс, познакомившись с реальными защитниками русского языка, наших духовных ценностей, с ополченцами, такими молодыми и красивыми, и некоторых сегодня уже нет с нами, я молю небеса о Победе России, призвание которой — вновь освобождать человечество от мирового зла, нести миру весть о благородстве, достоинстве, любви, великодушии, в противовес техногенному обществу.

Авторы этого сборника на одной волне с теми, кто испокон веков защищал свой народ, свою землю, свой язык, культуру, веру, напрягая волю, способность к решительным действиям в достижении результата. Коллективная сила, жизненная энергия, выносливость, терпение создают условия для Победы, опираясь на духовную крепость, которую создают словом писатели. Дар вдохновенного слова впитан от предыдущих поколений, их созидательной воли, их коллективной энергии, их невероятной способности противостоять губительным вызовам в духовном движении к восхождению на высоты православного духа.

Как сказал Н.П. Бурляев, известный актер и режиссер, депутат Государственной Думы: «Пришло то рубежное время, когда мы должны представить этому обезумевшему миру русскую модель в области культуры, собрать тех, кто служит культуре, а не развлекательному бизнесу, очищать наши экраны и сцены от пошлости и

мерзости, которые расплодились за эти 30 перестроечных лет вседозволенности, безответственности чиновников, позволявших и поощрявших то, что не является культурой.нужно реорганизовывать министерство культуры, которое превратилось в министерство развлечения. Нужно повышать ответственность чиновников за то, как они распределяют бюджет,... Пришло время выведения культуры из рынка, эти понятия несовместимы. Как говорил Н.В.Гоголь, сейчас идет главный бой — за душу человека. Мы его не должны проиграть, поэтому создадим «Культурный фронт России».

Этот культурный, писательский фронт уже существует, как минимум, с 2014 года, литературная деятельность во благо Отечества воодушевляет читателей, потому что в суровый для земли Донбасса и России час писатели не остались в стороне от защитников Русского Мира, всемерно поддерживают их Словом.

Цивилизационная, гибридная война развязана теми, кому невыносима сама мысль о существовании сильного и суверенного русского народа, кто не связывает свою судьбу с судьбой своей страны. Война идет не только в Украине, а в тиши кабинетов, в учебных аудиториях, в теле- и радиостудиях, она ведётся за умы и души русских людей и, прежде всего, молодёжи.

Писатели помогают самоорганизоваться и помочь нашему государству очиститься от коллаборантов, трансформироваться в непобедимое государство, неуязвимое для любых возникающих вызовов и угроз, а для этого требуется исключить угрозу внутреннего предательства.

В культуре российской цивилизации особое место принадлежит искусству Слова, создающему духовное пространство света души, потенциал перехода от постглобализма к диалогу, строящемуся на уважении к традиции и духовно-нравственному опыту российской цивилизации в воспитании устойчивой личности, способной нести ответственность за судьбу мира.

Лидия Довыденко,

*главный редактор журнала «Берега»,
секретарь Союза писателей России,
кандидат философских наук*

ПРОЗА

*Виктор Михалев. Розы из гильз снарядов.
Памятник защитникам Саур-Могилы*

*Встреча с писателями.
Луганск, 2017 г.*

Николай Иванов

Председатель союза писателей России, член редакционного совета журнала «Берега». Окончил факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. В 1981 году направлен в Афганистан. Награждён орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени, медалью «За отвагу», знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть». В 1985 году назначен корреспондентом журнала «Советский воин», через семь лет стал его главным редактором. В октябре 1993 года, отказавшись публиковать материалы в поддержку обстрела Белого дома, снят с должности «за низкие моральные качества» и уволен из Вооружённых сил. Продолжил службу в органах налоговой полиции России. Во время командировки в Чечню в июне 1996 года был захвачен в плен боевиками; освобождён через четыре месяца в результате спецоперации. Полковник налоговой полиции. Автор более 20 книг прозы и драматургии. В их числе: «Чёрные береты», «Гроза над Гиндукушем», «Наружка», «Женский пляж», «Спецназ, который не вернётся», «Расстрелять в ноябре, или вход в плен бесплатный», «Новеллы цвета хаки» и др. В Уссурийске и Брянске шли театральные спектакли по произведениям писателя. Лауреат литературных премий имени Н. Островского, М. Булгакова, «Сталинград», ФСБ России, «Прохоровское поле» и др.

САУР-МОГИЛА

Песнь

1

Как же вольготно на войне зверью: охота в районе боевых действий категорически запрещена, людям разрешено убивать только людей.

И вот уже мелкими диверсионными группами проникают в города белки. По обочинам дорог, не обращая внимания на машины, вальжными гаишниками расхаживают фазаны и куропатки. Лисы — о, эти огненно-хвостатые плутовки,

по-шучьи лавируя среди мокрых от росы кустов-водорослей, уже не оглядываются испуганными новобранцами по сторонам. Ночи, отобранные у влюблённых ради комендантского часа, это звёздное, ракетно-осветительное, трассерное, в сполохах пожаров, оставшееся без присмотра время поделили меж собой как орла и решку на подброшенной монете кабаны и волки.

Красота.

Слава Украине!

Войне слава!

Ранения, болезни, гибель людей на Донбассе — не в счёт. Пока нет охотников, всё лучшее, — птицам и зверям!

А уж потом, что останется — пехоте!

2

Её и расстреляли первую.

На войне у солдата доля известная — идти в атаку или стоять насмерть на занятых рубежах. И ни одна высота по любому уставу любой армии мира не считается взятой, если на неё не ступила нога пехотинца. Громкие наименования гвардейских, всевозможных кантемировских, орденов и знамён таких-то — да, весомо и значимо, кровью и потом добыто. Но шепчется, словно из былин и бабушкиных сказок, ласкает слух главное их имя — «матушка-пехота». Ангельская мягкость и умиротворение в слове, но погодите, погодите, ведь именуют матушкой ещё и саму Россию! Россия Матушка — это матушка пехота? Господи, с какого же плеча досталась ей солдатская шинель? Чью военную судьбу ненароком примерила? Кого вновь и снова, себя не жалея, защитит и спасёт?

Не кончаются на Руси былины...

3

Но и Донбасс порожняк не гонит! Если работать — то нет никого впереди Стаханова. Песни петь — неподражаемы

Соловьяненко, Богатиков, Кобзон. Снимать кино — на форсаже Леонид Быков со своей поющей эскадрилей. Встать жертвенно против врага, никого не выдать и быть сброшенными в шурф шахты — всей Молодой гвардией.

А уж если иметь в своих степях высоту — то Саур-Могилу под триста метров над уровнем ближайшего Азовского моря. Захочешь, а не придумаешь более выгодного места для корректировщиков огня. Поищешь, а не найдёшь более погребельного места для пехоты, хотя в данном случае «могила» переводится всего лишь как «курган».

«Матушка» во множественном числе и полегла здесь в 1943-м, сбивая фашистов с наспигованной пулемётами господствующей высоты. Не могла не сбить, потому что вёл штурмовые отряды в атаку в том числе будущий командующий Воздушно-десантными войсками генерал армии Василий Маргелов! Он со временем сделает пехоту крылатой, оденет её в тельняшки и береты небесного цвета. Но тогда, в Великую Отечественную, ей — пыльной, потной, не имеющей сил не то, что посмотреть в небо, а приподнять под пулями голову, отдала приказ: взять курган и стоять насмерть.

Она взяла и стала.

Через двадцать лет после победы бойцов отлили в металле, чугуне и бетоне, установив на постаменты-пилоны у самого подножия высоты. Масштабно, зримо, и первые цветы курсантов — им.

Только вот скульпторы и архитекторы наверняка не воевали и даже не служили в армии: оставили солдатиков на голом склоне. Одних. Без поддержки.

А как снова война?

Если снова начнут стрелять?

4

И ведь начали. Как и фашисты — летом.
2014 года.

Первая же выпущенная через 70 лет от рождества Победы в сторону Саур-Могилы пуля настигла сразу двоих бойцов, убитых ещё в 1943 году — старшего техника лейтенанта Карпеева и гвардии рядового Карелова. Их имена, расположенные рядом на мемориальной доске, разворотила не трассирующая и даже не разрывная пуля. Прилетела гостьей из будущего придуманная уже после Великой Отечественной смерть со смещённым центром тяжести. Эдакая вишенка на торте для врага: входя в человека элегантно, почти без кровинушки, малым укусом, она не застревает в плоти, а с убойной силой продолжает кувыряться внутри тела и мясорубкой молотить попадающие внутренности. А уж как эффектно выходит наружу — зияющим, словно от осколка мины, отверстием. И это несмотря на то, что весу в этой вращающейся пульке — всего три с половиной грамма. Вишенка с торта тяжелее.

Но убийцам памятников мало оказалось мемориальных плит и просто имён. Им нужна была сама Саур-Могила. Как символ сломленного Донбасса. Так фельдмаршалу Паулюсу требовался Мамаев курган под Сталинградом в знак поверженности Красной Армии.

И тут вдруг оказалось, что скульпторы и архитекторы — эти гражданские шпаки, глупцы в военной стратегии, тем не менее интуитивно, надёжнее Генерального штаба опоясали высоту четырьмя пилонами как четырьмя рубежами обороны.

Первых под удар, никуда не деться, выставили пехотинцев. Основной шквал огня пришёлся на командира, на лице которого потом насчитают более пятидесяти пробоин. Его подчинённые, не имея возможности ответить нападавшим из своих бетонных автоматов, боясь растоптать бетонными сапогами тюльпаны, высаженные у подножия, не тронулись из разрушенного бетонного окопа. А вот ровные парадные ряды наступающих подпортил худенький солдатик с постоянно съезжающей на глаза каской. Ни дать ни взять ученик электросварщика с украденным у мастера шлемом. Вояка...

Пехоту изрешетили и без него, но едва убийцы перешагнули взятый редут, из знойного июльского марева перед ними словно из земли вырос пилон с танкистами. Богатыри, красавцы в шлемах и комбинезонах! Несокрушимая силища, не выведи их скульптор из боевых машин, не выстрой в шеренгу прямо под пулёмётную очередь. Воистину: ну что стоило спрятать гвардию за бронёй, глядишь, остались бы живы. А так... так маленькие, словно лилипутики в сравнении с горой и памятниками камуфляжные человечки с полуфашистскими эмблемами на украинских шевронах считали за честь и ухарство вновь вскинуть автоматы. И очередями, очередями по своим дедам — грузинам, русским, белорусам, по таким же, как они сами, украинцам: танковые экипажи всегда считались интернациональными.

Слава Украине!

Предателям слава!

Синхронность атаки уже привычно испортил заморыш со смешной украденной каской: и к земле гнулся, и за спины друзей прятался, стараясь не идти в первой шеренге. Расстрелять бы как труса, да останавливаться некогда: вслед за танкистами вышли под украинские вишенки на торте «боги войны» — артиллеристы. Эти ребята не промах, они могут ответить прямой наводкой из «сорокопятки». И ответили бы, да вовремя дали залп расположившиеся на смотровых площадках, скрежещущие в гневе траками, как психопаты зубами, танки. Они и пробили брешь в третьем пилоне обороны, а в назидание другим снесли храброму усатому командиру расчёта полголовы. Тот сам, конечно, оказался виноват — форсил в пилоточке. Думал, слишком далеко его окоп от начала боя, обойдётся.

Не обошлось.

Но ещё более дурными хлопцами оказались летачи. Их вообще никто на землю не звал, летали бы себе в небесах, поближе к защите ангелов. Но не найти счастья в небе, если на родной земле враг. Вошли в пике, приземлились в эпицентре боя. Толку от этого отчаянного шага было мало, вообще поль-

зы никакой не имелось, если учесть, что у лётчиков нет автоматов, а с пистолетиком себя не защитить, не то что Родину.

Значит, рукопашная!

Успели добежать до кромки аэродрома. И там, на краю пилона, получили по полной. Больше всех получили. Выместили на них, последних, украинские полуфашисты всю свою злость за предыдущие задержки. Разнесли в клочья летунов — аж чугунные и бетонные брызги летели. Успей к атаке отставший боец-сварщик и подключись к стрельбе, вообще бы от пилона ничего не осталось.

Но и без этого вот она, вожделенная цель — стоящий на вершине кургана девятиметровый воин-освободитель. Как бельмо на глазу. Слава Богу, последний из защитничков. Герои кончились. Где ты, заморыш-сварщик-трус? Не желаешь доказать свою готовность защитить Революцию Достоинства от поганого советского и москальского прошлого? Освободить от этого прошлого себя? Стреляй, раз не хочет сдаваться, поднимать руки вверх эта девятиметровая бетонная чушка! Скомандовать «Пли!»?

Но пожалел солдатику-заморыша памятник, не дал взять грех на душу. Искромсанный осколками, прошитый насквозь пулями, оставшийся в одиночестве и окружении, он вдруг со всей своей огромной высоты, вместе с тридцатиметровой стелой за спиной, повторяя Александра Матросова, рухнул на пулемёты врага сам.

О, с каким ужасом разбегались от падающей с небес страшной кары лилипуты!

И как долго дрожала и стонала от удара земля!

Но — всё!

5

...Днепр не повернул свои воды вспять.

Соловьи не лишились голоса.

Солнце продолжило греть и светить.

Потому что не кончились, звучали выстрелы! Невероятно, но по наступающим Каинам и Иудам! Из-под обломков рухнувшей стелы. Эти непонятные защитники за последний клочок кургана, за его вершину, на которой водружают флаги победители, бились как за Брестскую крепость. Аджимушкайские каменоломни. Невский пятачок. Ржевский плацдарм. До поры до времени их прикрывали своими телами фронтовики, но всё равно, судя по плотности обрушившегося на Саур-Могилу огня, живых не должно было остаться здесь десять раз подряд. Небеса устали ждать их души в свою синь, кто бы они не были — русский спецназ или местные шахтёры-ополченцы.

И вроде одинаковые книжки читали те, кто наступал, и те, кто оборонялся. Однако важнее оказалось то, каких героев каждый себе выбирал. В цветущей, песенной, почитаемой, ныне несчастной Украине этот выбор случился в день, когда на столе у президента сошлись представления на звания Героя Украины командиру «Молодой гвардии» Ивану Туркеничу и Степану Бандере.

Кто не скачет, тот москаль!

Москаляку — на гиляку!

...Первым погибшим мирным жителем на Донбассе стала смотрительница музея «Молодой гвардии» из Краснодона.

А на Саур-Могиле огонь с каждым мгновением угасал: автоматы бесполезно пытались глотнуть патронов полной грудью. Но как пустыня неумолимо и безвозвратно впитывает воду, так бой пожирает боеприпасы.

И когда стал неминуем последний рывок бандеровцев, их близкое торжество, пляска на вершине с портретом лысаватого, но так отчётливо похожего на чубатого Гитлера Героя Украины Степана Бандеры, командир ополченцев с позывным «Медведь», имевший за бои в Афганистане ордена Красного Знамени и Красной Звезды, истекающий красной кро-

вью на войне, пока не имеющей точного названия, вызвал на себя огонь «градов».

*...Мы под Колпином скопом стоим,
Артиллерия бьёт по своим.
Это наша разведка, наверно,
Ориентир указала неверно.
Недолёт. Перелёт. Недолёт, —
По своим артиллерия бьёт...*

Строки и судьбы из Великой Отечественной. Здесь ориентир был указан верно. И после паузы, заминки, взятой артиллеристами на осознание приказа стрелять по своим, в обозначенный квадрат с диким воем безостановочно помчались на огненных хвостах метровые снаряды.

И полетели ошмётки от тех, кто наступал и уже уверовал в победу.

Кубарем покатались под уклон — туда, откуда пришли.

Неслись прочь безоглядно, не вспоминая ни святых, ни «Молитовники», которые им выдали вместе с боеприпасами перед боем. Да и какие молитвы, если их, как и церковь, поделили. Если своих святых сами поменяли на заморских, а тем ли до чужой беды? Оставалось просто бежать и бежать прочь от возмездия, спасти свои шкуры. Самым надёжным вариантом было укрыться где-нибудь от огня, но опять же, сами только что снесли, изувечили пилоны. Идиоты!

Потому неслись, бросая раненых и оружие. Обгоняя друг друга, а в первую очередь недотёпу, потерявшего, наконец, каску, но при этом оказавшегося с самым тяжёлым подсушком для боеприпасов. Не стрелял? Ни одной пули не выпустил при атаке? Ни одной гранаты не бросил во врага? Неужели ещё остались на Украине такие? Может, ещё не всё потеряно?

Не стрелявшим — слава!

Останься в живых, пацан.

6

...Кто сказал, что вольготно на войне зверю и птице? Первые снаряды, выпущенные по Донецку, разрушили в краеведческом музее именно зал «Животный и растительный мир Донбасса».

Погиб и «Медведь».

На могиле гвардии старшины наконец напишут его имя: «Гришин Олег Григорьевич. «Медведь». 03.02.1966 — 28.07.2014». Отстоявших Саур-Могилу и оставшихся на ней под крестами и могильными холмиками окажется семеро. Семеро смелых. «Грек» — Хиргий Руслан Геннадиевич. «Урал» — Блажко Иван Васильевич. «Таксист» — Картуз Сергей Николаевич... А вот «Реве», «Бумеру» и «Сёме» повезло, выжили. Нельзя, чтобы погибали все. Никак нельзя: Донбасу ещё сражаться и сражаться.

7

Сегодня над Саур-Могилой синее небо. Высоченное! Нигде не увидишь такого мирного неба, как на войне.

Музейные работники чистят на смотровой площадке фронтową технику. Времён Великой Отечественной. На одном из танков при украинской власти почему-то замазали краской бортовой номер «014». Но краска выгорает, и номер боевой машины, её имя собственное, проступает всё отчётливее.

Саур-Могила в руинах, но у остатков пилонов вновь высаживаются тюльпаны. Рваные ржавые раны на лицах солдат пугают, не вяжутся с нежностью цветов, но почему-то хочется оставить здесь всё, как есть. Без лакировки. Чтобы было грубо и страшно. Правда нынешней не объявленной войны на Донбассе — это в том числе и простреленный сапог с обрубком ноги чуть ниже колена — единственное, что осталось от центрального монумента. Хотя нет, из-под рухнувшей стелы виден сжатый бронзовый кулак солдата.

На Кузбассе написано, а словно про Донбасс:

*По шпалам,
Как по нотам,
Идёт шахтёрская пехота.*

...Звук от удара в колокол из построенной на кургане часо-
венки стоит в небе долго-долго. Больше минуты. Верный при-
знак того, что отлит умелым мастером. Такие колокола и для
набата, и для благовеста.

8

А в рваной ране под правой скулой лейтенанта-пехотинца
воробышки третий год выют гнездо для потомства...

Лидия Довыденко

Главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», секретарь Союза писателей России, член СП Союзного государства, автор 26 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, прозаик, публицист, критик, краевед, общественный деятель. Член Союза журналистов России, кандидат философских наук, Почетный гражданин Балтийского городского округа, Почетный член философского делового клуба, заместитель Президента Всемирной Информэнциклопедии-Калининград, член редакционного совета журнала «День и ночь» — Красноярск, член жюри Литературного конкурса «Новая Библиотека» — премии имени святых благоверных Петра и Февронии. Лауреат литературных премий: Гумилевской, Корниловской, Союзного государства, Щит и меч Отечества, Слава России, Патриот России, Золотое перо Руси.

АВГУСТ 2022-го

Рассказ

Прости, читатель, что поделилась с тобой своей болью, что, возможно, ранила твоё сердце правдой, ведь и моё — кровоточит и болит... Мирные годы изнежили нас, многие хотели бы жить по-прежнему: потреблять, потреблять и потреблять, без чувства Бога, Родины, корней, традиций, великого культурного наследия... А время такое, что надо набираться мужества, духовно закаляться...

СВО — это битва двух миров, сатанинского и Человеческого! Мы должны были упредить их — коллективный Запад — хоть на день. И он не простой — 24 февраля, это День рождения Святого Праведника Фёдора Ушакова, адмирала, не знавшего ни одного поражения. Мы тоже сегодня не имеем права не победить, ведь за нами наш Бессмертный полк, наши предки, одолевавшие врага на Куликовом поле, Про-

хоровском и других знаменитых и неизвестных полях победоносных сражений. И я задаю вопрос, это просто локальная операция или Вселенская битва? Думаю, второе. Можно в ней победить без народа? Нет, и это понимает наш русский Рэмбо — Леонид Тимофеев, опираясь на свой опыт, понимая, что «во истину светло и свято дело величавое войны», а враг не только перед лицом, и его действия в тылу вызывают вопросы, на которые нам нужно во что бы то ни стало, и чем скорее, тем лучше, получить ответы. Мы победим с армией, где служат не просто герои, это супер-герои, в единстве с нашим великим народом, которому нужны ответы и очищение.

* * *

Сразу после объявления СВО Леонид Николаевич Тимофеев, позывной Семерик, человек опытный, бывалый, 59-летнего возраста, был в ополчении в Горловке в 2014—2015 годах, стал собирать добровольцев. В результате электронной переписки и телефонных разговоров из семнадцати человек, кого он хотел видеть рядом с собой, не поехал по разным причинам никто, а он первого марта уже был на месте. Главная причина того, что его сподвижники остались дома, связана с тем, что люди помнили после ранений 2014—2015 годов бесполезное обращение за выплатами, и чиновница, как и в годы Афганистана и Чечни, привычно отвечала: «Я вас туда не посылала. Федеральный центр начал эту войну, пусть вам и выплачивает. А нам деньги не пришли».

Леониду дали автомат, четыре рожка с патронами и одну гранату. Это все, сказали ему, а дальше добывай сам в бою с украми. Он позвонил своей знакомой Тоне, секретарю влиятельной общественной организации, что воевать нечем.

— Я тебя поняла, жди гуманитарную машину.

Увидев два прибывших микроавтобуса с «гуманитаркой», Леонид поторопился им навстречу. Минут через пятнадцать, сглатывая горечь во рту, он снова набрал свою знакомую.

— Тоня, что за дела?.. 10 ящиков газированной воды в одном микрике, в другом — 10 ящиков макаронных супов «деширак». Я же тебя просил...

Раздался многоэтажный мат, длившийся с минуту.

Но винтовок не было.

Леонид открыл фото на телефоне, чтобы ими полюбоваться. Две самые современные красавицы французского производства, как минимум, по миллиону каждая... а прицел к ним — антиснайпер, в три с половиной раза дороже.

— Кто же, где и как спёр? — размышлял расстроенный Леонид. И тут его осенило:

— Это Скунс, его работа, украл...

Леонид уже видел своего начальника в деле, с удивлением читал в украинских сетях сдержанное, без ненависти (в отличие от других) к нему отношение, видел, как пришло четыре беспилотника: три — за двести тысяч каждый и один — за миллион двести. За миллион двести Скунс сразу положил в свою машину, и больше никто не видел, где дорогой аппарат, а на остальные он махнул рукой. И правда, они больше чем на 150 метров не полетят.

Отряд добровольцев оказался под началом полковника Суковатого, позывной Скунс, который чувствовал себя хозяином территории. Одним словом, он ничем не отличался по своим замашкам от укров. Если видел музей, снимал картины и отправлял своему начальству в Москву... Заехал в деревню, зашёл во двор, подстрелил четыре курицы, бросил в багажник своей машины, которую водил сам. Зашёл в дом, увидел новенький плоский телевизор, завернул в подвернувшийся под руку плед, уложил на заднее сиденье.

К августу двадцать второго Леонид физически и морально истощился. Ему нужно было остановиться среди боёв, найти ответы на свои накопившиеся вопросы и полечиться в госпитале от замучившей его аллергии. К тому же Скунс не давал справку участника боевых действий. Вопросы мучили, а отве-

тов не было. Почему контрактникам и добровольцам платят в долларах, а не в рублях, а доллар с каждым днём падает? Почему военную форму шьют из такой некачественной ткани, что она рвётся на следующий день, как надел? Почему не выплатили деньги тем, кто сам заказал себе обмундирование из нормального материала? Где оборонка? Где то предприятие, где шьют парашюты? Я не знаю такого в России. Где плотики, которые положены разведчику, чтобы он мог на нем спать в спецусловиях, переплыть через реку? Где умные командиры? Почему две недели назад погибло 42 морских пехотинца из Балтийска? Их даже посмертно не наградят, не то, что при жизни. Никто не знает о них, почему? Почему в Калининград приезжают по 20 машин с евросоюзовскими номерами за газом, вывозя его цистернами? Их пропускают на границе по чьему указу?

Эти вопросы он задавал всем, с кем приходилось беседовать, ответов не было. Измучившись, Леонид было задремал...

И вдруг внезапно проснулся, услышав рядом чьи-то шаги. На него набросились люди, куда-то потащили. Две недели его нещадно били. Вместе с кровью он день за днём выплевывал свои зубы:

— Будешь вопросы задавать? Вот тебе ответ, — и новый удар берцами в бок.

Однако ему, в конце концов, повезло, его вытащил генерал Молниев, на которого вышла Антонина из Москвы.

* * *

Василий Иванович, полковник в отставке, был приглашён на форум ветеранской организации. Ждали губернатора, и Василий Иванович откликнулся на приглашение, надеясь задать лицом к лицу волновавший его вопрос, так как ни на одно письмо в правительство области до сих пор не получил ответа.

Вышел губернатор, читал что-то по бумажке громко, но как бы ни о чём, мыслью зацепиться было не за что... Потом он спустился со сцены и пошёл между рядами, уперев глаза в

пол. Было видно, что никто из ветеранов его не интересуется, и он не хочет ни с кем встречаться взглядом, с кем-либо разговаривать. С каждым шагом губернатора уходила надежда получить ответы на свои вопросы у Василия Ивановича.

Взгляд его упал на женщину, шедшую следом за губернатором, но с другой стороны, вдоль стены, он не сразу разглядел её, потому что она то и дело наклонялась к сидящим с краю и касалась руки, приветливо даря улыбки. Это была депутат Госдумы от области Огелева. «Останутся без ответов вопросы и к ней», — понял пожилой человек.

Он вспомнил, как ему утром в воцапп кто-то прислал фотографии женщин премьер-министров западных стран и шутку: «Сколько же народу пострадало от этого бабья...»

Тем времени на сцене появился профессор Застёжкин, который начал вещать о патриотизме... «Не ты ли уничтожил в университете кафедры русской истории, русской литературы, русской философии, а теперь переобулся, соровский выкормыш?» — молча спрашивал Василий Иванович.

Началось время кофе-паузы. Пикнул телефон, — написала сообщение его сестра Нина из посёлка Живенское, который у границы с Польшей. Она сообщала, что блокноты, которые дарили ветеранам, — это измена: на обложке их фото города, но оно выдержано в тонах: жёлтые фасады зданий вверху, а дорога между ними внизу — синяя.

«От нашего посёлка, — писала Нина, — по железной дороге в вагонах-цистернах перекачивают газ в Польшу. Кто решил, ведь у нас в Калининграде может не хватить газа? Угля на зиму нет».

«Да кто же всесильный такой, что решает сам, как ему распоряжаться газом для калининградцев?» — снова звучал вопрос без ответа.

«Союз добровольцев Донбасса, — размышлял Василий Иванович, — они говорят о возвращении СМЕРШа. Ребята рассказали о трёх добровольцах, погибших на харьковском

направлении, и никто не может решить вопроса доставки их тел домой уже неделю. Три семьи пишут во все инстанции с просьбой о помощи, но её нет.

«Что же Бородай, — напряжённо думает Василий Иванович, — депутат Госдумы, неужели и он бессилен?»

Василий Иванович пошёл скорее на свежий воздух, чтобы унять защемившее сердце, услышал, как добровольцы Донбасса дискутируют.

Раненый в ногу говорил:

— Может быть, мы вообще не победим...

А паренёк с чистым и смелым взглядом уверенно сказал:

— Победим, так было всегда.

— Да я учитель истории, я знаю, что не всегда мы побеждали: например, русско-японская война...

— Нет, это была трагическая случайность, подрыв корабля с адмиралом Макаровым, — горячо отвечал молодой человек.

— Ребята, а как вы думаете, когда это кончится? — спросил Василий Иванович.

— Нам нужны добровольцы, не хватает людей там, на фронте, но никто, кроме нас... — коротко ответил человек с раненой ногой.

Василий Иванович молча пожал руки добровольцам и попрощался с ними, вспомнив слова сестры Нины: «Знаешь, что мне сегодня настроение хорошее подарило? Копаю картошку на огороде, смотрю — натовские самолеты поднялись со стороны Польши, и тут же, Вася, тут же поднялись в небо наши самолеты! Это было так отрадно!»

* * *

Шёл август 2022-го. Леонид приехал в Калининград навестить товарища, которого контузило в недавнем бою, и тот лежал в госпитале имени Саулькина. Игорь с позывным Прус, — слава Богу! — шёл на поправку.

— Ну что, Игорь, сдал справки на социальное пособие за ранение, за увечье?

— Сдал, да что толку, говорят, что денег нет.

— Смотрел вчера по ТВ концерт на отстроенной Саур-Могиле?

— Кое-от-кого тошнит, что он там делал? В 1998 году надломил Россию. А теперь переобулся?

Леонид промолчал, и пауза затянулась.

— Победим, это аксиома, — твердо произнёс он, глядя в глаза Игорю.

Август выдался аномально горячим, даже ночь не приносила прохлады. Спасали сквозняки. Квартира, которую снял Леонид, была двухкомнатной, с окнами, выходящими на улицу и во двор. Так было надо на всякий случай, ведь Прус предупредил: тут был Скунс, кого-то искал.

Леонид присел на кровать, достал из кармана смартфон, Интернет работал. Он набрал «Новости с фронта», и ему тут же посыпалась нацистская лживая информация. Он чертыхнулся: «Ну, почему лезет сначала укровская нечисть?» Наконец, вышел на дневник знакомого блогера Тороса: «В Украину понемногу съезжаются дебилы со всего мира «пострелять русню». К украм приехал какой-то модный снайпер, то ли из Норвегии, то ли из Канады. Не суть. Он был каким-то олимпийским призёром по биатлону. Короче, крутой очень был снайпер. На своей странице в ФБ написал заранее, что едет стрелять диких ополченцев. В итоге он прожил там дней пять. На одном из боевых дежурств его обнулил снайпер нашей роты Саня «Араб» и отжал у него крутую оптику. С этими импортными даунами случится то же самое».

Леониду захотелось прилечь и уснуть, но воспоминания одолевали. Перед глазами встал Луганск 2014-го, он вспомнил, как будучи командиром подразделения, он накрыл «наркотушку», уничтожив готовящуюся к отправке на Мариуполь партию «экстази». У Коломойского заводик по производству наркоты

работал бесперебойно в Горловке. Работал колбасный цех, кондитерский... С их продуктами втихаря и вывозили.

Скунс сразу же узнал о взорванной партии наркотиков и отправил к Леониду четверых. Били жестоко, превратив тело в сплошной синяк. Этих четверых потом расстреляли, когда прибыл генерал из ГРУ, освободив Леонида и увезя его с собой в Москву на лечение. А Скунс подогнал к самолету микроавтобус с подарками в столицу, быстро погрузили картины, телевизоры, иностранное оружие для коллекций.

Августовские душные ночи не давали уснуть. Память подсунула снова 14-й год, посёлок Счастье. Тогда Леонид только прибыл в Ростов и оказался среди шести разведчиков и дюжины ополченцев. Нужно было найти в Счастье снайпершу, которая где-то пряталась и убивала ополченцев. Счёт у нее уже шёл на десятки.

По прибытии на место, молоденький парень из ополченцев предупредил, что казаки тут все подступы заминировали, а карты минирования нет..

Когда Леонид осмотрелся, он сразу понял, что снайпер-женщина могла прятаться только в отдельно стоящем двухэтажном особняке, и она не подорвалась на mine, потому что никуда и не уходила. У дома стоял микроавтобус с гуманитарной помощью из России. Ополченцы тем временем открыли летнюю кухню рядом с домом и, голодные, увидев яйца в холодильнике, стали жарить себе яичницу. Кто-то уже вскрыл автобус и вытащил из него кроссовки, связанными шнурками повесил их себе на шею. Берцы были бы лучше, но за неимением, хоть и не надолго, решится вопрос обуви.

Особняк был закрыт, и ополченцы стали снимать двери с петель, найдя кой-какие инструменты в летней кухне. Как только дверь стала открываться, из неё вылетела граната, но пролетела далеко вперёд, никого не достав осколками.

Непонятно, откуда они узнали, но укрыты тут же начали обстреливать группу Леонида. А он взял с собой бронебойные

патроны и вначале прошёлся по окнам первого этажа, а потом прицелился по второму этажу, откуда слышался крик раненой убийцы. Еще один выстрел, и крики стихли. Снайпером оказалась украинская биатлонистка, чемпионка Люся Пидъяблонева, активистка майдана, желавшая «рашистам» побольше грузов 200.

Позже выяснилось, чей это был дом, — племянника Столярова, одного из лидеров молодой Луганской республики. С помощью дяди племянник подогнал гуманитарную помощь к своему дому.

«Как победить зло?» — для Леонида такого вопроса не стояло, он просто делал своё дело, исходя из опыта разведчика. Он никогда не ходил в публичный дом «Клубничка» под Луганском, не пил, лишь очень редко и чуть-чуть, только если надо было помянуть близкого человека, но никогда — перед боем, перед заданием.

«Если не остановить ползучую гниль с запада, то это будет неимоверная угроза Отечеству, семье, детям», — это Леонид понял давно и никогда не забывал о своей миссии.

Он помнил, что четверо сбитых летчиков из Черняховска упали в Чёрное море под Одессой, где вода была — четыре градуса в то время, — за ними никто по какой-то причине не был отправлен на поиски, они просто замёрзли в воде...

Нужно отвечать, прежде всего, за себя, понимая, что от твоей выучки и трезвости зависит твоя жизнь и жизнь твоих подчиненных, и, разумеется, общая победа.

Раздался телефонный звонок, это была его жена Зоенька. Губы у Леонида расплылись в улыбке, сердце наполнилось нежностью: «Привет, роднуш! Все нормально, завтра выезжаю».

В открытое окно потянуло запахом гари, и Леонид в мгновение ока замер у окна. Его тревога оказалась ложной. Запах шёл из строящегося рядом очередного высотного дома, ещё одной многоэтажки, растущей на благо какого-то областного депутата. Жгли мусор, чтобы не платить за его вывоз.

«У границ Калининградской области стоят натовцы», — и эта мысль заставила бывалого воина внутренне мобилизоваться, освободиться от воспоминаний и сосредоточиться на сегодняшних задачах. У Леонида была ещё одна цель в самом западном краю — автомобиль. Один умелец переделал машину УАЗ «Патриот», чтобы охотиться на ней по любым дорогам, а теперь продавал, и Леонид купил, чтобы ехать на ней на Донбасс, мысленно благодаря прежнего владельца. Он ехал в Балтийск, чтобы сесть на паром на Усть-Лугу, на большую Россию, размышляя: «Надо учить детей любить Родину и защищать её, помнить заветы отцов и дедов, бороться со злом. А оно не только на Украине, оно и здесь, в России, но никто, кроме нас!...Ничего, ребята, справимся», — мысленно обращался он к своим добровольцам.

Он торопился. Его заждался в Донецке пёс, которого он подобрал в одном селе, привязанным на цепи, а хозяева были убиты. Рекс признал в Леониде нового хозяина, — отличный, верный, умный пёс, который не позволит теперь подобраться к нему внезапно...

ЛУГАНЧАНКИ И ДОНЧАНКИ

Галина

— Как мы пережили 2014 год? Когда стало понятно, что к нам пришла война, жизнь разделилась на «до войны» и сейчас. На все деньги, получив зарплату, я купила продуктов. Выручила бабушкина традиция. Пережив Великую Отечественную войну, она всё время держала запас продуктов на чердаке своего дома: там стояло три 50-литровые кастрюли с крышками: с солью, сахаром и сухарями. Отдельно запасы муки и крупы.

Так и выжили, в основном, на кашах да заготовках, — другого не было. Как чувствовала, банки с маринованными огур-

цами, которые я тщательно собрала и закатала, пригодились. Уже стреляли, а я всё ещё варила варенье.

События 2014 года очень сдружили всех нас. Мы делились хлебом, чаем, тем, что у кого было.

Возвращаются ли люди в Луганск? Да, наша знакомая сначала уехала на Украину к родственникам, ютилась там, оставив здесь трёхкомнатную квартиру. Когда я ей по телефону сказала, что в магазинах всего полно, она не поверила, на Украине СМИ убеждают, будто у нас полки пустые. Она вернулась и, когда сходила в магазины, была страшно возмущена украинской пропагандой.

Есть ли ненависть у жителей Донбасса к Украине? Трудно ответить на этот вопрос. Боль в душе возникает при мысли о войне. Но у меня остались на той стороне родственники и подруги. Подруги передали лекарства, когда мне понадобились. В университете учатся студенты, приезжающие с той стороны, что за линией фронта, потому что у нас учатся бесплатно. Те, кто на договорной основе, тоже не платят, только общежития не получают. Некоторые приезжают лечиться в нашей больнице, получая лекарства, которые нам даёт Россия. Как хочется, чтобы прекратились выстрелы, чтобы у детей было будущее! У нас зарплата в ЛНР — меньше, чем в ДНР, это обидно. Люди устали от войны.

Татьяна

У нас, в Роскошном, долго стреляли людей лазутчики-диверсанты, они появлялись под видом копающих картофель, а на самом деле расстреливали встречающих людей. На помощь пришли чеченцы, они их поймали. А потом танки пошли. Страшно было. В танках почему-то казахи сидели, так мне казалось, что казахи. А так жутко было, что не видно, кто твой враг. Были и предатели среди жителей Луганска. Но уже рождались штабы Соппротивления по все-

му Донбассу, по всей Луганской области: в Красном Луче, в Лисичанске, Северодонецке, Краснодоне, Лутугино, в самом Луганске.

Сын — наш кормилец. Однажды он отправился добыть продуктов. Обещал в тот же день вернуться. Один день прошёл, второй, третий. На четвёртый день, сама не своя, чтобы как-то отвлечься от тревожного ожидания, я решила помыть окна. И вдруг слышу, что муж во дворе с кем-то разговаривает. Я не узнала голоса своего сына, так он был истощён. Вышла навстречу, а сын говорит: «Мама, ты же вся седея!» Я плачу и сквозь слёзы говорю: «Сынок, волосы я покрашу, главное, что ты вернулся живой». Он принёс несколько банок тушёнки и крупы.

Люди Луганска оказались организованнее, например, харьковчан. Там бандеровцы приехали с молотками в руках и били безоружных харьковчан насмерть. В Луганске учли горький опыт соседей и соратников, поняв, что надо брать власть в свои руки. Стали прибывать люди, настоящие патриоты, в том числе и из Запорожья, Харькова, Днепропетровска. А население Донбасса было настроено решительно. День 6 апреля 2014 года остался — и уже навсегда останется в истории — днём следующей за Крымом победы Русской весны. Разные люди почувствовали себя единой силой, осознали себя народом. И мы хотим быть не вместе с Россией, а в России. Паспорт российский получила, надо где-то прописаться, а таких родственников в России, кто пропишет, у меня нет... Зеленский когда-то учился в нашей Луганской академии культуры и искусства имени Матусовского, но не окончил, не потянул. Как он там Криворожский вуз окончил, не знаю... Не завидую Украине.

Ольга Корса

Полковник Ольга Качура, позывной — Корса. 8 сентября 2021 года мы встретились с ней у Саур-могилы. Она легенда командиров Донбасса. Воевала с 2014 года. Установки «Град» дивизиона «Корса» уничтожали колонны противника, накрывали его опорные пункты, отгоняя украинских нацистов от Горловки, Донецка и Макеевки. Реактивный дивизион Корсы — самая мощная ударная сила корпуса ВС ДНР. Подразделение принимало активное участие в Иловайской операции, в Дебальцевско-Углегорской операции. Сейчас это уже давно не ополчение. Это настоящее воинское подразделение.

Ольга — потомственный военный. В 18 лет надела погоны и больше их не снимала. Вся жизнь подчинена четкому регламенту служебного устава. Кто же не знает, не понимает, что у войны «не женское лицо», но без них, без женщин, невозможно обойтись. Как только на Донбассе вспыхнули первые искры противостояния, она осознала, что ее место в строю. В ополчение вступила в апреле 2014 года. С тех пор она на передовой.

В зарождающейся армии тогда ощущалась острая нехватка опытных офицеров, военспецов ее уровня можно было пересчитать по пальцам. По первой специальности Ольга — разработчик программного обеспечения для систем наведения баллистических ракет.

В Славянске она устраивала рейды в тыл врага и уводила оттуда технику, ставшую впоследствии костяком для создания реактивного дивизиона ВС ДНР.

После ухода из Славянска подразделение Корсы передислоцировалось в Горловку. Город находился почти в полном окружении украинской армии и постоянно обстреливался. Командование ВСУ несколько раз в ультимативной форме предлагало ополченцам покинуть город, угрожая сравнять его с землей. Требовалась активная работа артиллерии по

подавлению огневых точек противника. Тогда за дело бралась Корса. Действовали слаженно и четко, получали координаты, выезжали, отработывали цель и возвращались. Приходилось решать невыполнимые, казалось бы, задания. В ее дивизионе 140 артиллеристов, сотни бойцов она воспитала, научила действовать в боевых условиях. Она любила рыбалку, охоту, ухаживать за растениями. У Ольги осталось двое детей: дочь Алена (четыре года отслужила в реактивном дивизионе у матери) и приемный сын Сергей, давно ставший родным. Ольга Сергеевна мечтала о мире, о том, как займется сельским хозяйством, а может быть, станет политиком... В 2022 году она погибла от рук укров. Награждена Георгиевским крестом II степени и многими другими орденами и медалями ДНР. Вечная, светлая память!

Виталий Даренский

Даренский Виталий Юрьевич родился в 1972 году в Луганске, окончил исторический факультет Донецкого университета. Член Союза писателей России, доктор философских наук. С 1999 года преподавал в университетах Луганска, в 2017 — в Дальневосточном Федеральном университете. Автор поэтического сборника «Притяжение неба» (2017), монографии «Парадигма преобразования чело- века в русской философии XX века» (2017). Регулярно публиковался в журнале «Берега», «Подъем», а также в журналах: «Москва», «Грани», «Родная Ладога», «Голос эпохи». Лауреат конкурса к 60-летию журнала «Москва».

СЧАСТЛИВЫЕ ДНИ

Рассказ

Не верь в святую Русь, кто хочет, —
Лишь верь она себе самой, —
И Бог победы не отсрочит
В угоду трусости людской.

Ф. Тютчев

В латинском языке, хранящем в словах своих мудрость имперского народа, слово *bellum* обозначает одновременно и войну, и совокупность всех самых лучших качеств — «милое, приятное, прекрасное, веселое, бодрое, здоровое». Слово «война» поэтому здесь звучит как «прекрасное дело». Для современного человека это более чем странно. Для нас, не видевших войны, война — это смерть, ужас, дикая боль ран и бездонная боль от потери близких. Война — это страшная сказка, которую лучше не знать. Но для древних, которые называли войну прекрасной, она была обычным и привычным делом. Войны шли регулярно, повторяясь, почти как времена года. Войны были абсолютно жестокими — истреблялись

целые города и даже целые народы; пленных сжигали живьем, а младенцев разбивали о камни. Сама смерть и без всякой войны была обыденностью — люди жили мало, большинство детей умирало ещё во младенчестве, а регулярные эпидемии и голод истребляли население целых областей. И вот эти люди назвали войну — «прекрасная». Что же они знали такое, чего уже не знаем мы?

Для нашего времени война кажется настолько чуждой и странной, что даже самое небольшое касание к ней вдруг открывает эту тайну. Мне, к сожалению, воевать не пришлось из-за плохого зрения, не пришлось защищать родной Луганск от новых нацистов, которых взрастила Украина, как ядовитую плесень. Но тайна войны коснулась и таких, как я. Война происходит не только на фронте — она, как невидимый эфир, окутывает все вокруг и проникает в сердца. Мир становится каким-то другим, и прошлая жизнь кажется сном, от которого нас пробудило что-то намного более важное и существенное. Когда вдруг внезапно почувствуешь, что война, вопреки всему, — это действительно *bellum*. Так было и у нас.

Война — плод смертельного оскорбления и страсти умереть за Правду. Двадцать лет Украина оплевывала и топтала всё русское, ложью и забвением пыталась убить наши души. Это единственная в мире страна, в которой язык большинства населения не является государственным. Таких стран больше нет. Это единственная в мире страна, которая полностью уничтожила свою историю, поставив на её место подлейшие мифы, сочиненные в ведомстве Геббельса, а ныне из бандеровских листовок со свастикой 1943 года без всяких изменений перекочевавшие в школьные учебники. Это единственная в мире страна, в которой «правильное» национальное сознание основано на одной лишь ненависти — ненависти к русским. Но русские все это терпели, проявляя христианскую суть своего национального характера. Хотя многие скурвились, перейдя на сторону нацистов и став едва ли не самыми наглыми из

них. А большинство ни на что не обращало внимания, надеясь в глубине души, как и их далекие предки, что скоро «Бог перемнит орду». Единицы боролись, иногда жертвуя жизнью и судьбой. Единицы, не понятые другими, молились в церквях о «преодолении разделения народов Отечества нашего» и о «соединении Великия, Малыя и Белыя Руси». И казалось, что этому не будет конца, и ничего уже не изменится при нашей жизни.

Но зло само разоблачает себя и ищет свою погибель. Вот оно снова выползло на «майдан» — на то место, где когда-то Батый ворвался в Киев, а потом еще много веков было «козье болото», на которое ходили колдовать киевские ведьмы. Снова заработала американская технология monkng — «обезьянника», когда многие тысячи еще вчера вполне нормальных людей, собравшись вместе, вдруг становятся невменяемыми, и их обезображенные злобой рты орут непрерывные проклятия. Их сознание замутнено настолько, что свое бесноватое состояние они называют «революцией гидности (достоинства)». Те, кто остались нормальными, назвали это «революцией гадности». Но по отношению к нормальным уже работает своя технология — такой поток лжи и оскорблений, который должен изобразить из них абсолютных нелюдей, подлежащих уничтожению.

Что греха таить, стерпели бы и в этот раз, если бы не одно большое НО, навсегда и бесповоротно сломавшее все планы заокеанских хозяев. Это — черно-красный бандеровский флаг, флаг гитлеровских холоуев, воевавших со своим народом. Двадцатилетняя тотальная «промывка мозгов» уже вырастила целые поколения несчастных дикарей, не знающих ничего, кроме геббельсовской лжи и этой сатанинской красно-черной тряпки — цвета тьмы преисподней и адского пламени. И они уже нагло думали, что они пришли сюда, как в пустыню, что здесь уже никого нет, кроме них, и никто уже не помнит тысячелетнюю Русь. Они ошиблись — и ошиблись навсегда.

Горек было Новый 2014 год от Рождества Христова — кипел наш народ обидой и гневом на творящееся в Киеве беззаконие, на безвольного Януковича, боявшегося очистить «майдан» от беснующегося фашистского кода. Двадцать лет сжималась пружина боли и дошла до предела, и осталось ей теперь только одно — выпрямиться во всю силу. Но как? Как?

А во всех людных местах Луганска гудит боль и возмущение — словно пробудившись ото сна, люди высказывают то, что наболело еще от того, первого «майдана», девять лет назад по-хамски плюнувшего в лица нам, «юго-востоку». А в обрывках разговоров — настоящие «перлы»:

— Еврохолуй! Евробыдло! Привыкли Европе мыть сортиры и ничего другого не умеют. Эта Европа их держит за дешевую прислугу, а они и рады. Бандеровщина проклятая! Пусть валят в свою жлобскую «Эвропу», а нам не мешают жить! «Революция гідности!» Какая там «гідність», какое достоинство? Они хоть знают, что это такое? Американские подстилки!

— Революция *гадности*! Все гады опять повыползали — давить некому. Янукович, как лох, трясется за свои бабки, которые у него на Западе лежат, все слушает, что ему оттуда скамандуют. Мы за него голосовали, думали, защитит от этих бандер и от Америки, будем дружить с Россией, а ему на нас наплевать. На том же Западе такой «майдан» уже давно бы разогнали и пересажали. А в Америке по закону в тех, кто с полицией дерется — сразу огонь на поражение. Там бы за полчаса от «майдана» мокрое место осталось. А нам Америка командует: «Нельзя! Уберите «Беркут» с улиц!» Лицемеры проклятые! Мы же им не командуем: «Смените охрану в Белом доме!»

Интеллигенция рассуждала спокойнее и основательнее:

— Какой инфантилизм, вы подумайте! Сотни специалистов в один голос говорят, что ассоциация с ЕС убийственна для нашей экономики, она окончательно добьет промышлен-

ность и сделает из нас сырьевой придаток, эдакое европейское Зимбабве. Никаких инвестиций не будет, им нужна только наша сверхдешевая рабсила и рынок утилизации ширпотреба. Нет, ничего не хотят знать — хотим в «Эвропу» и все. Детский сад! Показали конфетку с красивым названием — и делай с нами, что хочешь. И ладно бы толпа, а то люди с учеными званиями и студенты лучших университетов — по своему идиотизму ничем не выше самой темной толпы. Увы, это Украина, детка. Нормальным людям здесь уже давно делать нечего. Нужно сваливать в Россию — это великая страна с великим будущим и мудрым народом.

— Все дело в том, коллега, — добавлял другой, — что эти университеты и звания уже ничего не значат, если они достались плебеям с хуторянским мышлением. Дело в том, что когда произошел отказ от великой имперской традиции в культуре и историческом сознании — сразу наступила обвальная деградация души, мышления и нравственности. На Украине навязывается псевдокультурный стандарт галичанства — этого несчастного племени на территории Галиции, которое семь веков жило в рабстве у других народов и еще в середине XX века пребывало в Средневековье. СССР вытащил их за уши из их дерьма, приобщил к цивилизации — но именно за это они его и ненавидят. Все закономерно — дикари хотят вернуться в дикость, рабы — в рабство. Еще гетман Скоропадский очень быстро понял, с кем связался. Вот что он пишет в своих воспоминаниях, страница 233, послушайте: «Узкое украинство — исключительно продукт, привезенный нам из Галиции, культуру каковой целиком пересаживать нам не имеет никакого смысла: никаких данных на успех нет, и это является просто преступлением, так как там, собственно, и культуры нет. Ведь галичане живут обедками от немецкого и польского стола. Уже один язык их ясно это отражает, где на пять слов — 4 польского или немецкого происхождения... Великороссы и наши украинцы создали общими усилиями

русскую науку, русскую литературу, музыку и искусство, и отказываться от этого своего высокого и хорошего для того, чтобы взять то убожество, которое нам, украинцам, так любезно предлагают галичане, просто смешно и немыслимо».

— Плебейство — это еще слишком мягко сказано, — добавлял третий, — Нет, еще и гнусность, и подлость в их самом крайнем проявлении! Обратите внимание, почему они всех нормальных людей называют «ватниками» и «колорадами»? Потому что хотят, как самые последние хамы, плюнуть людям в самую глубину души. «Ватники» и «колорады» — это Красная Армия, освободившая мир от нацизма и фашизма. Армия, одетая в ватники, разгромила Гитлера под Москвой и Сталинградом, форсировала Днепр и освободила Киев. В ватнике был Александр Матросов, когда бросился на амбразуру. А Георгиевская лента — на медали «За отвагу», а ранее — на Георгиевском кресте. Украинские нацисты нагло плюют на могилы своих же собственных предков, которые сейчас в гробах переворачиваются, узнав, кем стали их потомки. Они перешли на сторону Гитлера! И они же сами себя разоблачают! Сами признаются, что они теперь нацисты, если ненавидят все, что связано с победой в Великой Отечественной войне! Само это название им уже ненавистно, и его уже убрали из учебников. Но их конец будет таким же, как у их предшественников — на мусорнике Истории!

Но разговоры — разговорами, а ничего не менялось: «майдан» нагло стоял, Янукович трусливо бездействовал. Видимо, «Беркуту» это надоело, и он по своей инициативе пошел в наступление, занял часть «майдана». Нацисты уже подожгли дом Профсоюзов, чтобы уничтожить то, что они там оставили — трупы, оружие и наркотики. А «Беркута» очень мало перед огромной толпой фашистов, но он геройски наступает даже без приказа трусливого Януковича. Тогда наступает кульминация: наемные снайперы стреляют в «Беркут» из консерватории и гостиницы «Украина», заставив его потерять два

десятка убитых и ретироваться с «майдана», а затем с тем же успехом отстреливают больше сотни глупых майданных боевиков, которые как заготовленное пушечное мясо, ринулись вверх по улице в сторону администрации президента. В Раде подкупленные депутаты Партии регионов вместе с нацистами голосуют за отмену антитеррористической операции. Те же самые люди, которые наняли снайперов, объявляют убитых ими боевиков «небесной сотней», а про убитых милиционеров никто даже не вспоминает. Исторический акт величайшей подлости и лицемерия свершился.

Янукович бежит, и весь Юго-Восток охватывает гнев и отчаяние. Но вдруг, как неожиданное чудо и нежданная радость, поднимается Крым! Наше отчаяние перекрывается радостью, в которую поначалу даже не верится — пусть, увы, не мы, но хотя бы Крым освободится от проклятого украинского ига! Изумительный народ Крыма единодушно показал, что он — единая Русь, а не «окаянная нИрусь» — Украина. Россия действует мощно, как и подобает великой стране. Все организовано четко, Запад в шоке и прострации, не зная, что делать, и вот Крым свободен! Но как же мы?

Чувствует сердце, что что-то будет, и ожидание его не обмануло. И вот уже впервые взметнулся на флагштоке российский триколор в центре Луганска под громогласное «Ура!» ликующей площади. И вот уже народ каждое воскресенье занимает здание администрации, словно тренируясь для будущих свершений. Луганский счастливый март, наша Русская весна! Чувствует сердце — что-то будет! И вот оно, долгожданное — Начало. «Я, Болотов Валерий Дмитриевич, командир Луганских партизан...» — говорит с экрана перед миллионами людей усталый сержант, снимая маску и расстегивая ворот, под которым десантская тельняшка. И вот уже 6 апреля партизаны ведут людей к зданию СБУ — и взметнулся над ним победный триколор! Корабль Истории, гнивший в зловонной тине Украины с 1991 года, тяжело и со скрипом,

но отчаянно и упорно, поднял паруса и двинулся в открытое море. Вперед, хватит терпеть и бояться, и будь что будет!

Луганск — второй, кроме Славянска город бывшей Украины, который не стал шутить, играть в «мирный протест», но сразу поднял вооруженное восстание. Украинские нацисты уже развязали тотальный террор и насилие против тех, кто с ними не согласен. Они уже начали Войну — и у нас не осталось выбора. Отныне вся кровь — на их совести, если она у них еще осталась, на их грязных, лживых и подлых душах. И они ответят за нее!

А тем временем в центре Луганска, под ярким апрельским небом начинается праздник и ликование тысяч людей, каждый день заполнявших пространство перед бывшим СБУ, а отныне — крепостью русских повстанцев. Ставятся палатки с названиями городов, дымят кухни, из динамиков гремят русские и советские песни, в двух палатках-часовнях непрерывно читаются акафисты, между песнями к микрофону выходят все желающие и говорят все, что у них выстрадалось и наболело. Перед новой крепостью — два ряда баррикад, между ними — узкие проходы, один выстелен украинским флагом, другой — американским. Входящие старательно вытирают ноги, так что оба флага из-за быстрого износа приходится часто менять. На баррикадах — самодельные огромные кресты, иконы и надписи — Святая Русь и Луганская Народная Республика. Везде российские триколоры и флаги ЛНР.

Но однажды чудной весенней ночью ударил набат в храме Гурия, Самона и Авива, что напротив крепости — тревога! Выдвинулись для штурма приезжие спецназовцы, собранные со всей Украины и спрятанные ранее в казармах по окраинам. И к крепости, готовой к бою, побежали, проснувшись, тысячи людей со всех сторон и стали стеной вокруг баррикад, вместе с вооруженными бойцами — умрем, но не отступим! И никто не приблизился...

И вот уже Луганская армия наносит контрудар — выбивает и выгоняет из воинских частей по городу всех чужаков.

Вот и первый настоящий бой — за кварталом «Мирным» взята областная база погранвойск. Остался лишь аэропорт — там накапливаются украинские каратели, садятся все новые и новые их самолеты. Их предупредили: уходите по-хорошему. Они не поняли, и зря. И вот уже горит сбитый на посадке огромный ИЛ-76 с НАТОвскими инструкторами и какими-то еще секретными грузами.

Украинские оккупанты, вон из Луганской Республики! Сдается и бежит трусливая Украина. А там, двести километров на запад, сражается геройский Славянск, наводя страх на вдесятеро превосходящие украинские силы.

А все трусы и подлецы уже тогда бросились бежать на Украину — переждать и вернуться с карательными войсками. Не дождутся! А перед крепостью еще гремят ораторы:

— Лучше погибнуть на войне, чем жить с этими майдановскими гадами и бандеровскими мразями в одном государстве!

— Лучше погибнуть на войне, чем над нами будут глумиться эти гнусные «европейские ценности» — корысть, жадность, жлобство и разврат. Все эти псевдоценности — ниже пояса. Вместо личности — тупая похотливая биомашина. Разврат преподается в школе, детей отнимают у нормальных семей и за взятки передают содомитам. Европа — это тоталитарный сатанизм, убийца человечества. Но мы устоим! У нас настоящие, русские ценности — совесть, бескорыстие, смирение, служение Богу и Родине!

И вот 11 мая — никогда еще не было таких выборов! Раньше люди нервно толпились, переживая смесь надежды с уже заготовленной злобой — «Кого ни выбери, все обманут!» Кучма и Янукович трижды обещали: русский язык — государственный, и трижды обманули. А Янукович еще и дважды сдал страну фашистам. Теперь суть действия своей невероятностью почти сводит с ума — новое государство, ЛНР, Новороссия! Людей много, все радостные, шутят и веселятся. Есть ораторы на улицах, один говорит:

— А почему это независимость Украины — это хорошо, а независимость Новороссии — это плохо? Если независимость — это плохо, то отменяйте тогда нахрен вашу Украину и создавайте обратно Советский Союз. Мы будем очень даже не против. А если независимость — это хорошо, то вы обязаны признать нашу Новороссию, и не надо тут лицемерия и двойных стандартов! У нас тоже законный референдум и народное волеизъявление. А если им плевать на наш референдум, то тогда не надо и вякать про какую-то «демократию»! Это фашистская диктатура, что и так всем известно. «Мировое сообщество не признает»? Ишь ты! А кто такие это «мировое сообщество»? Америка и ее холуи? Плевать мы на них хотели! Мы референдум проводим для себя, а не для них! Ничего, признают, когда им Россия немного мозги вправит, а то совсем уже охамели пиндосы, везде свой нос суют, устроили нам фашистский переворот и радуются!

Хорошо сказано, однако.

* * *

Но вот пришла и она — Война.

Вот они первые ночные взрывы где-то за Металлистом.
Разговор:

— А кто это стреляет? Наши?

— Нет, у наших артиллерии нет. Это укрупы.

— А что же делать?

— Потерпеть. Скоро артиллерия будет. А пока нужно маневрировать.

Вот первое, еще июньское сражение за Металлист, несутся через город санитарные машины с ранеными. Разгром укрупов, много пленных, разбит батальон «Айдар» (его потом еще неоднократно будут создавать заново после очередных разгромов), из него взята в плен садистка Савченко, которая в Харьковском СИЗО уже пытала пленных. Много убитых НАТОвских наемников, в основном поляки, но есть и негры.

То же самое и на той стороне Донца — за Станицей Луганской. Фронт пока стабилизировался.

Вот первые две мины прилетели на наш квартал Шевченко, на рассвете нежно и музыкально просвистели, как в кино, и взорвались где-то рядом. Днем паломничество населения к месту взрыва — снесло левый вход в школу № 14. (Замечаю для себя: мина легко пробивает плиту перекрытия, значит, на пятом этаже находиться нельзя, но у нас на третьем уже безопасно — мина падает почти вертикально и в окно не залетит).

В Интернете был ролик: кто-то заснял, как через Счастье на Металлист проходит большая укропская колонна — танки и «Гиацинты», самые большие самоходные дальнобойные орудия. Комментарии были оптимистичные:

— Мама дорогая, и это все на нас?

— Привет, завтрашние «двухсотые» и куча металлолома!

Но пока эти «Гиацинты» превратились в металлолом, они успели поглумиться над городом и убить несколько десятков мирных жителей. Особенно страшен был снаряд, упавший на перекрестке у Восточного рынка. Объявили, что он убил 8 человек, люди говорили — 26. Другой снаряд пробил полутораметровые дыры в толстых стенах областной библиотеки им. А. Горького и Музея истории Луганска; а с особой страстью укропы долбили новый высотный дом за бывшим СБУ, еще даже не заселенный, в который было много попаданий. Еще был свет, и по украинским каналам нагло брехали, что это ополченцы обстреливают сами себя и свой город. Страна, основанная на лжи, от лжи и подохнет. Слава Богу, процесс уже пошел.

И в тот день появилась она — Ненависть.

И вот через месяц после первого — второй штурм. Теперь уже с трех сторон — уже не только от Металлиста на Вергунку, но еще и через Александровск на Юбилейный и через Роскошное на квартал Мирный. Штурм отбили, но укропы закрепились. Конец июля — начало блокады.

Но там, на юге области — между Свердловском и Краснодаром — укропы в «Южном котле», первая стратегическая победа! Это самоуверенные НАТОвские инструкторы наплачивали там в киевском генштабе отрезать ЛНР и ДНР от России прорывом вдоль границы. Укропы нагло вытянулись в нитку от Саур-могилы до Краснодона — им уже осталось меньше тридцати километров до Станицы, чтобы замкнуть все окружение — но армия ЛНР разрубила эту нитку, как змею поганую, прижала ее к границе и добила. Пять бригад и полк спецназа уничтожены в хлам, одних убитых до пяти тысяч. Полтысячи укропов бежали в Россию, а потом Украина отдала их под суд.

В июле уже Украина не заплатила зарплату и закрыла банки. В конце июля уже окончательно потух свет, и отключили воду. Каждый день теперь минометные обстрелы украинскими диверсионными группами и дальние артиллерийские дуэли. Людей осталось мало, почти все сбежали — лишь несколько пенсионеров у подъезда. Раньше играли дети возле подвала, чтобы при обстреле сразу спрятаться — увезли и их.

Молодые уехали, бросая стариков на произвол судьбы. Холодильники не работают, жара, ничего хранить невозможно, запасов мало, магазины продают только консервы, на рынке цены выросли в три раза. Везде орут несчастные брошенные коты и породистые собаки. Мы с женой с утра с тележками ходим за водой на улицу Дальневосточную, где ополченцы дают воду из скважины с девяти утра до девяти вечера, но там большая очередь. Часть воды мы раздаем бабушкам, которые почти не ходят. Им жена каждый день носит еще и еду. Кормим своих двух котов и еще нескольких брошенных кем-то во дворе. Наша кошка болеет, жена над ней плачет и каждый день покупает ей что-то свежее и дорогостоящее. Деньги тают.

Август. Укропы, обломавшись в Южном котле, решили окружить Луганск отдельно и сжимают блокаду. Взяли

Лутугино, наглухо перерезали дорогу на Алчевск. Разблокировали аэропорт, навезли туда припасов, взяли Новосветловку — перерезали дорогу на Краснодон. Правда, туда осталась дорога в объезд, которая простреливается — последняя «дорога жизни» между Новосветловкой и Станицей. Наконец, взяли Хрящеватое — и последний рубеж обороны теперь прошел за Острой Могилей — там же, где он был в 1918 году, когда «красный» Луганск во главе с Ворошиловым и Пархоменко оборонялся от казаков Краснова, выстоял и погнал их обратно на Дон. Но теперь, правда, мы сами — «белые», и казаки воюют на нашей стороне.

И вот до фронта по улице Оборонной — шесть остановок трамвайных, хотя трамвай давно не ходит. И вот Оборонная вспомнила, почему она так называется, и снова стала «оборонной» — исполосованная танковыми траками, размеченная разбитыми домами. Вдруг заревет «Град», словно исполинская швейная машина, с территории аккумуляторного или «сотого» завода — и летят в ответ украинские снаряды опять сюда, в район Оборонной.

А когда нет канонады, вдруг настанет здесь такая тишина, как в поле, и тогда слышно, как вместо рева потока машин, тихо-тихо шелестит трава на ветру и качаются разорванные трамвайные провода...

* * *

С украинскими минометными диверсионными группами ополченцы сначала боролись лучше, потому что люди, увидев подозрительную машину, сразу звонили на номера ЛНР — но тогда Киев специально отключил нам мобильную связь, чтобы им легче было нас убивать. Стало тяжело.

Но к обстрелам привыкли. В начале августа мина упала у нас возле дома, когда там шла жена. Всего метрах в двадцати пяти от нее — ее спасли кусты густой сирени, которые посеколо осколками. Я только успел броситься к окну — уже

сразу свистит вторая мина, я кричу «Падай! Падай на землю!». А она бежит к дому, кричит «Господи, помилуй!». Помиловал, и вторая мина перелетела через дом и упала в соседнем дворе, выбила там все окна.

Было много и других случаев, ходить за водой всегда рискованно. Мина свистит три секунды — можно только успеть упасть на землю, и больше ничего. Но обычно лень падать, только подумаешь: «Ну, убьет, и хрен с ним, надоело!». А храбрый народ у нас на рынке, особенно в очереди за кормом для котов. Рано утром у нас на таксопарке на рынке стояло три очереди, в основном, из пенсионеров — за хлебом (ждут, когда привезут), за молоком (когда еще возили молоко, в августе перестали — все пригороды отрезаны) и за рыбой для котов и куриными лапами для собак.

Последняя очередь была самая бесстрашная. При свисте мин и взрывах, первые две очереди бросались врассыпную, а немощные бабушки просто падали на землю, в кровь разбивая локти и колени. Но «кошачья» очередь, самая длинная, лишь слегка вздрогнув, продолжала бесстрашно стоять. И продавщицы продолжали торговать, крича почти в истерике: «Мы тут все сдохнем из-за ваших котов, будь они неладные!».

Бабушка в очереди говорит:

— Я уж сама как-нибудь, а моему Барсику куплю рыбки...
«Мы отвечаем за тех, кого приручаем».

* * *

Пенсионерка, бывшая учительница, говорит в очереди: «Я пишу книгу обо всем об этом». Да, такой народ победить нельзя. Хочется найти пример, как описать все это, беру бунинские «Окаянные дни». Но нет, там все «с точностью до наоборот». Там отвращение и тоска, а у нас — надежда и... радость. Нет, как это ни дико звучит, но я бы написал «Счастливые дни»!

Да и сам Бунин, будь на нашем месте, написал бы, наверное, вот так:

«Город пустел, заполняясь грозным пространством знойного воздуха, и в перерывах между взрывами и свистом мин тихо звенело ощущение какого-то неведомого радостного будущего, сладко тревожащего сердце».

Даст Бог, и я когда-нибудь так напишу, если жив останусь.

Однажды ранним утром, когда не было канонады, я вдруг подумал: «А как там Вася? Он же на окраине, почти на линии фронта, и вряд ли уехал. Он не уедет, он такой». Василий Бугаев — это мой друг, луганский художник, которого, как водится, сейчас знают очень мало, но через полвека он будет знаменит, вспомните мои слова. Я решил пойти к нему.

Вася живет в районе «3-й километр», на выезде в сторону Лутугино, где в то время «укропы» уже сидели в «котле». Они там были еще совсем рядом, возле Роскошного, и оттуда долбили нас артиллерией. Я пошел туда пешком насквозь через «шанхай» (так у нас называется огромный район частной застройки) — от Оборонной вниз километра три. Взял с собой кусок железной трубы — отбиваться от одичавших собак — и не зря, она пару раз пригодилась. «Шанхай» тоже был пустой — людей и здесь не видно. Улочки засыпаны яблоками, которые некому собирать — стоит винный запах спело гниющих плодов. Вася оказался на месте и очень обрадовался. Я спросил:

— Где тут фронт?

Вася смеется:

— Километр отсюда. Тут самое безопасное место — все пролетает у меня над головой. Но когда взрывается там, в центре — как ножом по сердцу.

Вася достал свой последний НЗ — «мерзавчик», то есть бутылку 0,25 водки, оставленную им на самый выдающийся случай. Я предложил:

— Давай махнем мерзаву сразу всю напополам и помолчим, пока тихо.

Махнули, заели яблоком и стали молчать. В саду между деревьями от жары дрожал воздух, птицы молчали, под нога-

ми лежала куча осколков от мин, которые Вася собирал у себя в саду и во дворе, а из кустов вышел шикарный кот и стал осторожно приближаться к нам.

— Это мой Мурчик... — сказал Вася с нежностью, максимально возможной для человеческого существа, — Я сам сдохну, а ему последний кусок отдам.

Что тут ответишь? Я заметил:

— Как-то странно водка действует. Прямо как в юности, когда первый раз ее пробовал. В сердце такая радость разливается, как влюбленность.

— У меня тоже, — согласился друг, — Я знаю, от чего это. То, что сейчас происходит — это тоже как влюбленность, словно вся жизнь в одну точку собралась... Либо все новое, либо конец всему.

Вдруг, как пишут в таких случаях, его лицо «осветилось каким-то внутренним светом вдохновения» — но это действительно так и было. После нескольких случайных фраз Вася вдруг сказал:

— Ты же видишь, где мы! Мы же на самом последнем рубеже — вот там (он показал в сторону Лутугино) — ОНИ, глупые и обманутые, нанятые Западом, чтобы уничтожить нас, нашу Православную Русь, последнюю твердыню и надежду человечества! Оттуда на нас наступает сам Антихрист, которому служит Запад. Он скоро придет, если они победят. Но они не победят, мы победим! И хоть мы с тобой не воюем, но мы тут *были*, на этом крайнем рубеже, где решается судьба человечества... Это главное счастье!

— Хорошо сказано, — обрадовался я, — Только не говори это всем подряд, не надо бисер зря метать. Это эзотерическое знание. Смысл истории не всем дано понимать, зато дураков много. Скажи им правду, они будут только ржать и хамить.

Тогда я рассказал ему про bellum и добавил:

— И еще в этом слове тот же самый древний индоевропейский корень, что и в нашем слове «белый». А белый цвет

что символизирует еще с архаики? И чистоту (святость), и смерть одновременно! И это не парадокс — ведь чистота и святость достигаются через смерть человека для всего земного и низменного, через приобщение к вечности. Вот отсюда и разгадка двойного смысла — а на самом деле единого, но цельного — слова *bellum*... Ты же, кроме рисунка, еще и цвет преподает — расскажи об этом студентам.

— Расскажу.

— Слушай, — продолжал я, — я тебе давно хотел сказать, но раньше стеснялся. У тебя с прошлого года где-то в картинах появилось какое-то сумашествие в хорошем смысле слова, словно что-то такое прорывается через тебя помимо твоей воли и непонятное еще умом, какая-то тайна и изнанка бытия, какое-то откровение... Это видно.

— Да... Я знаю.

— У меня это тоже, только в другой сфере. Наверно, это так бывает перед великими событиями, изломами истории.

— Да, как неслышимый шум вечности.

— Что, как у Блока, «какой-то гул»?

— Гул, дорогой, еще какой гул...

* * *

... И вот закончилось лето, настала осень, и точно к дате Бородинской битвы Русь провела блестящее наступление против укронацистов — «бросок к Азовскому морю» — и устроила им под Иловайском «новый Сталинград».

А под Луганском Русь добила Лутугинский «котел» и аэропорт — на юге и вышвырнула оккупантов за Донец — на севере. Обстрелы города сразу прекратились. И как быстро вернулись люди, и как быстро возрождается Луганск! Какая живучесть в нашем народе! Еще почти нигде нет света и воды, но уже ожили улицы, все начинает работать. Еще никто даже не обещает начать платить зарплаты, но все работают и так — потому что НАДО. С 1 октября заработали университеты и школы. В ауди-

ториях так темно и холодно, но студентов с каждым днем все больше, среди них все больше отпускных ополченцев, которых прямо с лекций по мобильному вызывают командиры. Подходит к преподавателю парень, а иногда и девчонка в камуфляже, с флагом Новороссии на рукаве, спрашивает:

— Что нужно выучить на экзамен?

Тот смущенно:

— Почитайте учебник по любой теме, которая Вас заинтересует, если будет время. А если не будет, ничего, приходите, я и так поставлю... Только живой возвращайся, постарайся...

— Постараюсь... прочитать.

Почти математическая закономерность: все паразиты и барыги, хамы и взяточники, в общем, все подлецы и мерзавцы — оказались «за Украину» и не вернулись в Луганск. Закон времени. Отовсюду только и слышно:

— Война все дерьмо смысла.

Невозможно забыть 2 ноября — это было не просто первое голосование в новой стране. Это был «звездный час» истории, затмивший даже 11 мая. Работала только половина участков, а люди, видимо, пришли абсолютно все, кто был. Нужно было видеть эти торжественные длинные колонны людей, медленно и торжественно двигавшихся по темным улицам, по два-три часа на внезапно ударившем морозе — до самой полночи! В этом торжественном, серьезном и молчаливом шествии уже не было того хмельного веселья Русской весны, как в мае. Переговаривались тихо. Ругали украинские СМИ, которые продолжали в бешенстве лгать и обливать нас грязью. Говорили о том, что все хорошо, что мы выстоим. Здесь была серьезность судьбы.

Тяжела и жертвенна, но величественна ты, наша русская судьба!

Как теперь все мелко и ничтожно перед этим, **главным** — и риск, и неопределенность, и боль о павших русских героях и несчастных мучениках.

Счастливые дни!

Юрий Хоба

Место обитания — Донбасс. Полтора километра от линии фронта. Автор семи сборников прозы, Золотое перо Донбасса. В прошлом — помощник капитана судов заграничного Азовского морского пароходства.

СПАСИ И СОХРАНИ

Рассказ

— Где только смертонька моя бродит? — пожаловалась бабка Серафима и, словно соболезнуя хозяйке, под грузным телом всхлипнула панцирная кровать.

В ответ на такие слова жены дед Михей лишь пожал плечами. Как и всякий в досталь побродивший по белу свету, понимал, что в жизни человека бывают моменты, когда смерть воспринимается не старухой с косою, а избавительницей. Но так, как молчание могло быть истолковано двояко, молвил:

— Костлявая вроде почтарочки с пенсией. В положенный день, тюрики-макарики, мимо двора не пройдёт. Поэтому ждать её прежде срока — зряшная трата нервов. Ты лучше соберись с силами и давай выдвигаться ближе к подвалу. Слышь, возле коровников опять стреляют...

— Слышу. Но никуда я не пойду. Хватит прошлого раза. Уронил с крыльца, чуть вторую ногу не поломала.

— Еще скажи, что сделал это, тюрики-макарики, нарочно.

— Никто тебя не корит. Сама виноватая. Мыслимое ли дело, центнер весу к старости нажила. Тут не только грыжа, пупок у мужика развяжется. Если на горбу такую тяжесть таскать... Так что иди сам в свой подвал... Надо же хоть одному уцелеть. Обоих убьют — куры с голоду околеют, лихие люди машину угонят, барахлишко последнее растащат. Вер-

нётся после войны внук Игорёха, а здесь голимые стены... Ты только табуретку с тряпьем подвинь. Заштопать кое-чего требуется. И костыли у изголовья поставь. А они пусть стреляют. Не впервой...

Дед Михей возражать не стал. Но не потому, что в бабкиных словах имелась логика. Он просто решил вернуться к начатому разговору чуть позже. После того как утвердит на ступеньках подвала заготовленные ещё вчера доски.

Вот уже который день кряду мастерит бабке эвакуатор. Для этого приспособил к садовой тачке старое кресло и хорошенько смазал солидолом ручную лебёдку. Остались мелочи, устранение которых позволит забыть о взятой в гипс бабкиной ноге и собственной грыже.

Добросовестно выполнив наказания, облачился в испятнанный сигаретным пеплом полушубок и вышел на крыльцо. Во дворе пахло подтаявшим навозом и сгоревшим порохом.

Запахи исходили от заброшенных коровников и силосной траншеи, из которой торчала башенка боевой машины пехоты.

— Сколько раз говорилось, тюрики-макарики, — проворчал дед Михей, — не трожь г...цо, оно и смердеть не будет.

Однако стрелок боевой машины адресованную ему претензию пропустил мимо ушей. Точно так же не слышал он и журчание небесных колокольчиков, которыми жаворонки приветствовали весну. И вдобавок был слишком занят. Включивал короткие очереди в степь за околицей.

Отсюда, со двора, ДЕДУ Михею видны коровники, поле со свалывшимися лохмами ржи-самосейки и окаймлённые ошмётками снега козырьки окопов на отстоящем за километр от хутора половецком кургане.

Венчали горушку скелет геодезической вышки и прикреплённый к нему флаг цвета заношенных подштанников. А ещё на кургане валялся опрокинутый броневичок и ещё какая-то железная ветошь. Скорее всего, останки павшего на поле боя бензовоза.

У окопавшихся в степи тоже имелся свой стрелок. Судя по всему, он затаился в норушке под опрокинутым броневичком. Правда, дуэль на какое-то время прекратилась. То ли окопавшийся под панцерником пулемётчик наконец понял, что бронированная дичь не по зубам, то ли его уgomонили осыпавшие курган осколки мелкокалиберных снарядов.

— Ну вот, — горестно молвил дед Михей. — А я, тюрки-макарики, что говорил? Размялись, теперь кое-что начнут большими лопатами кидать. Главное — начать. А потом чем посерьёзнее станут лупить...

Хотел добавить к сказанному, однако в балочке, за хутором, послышалось ворчанье танковых моторов, поэтому сплюнул себе под ноги и полез в подвал крепить доски, по которым должен ходить вверх-вниз уже готовый к работе эвакуатор.

Дед Михей не счёл нужным прежде срока раскрывать свои планы, поэтому бабке Серафиме оставалось лишь гадать, что означает пришедший на смену пострелушкам стук молотка.

— До чего шепутной старик, — сказала она. — Горит всё на нём. Особенно — носки. Вон, целый ворох протёртых на пятках скопился...

Однако в словах её имелось больше одобрения, чем укора. Сама даже в теперешнем своём состоянии находила занятие. Картошек начистит, петли на дедовом полушубке суровыми нитками обновит или, как сейчас, устроит ревизию обносившемуся барахлишку.

— Ты, — сострил однажды дед Михей, — и на смертном одре работёнку найдёшь. К примеру, тюрки-макарики, ленты на венках начнёшь поправлять.

Шутка получилась корявой. Но бабка Серафима оставила её без внимания. Понимала — хотел похвалить, а остальное — побоку. И вообще не имелось повода обижаться. Дед и во хмелю улыбчив, если тукнет себя молотком по пальцу, кроме «тюрки-макарики», иного не слышала. Скажет, словно удивится случившейся промашке.

Однако своенравен. Велено отправляться в подвал, а он стучит и стучит молотком. Поглядеть бы, чем занимается, да спальенка с другой стороны дома.

Зато единственное окошко всё равно что рамка, в которую вставлена мартовская акварель. В верхней её половине небо цвета проклюнувшихся сквозь снежную скорлупу пролесок. Где-то там, в подсвеченной истлевающими сугробами синеве, должны раскачиваться крылатые колокольчики.

Чуть ниже, посреди акварели, зыбится пологий холм. На нём смурноликие сорняки стерегут поверженные ниц колосья всё той же ржи-самосейки. Поэтому холм одного колеру с грязной холстиной, поверх которой запеклась сукровица.

Также ревностно сорняки стерегут подорвавшийся на mine комбайн. Правда, сейчас он ничем не напоминает бабке Серафиме зелёную игрушку. Огонь и туманы нарядили его в ржавые одежды.

Часть акварели, а именно то место, где холм скатывается к пересыхающему летом и сейчас, наверное, взбунтовавшему ручью, застыт ивы, в причёсках которых пробиваются предвестники грядущего тепла — жёлтые пряди.

А ещё бабке Серафиме хорошо видна пытающаяся заглянуть в окошко яблонька с забинтованным мешковиной стволом. Упавшая посреди огорода мина нанесла деревцу ещё несколько увечий. Однако менее существенных. Поэтому дед Михей ограничился тем, что повывёргивал застрявшие осколки плоскогубцами, а раны залепил садовым варом.

Только бабка Серафима всё равно печалится за судьбу деревца, чьи плоды к исходу лета наливаются таким солнечным жаром, что о них можно ожечь ладони. А больше всего яблонька радуется весной, когда заливает спальенку розовым сиянием.

— Выживет ли после такого? — однажды засомневалась бабка Серафима.

— Обязательно, — заверил дед Михей. — Не имеет права прежде срока погибнуть, тюрики-макарики, то, что делает землю похожей на рай.

— А когда он, этот срок, наступает?

— Ты о том Господа поспрашивай. Не меня. Моё дело — в навозе копать да молотком стучать.

Вот и сейчас стучит молоток во дворе. Только как-то глухо. Будто торопясь отделить живых от умершего, вколачивают в крышку гроба гвозди из сырого железа.

Неудачное сравнение заставило бабушку Серафиму поёжиться. Однако прохудившийся носок уронила на одеяло по другой причине.

Вначале прошумело над крышей стаяй скворцов, затем в ряду нечёсанных ив выросло чёрное, с огненными прожилками дерево. За ним второе, третье...

Что было дальше, бабушка Серафима не видела. Она откинулась на подушки и прикрыла глаза рукой, в пальцах которой были зажаты игла с ниткой.

Точно так поступала в детстве, когда отказывалась лицезить опрокинутую на скатерть молочную крынку, потраву, которую учинил в палисаде оставленный на её попечительство телёнок, и, как следствие всего, сердитое лицо матери.

Только прошлое подобно укатившимся за окоём грозам. Куда горше настоящее. Это всё равно, что сравнивать шлёпнувшую по седушке ладонь матери с карающей десницей Господа. Может смилостивиться, а может и воздать за грехи тяжкие.

Правда, таковых за бабушкой Серафимой не водилось. Да и за дедом Михеем тоже. Чтобы грешить, надо иметь свободное время. А его у них отродясь не было. Все забирала тяжёлая, как у всякого подверстанного к земле, работа.

Впрочем, на небесах могли иметь своё мнение. Ведь почему-то наслали войну, которая вырвала бок у яблоньки-любимицы и которая сейчас грызёт душу её хозяйки.

По-другому не скажешь. Страх — совсем не то, каким он представлялся в мирное время. Это подтвердит всякий, будь то кошка или человек, кто познал горечь пыли полувековой давности, которую выплёвывают уголки застигнутого бомбардировкой дома.

— Смертонька, — молвила, не отнимая руки с зажатой в пальцах иглой с ниткой от глаз. — И где ты, смертонька, ходишь? Почему не хочешь забрать меня из этого ада?

И небеса вняли бабкиным молитвам. Дом вздрогнул, словно остановленный снарядом панцерник, и вопль разлетающегося оконного стекла известил о конце света.

— Дед! — позвала бабка Серафима. — Ты живой?..

Но откликнулась лишь сорванная с навесов и теперь опрокинувшаяся на пол входная дверь. И сразу же стало зябко. Казалось, спаленку захлестнуло холодное, вперемешку с гарью половодье.

Кое-как дотянувшись до поверженных костылей, поднялась на кровати. Расстояние от спаленки до сеней в молодости бабка Серафима пролетала игривым ветерком, а теперь оно показалось ведущей в никуда полевой дорогой.

Видно, так уж устроен земной путь всякого живого существа. На рассвете он мчится по заросшей весенними ирисами долине, а вечером едва карабкается на холм. И чем ближе ночь, тем круче подъём.

А здесь ещё костыли, будь они неладны, норовят подсунуть какую-нибудь пакость. Это только считается, что они помощники захромавшему. На деле же цепляются за малейшую неровность. Былинку, черепки сброшенного с подоконника цветочного горшка, усыпанный стеклом пёстрый половичок. И уж совсем неодолимой оказалась распростёртая поперёк сеней входная дверь.

Впрочем, бабке Серафиме не пришлось расходовать остатки сил на штурм столь серьёзного препятствия. Да и звать запропастившегося деда Михея не имело смысла. Какой

резон окликать человека, если на крылечке вперемешку с кирпичным крошечком и щепками валяются обрывки полушубка?

И тогда бабка Серафима вновь закрыла лицо рукой. Точно так, как делала это в детстве, когда не желала видеть разлитое молоко, учинённую телёнком потраву и сердитое лицо матери.

— Господи, — взмолилась она, — как же так? Я ведь для себя смертоньку просила...

Однако никто не ответил бабке Серафиме. Жаворонки унесли свои колокольчики подальше от линии фронта, а стрелок затаившейся в силосной траншее боевой машины пехоты был слишком занят делом. Он всаживал гремящие очереди в ошетилившийся сорняками курган. И степь отвечала ему той же монетой.

Ирина Горбань

Коренная макеевчанка. Член МСП, СП ДНР, СП России. Лауреат премий имени М. Матусовского, имени Л. Татьянической, имени «Молодой гвардии», автор девяти сборников стихов и прозы. Презентовала две книги «В зоне видимости блокпоста» и «В осколках отражается война» в Москве на фестивале «Красная площадь — 2019», а также в Рязани на фестивале «Читающий мир».

ЧЕРВИВОЕ ЯБЛОКО

Рассказ

Часть первая

Все случайные встречи до противного банальны. Иногда эти встречи переворачивают всё твоё нутро, а иногда замыкают твою душу на все мыслимые и немыслимые замки.

Дед Юран был заперт на все замки, застегнут на все пуговицы, зачехлён на «молнии» от паха до подбородка. Поди пойми, что у него в душе творится.

Собственно, никто не пытался расчехлить этого старого ухоженного дедугана. Кому это надо?

Только потихоньку среди соседей по селу шла молва о том, что непростой этот дед. Ой, непростой.

Кто-то говорил, что служил в НКВД, кто-то — что сдал своих фашистам, а еще говорили, что ГУЛАГ — его место на все времена.

На чужой роток...

Только знала Иришка, что непростой это дед. Не сама знала — подсказал друг-одноклассник Колька. Догадывался, что она умеет хранить тайны. Тем более, эту «тайну» они вдвоём закопали под старой ивой, далеко от людских глаз. Завернули

в старую тряпицу, чтобы поскорее сгнила в земле, притоптали так, чтобы никто и никогда не смог раскопать, и надолго забыли. Юран был родным дедом Кольке. Естественно, как и всякий внук, он защищал его. А как бы вы поступили? Нельзя подозревать родного деда. Не имеем права. Но здесь история глубоко утонула в тайне. Да так, что и спасать не стоило. Утонула — да и ладно.

Долго Колька не мог успокоиться, что его родного деда называли ЗЭКом. Ладно бы ЗЭК, — его ведь предателем сквозь зубы обзывали.

Тогда Колька решил доказать всей улице, что его дед что ни на есть — настоящий герой.

Зря он ввязался в эту борьбу. Ой, зря.

Детские мозги зачастую гаснут перед сплетницами бабами. Им только дай возможность потолковать на скамейке.

— Ой, Юран, доброго вечера, — натянуто улыбнулась баба Фрося.

Сосед только кивнул головой и отвернулся, держа в руках развернутую книгу. Что толку улыбаться соседкам? Подвергать себя гнусным пыткам ему давно не хотелось. Всё, что было пройдено давно, в Великую Отечественную, не расскажешь. Никто не поверит. Да и кому надо, что он, разведчик, взял на себя роль предателя, чтобы обеспечить своих постоянной информацией. Он жил под чужим именем. А вот помирать придётся под своим. Думал ли когда солдат, что жизнь будет заканчивать в позоре и недоверии? Нет, не думал. Тогда некогда было об этом думать. Родине нужна была информация.

Колька страдал оттого, что ни школа не приглашает деда на торжества, ни к Вечному огню не ходит, ни в театре не выступает. Что это за героизм такой, от которого надо постоянно прятаться?

— Ты читай книги, — говорил ему дед. — В них вся правда.

— Я читаю, — отвечал внук.

— Значит, не то читаешь. Смотри, на книжной полке, в дальнем углу, стоят книги в потёртых переплетах. Я их никому не даю. Тебе советую: читай. А потом мы с тобой поговорим.

С тех пор внук с дедом были как заговорщики. Никто не мог понять, почему пацан хвостиком бродит за дедом, почему в рот заглядывает, ловя каждое слово.

А здесь и объяснять ничего не надо. На одной волне были мужики. На секретной волне.

— Дед, а почему на войну пошли не все? — как-то спросил Колька.

— Не все были героями.

— Но ведь всех могли убить.

— Могли. Всех...

— Но ты ведь пошёл.

— Это я. Знаешь, ты мог бы убить человека?

— Мог! — выпалил Колька.

— Не торопись. Представь, что в десяти-двадцати метрах от тебя лежит человек с автоматом. Он хочет тебя убить. Ты знаешь, что у него дома маленький ребенок, мать, жена. А ты, такой-сякой, его сейчас грохнешь.

— Нет. Не могу убить.

— Вот в этом и заключается всё мужское естество. А если и у тебя дома мать, жена, крошечный ребенок? И этот вояка пришёл их убить?

— Я убью его.

— Дрогнет рука?

— Не знаю, дед. Я не пробовал. Но за своих я постою.

— Молодец, парень. Таких было много в Великую. И я был среди них. Но были и те, кто боялся выстрелить. Вот тогда и было страшно. Поражение от слабости духа — позор для мужика.

— А я знаю, что тогда практически все выезжали в без-опасные зоны.

— Я это тоже знаю. И это было гнусно. Ладно бы, бабы с детьми уезжали. Мужики прятались вместе с ними.

— А кто тогда страну освободил от фашизма?

— Настоящие мужики, настоящие пацаны и самые настоящие бабы и девчонки. Остальные работали на заводах и фабриках, помогая фронту. Но были и те, кто в это непонятное время зарабатывали себе деньги.

— А разве так можно?

— Нельзя. Но кто их остановит? Не было времени за ними следить. Не было сил на посторонние проблемы. Страну надо было освобождать.

— Дед, а соседка, баба Настя, рассказывала, что во время войны жила с семьёй в Казахстане. Сказала, что было очень тяжело и голодно. Мне её очень жаль.

— Не жалей, внук. Здесь было сложнее. Просто думать об этом некогда было.

— Но они считаются «детьми войны». Это честно?

— Думаю, нет. Но кто в те времена ходил по дворам и расспрашивал? Каждый живёт по совести.

— А они? Они по совести?

— У каждого своя планка совести. Отвечать всем не здесь, на земле.

— А где? И не надо говорить, что перед Богом. Где он был, когда фашисты открыли концлагеря и печи для уничтожения людей.

— Читай книги. Ты не всё прочитал, Коленька. Поговорим ещё.

Так Колька пристрастился к исторической литературе. Он узнал и о войне, и о несправедливости, и о голоде, и о предательстве. А ещё он узнал о том, что не все были патриотами. Простых смертных было куда больше тех, кто грудью встал на защиту родного дома от фашизма. И своими мыслями он делился и с Иришкой, и с Лариской, и с Надькой-врединой. Очень хотелось мальчишке рассказать соседским детям о

том, что его дед был настоящим героем. Но дед категорически запретил внуку рассказывать о себе. Сердце разведчика продолжало отбивать ритм в той же тональности, несмотря на преклонный возраст.

Как-то Колька наткнулся на притчу (в книге лежал вкладыш, написанный от руки на листочке из школьной тетрадки). Автор не был указан. Но эта история запала в душу пацану, как стишок Агнии Барто. Вот она: «Жила-была Яблоня. Обычная такая Яблоня. Одно её устраивало — плоды были краснобокими. Одна сторона яблока жёлтая, а другая — красная. Дождь пойдёт, омоет яблоки, и они сияют на солнце то одним, то другим боком.

Росла Яблоня не на даче, а в чистом поле. С одной стороны была степь зеленая, а с другой — пыльные терриконы. Она любила терриконы. Никто не понимал Яблоню, как можно любить пыль, а не зелёную траву. Но тем она и отличалась, нерадивая, что была не такой, как другим хотелось.

И поселились в плодах её черви. Да-да, обычные черви, которые хотели доказать, что плоды без химических добавок, поэтому они облюбовали себе красивые крупные плоды. Доказывали они рьяно. И стали яблоки портиться.

Откуда ни возьмись, подул ураганный ветер, сметая на своём пути и зелёную траву, и верхушки терриконов, и слабые листья Яблони. Закачалось дерево то вправо, то влево. И посыпались черви из яблок на землю, и поползли они по траве зелёной подальше от терриконов.

Долго ли, коротко ли, но приползли всё-таки они в новые сады. Другие Яблони с испугом стали наблюдать за тем, как быстро поглощали яблоки червячки. Им и своих хватало, а тут новых прибыло. И стали новые яблочные черви рассказывать коренным постояльцам о своём житье-бытье. И стало жалко горемычных. Подвинулись они, предлагая свою порцию хрустящей сердцевины. Время шло. Черви выросли, наплодили

новых отпрысков, оставив после себя огромные червоточины. А при случае, выбравшись под ясно солнышко, занимались написанием мемуаров. И стали себя называть сынами Яблони терриконовой.

П.С. А морали здесь не будет. Сожрали черви»

* * *

- Дед, ты читал этот рассказ?
- Читал.
- Тебе понравился?
- Да как тебе сказать?
- Так и скажи. Понравился?
- Это я его написал.
- Ты? Ты разве умеешь?
- Нет. Я злился. Злился на то, что живу, дышу, знаю правду, и никому не могу о ней поведать.
- А я?
- Вот тебе и решил всё рассказать.
- Ты мне доверяешь?
- Безусловно.
- Спасибо, — прижался к деду Колька.
- Ты мне пообещай быть честным.
- Обещаю.
- Нет. Ты пообещай, если вдруг фашизм придёт к твоему порогу, ты никуда не уедешь.
- А как я могу обещать? А если у меня будет семья, дети?
- Ты мало читал, внук.
- Дед, не обижайся. Я буду честным. Я знаю, что фашизма не будет. Войны не будет. Смерти тоже не будет.
- Ты уверен?
- Нет. Но так не должно быть. Фашизм побеждён. Он никогда не вернётся.
- Я умру, а ты помни мои слова. Ты не опозоришь. Я тебе верю.

Часть вторая

Призывной пункт Донецка выглядел совсем не так, как показывали в фильмах о войне сороковых. Это там были толпы народа, женщины пока ещё в белых, не траурных, платках, детвора, снующая под ногами, старики с папиросами-самокрутками и да, виновники торжества — сами призывники. Все как на подбор — в белых рубашках, серых пиджаках и с торбами с нехитрым скарбом. Конечно, в XXI веке абсолютно никого не удивит иномарками-внедорожниками. Их вон пруд пруди. Но почему-то ни одной машины такого уровня вдоль дороги не было. Понятное дело, они, эти машины, в спешном порядке вывезли своих хозяев подальше от войны. Конечно, о войне тогда говорили только дома, на кухне, в трамвае, да в очередях за хлебом. Какая война может быть между своими и своими? Просто АТО. Просто вброс разгулявшегося нацизма. И ещё — не вброс, а выброс отрицательной энергетики, накопившейся непонятно откуда.

Не секрет, что народ всегда недолюбливает свое правительство. На то он и народ, на то оно и правительство. Вот если правительство с народом сольются в одном поцелуе, одном порыве объятий в мёртвой хватке, вот тогда точно — крах системе. А краха допускать нельзя. Поэтому глас правительства: «мир во всем мире» всегда воспринимался на ура. Тем более, «весь» мир всегда имел очерченные границы. Например, границы собственного города, собственной квартиры, да просто собственного дивана.

Сергей любил собственный диван. Нет, он никогда не был лодырем. Он просто любил после работы поваляться на диване, почитать газету, посмотреть телевизор, а если выдастся свободное время — обязательно читал классику. В отцовском доме была большая библиотека, доставшаяся ему от деда. Летит время. По всем родословным правилам Сергею он

доводится прадедом. Странное имя у него было: не то Борис, не то Юран. Дома он был просто дед. Да какая разница? Главное — книги. Особенно в доме ценились книги, расположенные на самой высокой полке книжного шкафа. Возьмёшь в руки тяжёлую, с жёлтыми страницами и неровными уголками книгу, прижмёшь к груди, и словно чувствуешь биение сердца. Да-да, у старых книг есть сердце. В отличие от людей, бессердечных книг не бывает.

Особенно Сергею нравилась та, где вместо закладки на 45-й странице был листок-вкладыш с притчей, написанной мелким бисерным почерком. Вот и сегодня ему захотелось не прочитать знакомую притчу, а просто поддержать в руках хрупкий, в некоторых местах затёртый шершавыми пальцами вкладыш. Поудобнее разместившись на диване, подложив под голову махровое банное полотенце, удачно валявшееся рядом, Сергей рассматривал до боли известный почерк. Как вдруг его привлекли возгласы, доносящиеся из телевизора.

Показывали Киевский майдан. Парень словно подпрыгнул на месте. Нет, не словно — он по-настоящему подскочил с дивана, подбежал к телевизору и начал нервно шарить по тумбочке в поисках пульта. Оглянувшись, увидел, что прямоугольный брусок с кнопками валяется на полу рядом с полотенцем. Быстро схватив пульт, начал нервно тыкать в него пальцем. Кнопка настройки звука выскользала, словно была намазана маслом. Сергей забыл, что надо возвращаться к дивану. Стоял среди комнаты, как вкопанный, и всматривался в экран. Молодчики в балаклавах били беркутовцев. В ход шли палки, дубинки, биты, цепи. Беркутовцы не уворачивались, не отступали и не бежали. Они закрылись металлическими щитами и стеной стояли перед разбушевавшейся молодежью. Потом была кровь, раненые, убитые. Кто позволил? Кто дал им в руки металлические цепи и бутылки с зажигательной смесью? Ни на один вопрос не было ответа. Пристально всматриваясь в экран, молодой человек нервно вглядывался в

лица — только бы ни одного знакомого. Хотя, а незнакомые в чём провинились? В том, что их начальник дал приказ молча терпеть этот беспредел? В том, что ни у одного беркутовца нет оружия? В том, что именно они оказались в Киеве? А где президент? Почему молчит? Сергей взял в руки телефон и тут же ощутил его вибрацию. Звонил друг.

— Серега, надо срочно встретиться. Ты смотрел телевизор?

— И сейчас смотрю. Паш, ты понимаешь в этом что-нибудь?

— Нет, не понимаю. Но впечатление — полной подготовки краха правительства.

— Нет, не бери так высоко. Сейчас всех возьмут в кольцо и на том все решится. Ладно, не телефонный разговор. Встречаемся на своём месте через двадцать минут.

* * *

На призывном пункте было многолюдно. Кто-то нервно курил, кто-то травил анекдоты, другие разговаривали по мобильным. Таких было много. Они кому-то в трубку улыбались, успокаивали, врали. Именно врали. Это потом выяснится, что каждый второй дома никому не сказал, что уходит в ополчение. Ведь родные не подозревали, что если не объявлена полная мобилизация, ребята могут самостоятельно уйти на войну. Да и какая война? С Киевом? Такого не может быть по той причине, что не может быть в принципе.

Сергей был не один. Рядом стоял Павел. Оба крепкие, высокие, подтянутые, словно спортсмены.

— Серый, может, вернёшься? — толкнул локтем в бок Пашка.

— С дуба рухнул? Я второй раз не улизну из дома. Сам знаешь, чего мне стоило наговорить мамке чёрте чего. Думаешь, поверила? И тут зазвонил телефон.

— Сынок, ты где? — друзья переглянулись, и Пашка отскочил в сторону — мол, ври сам.

— Мам, ты чего волнуешься? Мы с друзьями собрались...

Он не успел рассказать, куда собрались. В трубку плакала мать, что-то шумел подбежавший отец, а из двери призывного пункта — громко позвал капитан.

* * *

В палате было тихо, как в гробу. Вот белый потолок, вон два угла, вон штора. Штора? Где вы видели шторы и занавески в гробах? Сергей хотел дёрнуть головой, чтобы остатки сна рассыпать в разные стороны, но острая боль резанула все тело так, что он застонал. «Значит, жив», — подумал он и снова провалился в пустоту.

* * *

— Андрюха, привет! Айда на гороховое поле. Говорят, завтра его травить будут, а мы сегодня успеем.

— Его уже потравили — мамка сказала. Погнали лучше в сад. С яблоками всё равно ничего не случится.

— Проверено, — засмеялся Андрей и надавил ступнёй на педаль велосипеда.

Дорога была песчаной, словно на морском пляже, но это не мешало братьям целыми днями гонять на велосипедах по улице, пока взрослые заняты огородами, скотиной, чисткой сараев.

Сергей каждое лето приезжал в гости к тетке. Она сама сестре писала письма и упрашивала привезти племянника. Пусть сорванец месяц-другой на молоке поживет, да и сын будет присмотрен. Разница всего два года, но сдружились, как двойняшки.

Яблоки были кислыми. Да разве это остановит пацанов? Сергей смачно хрустнул зелёным яблоком и застонал...

* * *

В палате было тихо. Откуда такая тишина? И откуда эта головная боль? Сергей ясно ощущал чей-то каблук на виске. Кто позволил так с ним обращаться? Зачем Сергей позволил так с собой обращаться? Он рванулся всем телом в сторону и вверх, словно выделявая финт, уворачиваясь от противника во время рукопашной борьбы, и снова провалился в пустоту.

* * *

— Хлопці, додому!

— Зараз, матусю. Дивись, скільки яблук назбирали.

Сидя на холме, братья радостно обговорювали поход в колхозний сад, демонстрували друг другу набиті яблуками майки і картузи. Навіть в маленькому шкіряному кишеню для велосипедних інструментів лежало яблуко. Більше туди не вмістилося, але воно зайвим не було. З невеликого холма прямо перед хлопцями простиралося поле жита. Від легкого дування вітерця колосся качалися, нагадуючи хвилі Азовського моря. Внизу стояла тетка Галина, і незрозуміло було, вона на краю поля стоїть чи на березі.

* * *

Сергей прийшов до себе від чогось-то прикосновень. Прикрив очі, побачив, що над ним нахилилася незнайома дівчина і м'яко поглажує руку. Не рухаючись, поглянув очима вправо, вліво, потім опустився на незнайомку.

— Я Даша. А ти, солдатик, мовчи. Ти не в окопі і не в Іловайську.

Сил не було у Сергія спитати, де все ж він знаходиться, а медсестричка не розповідала. І тут він почув стон. Повернувшись очима в бік стону, тут же повернувся в початкове положення. Що ж у нього з головою? Контузія? Осколок? Ушиб? Але якщо болить, значить, жив. А це вже щось-то значить. Тільки б мати не знала. Вона думає, що син уїхав до тещи в село під Чернігов. Нехай так і думає. І тут Сергію незносно захотілося почесати коліно. Воно так зуділо — сил не було терпіти. Нехай болить шевелитися, але терпіти цей зуд... Потягнувшись до коліна, вигукнув...

* * *

— Пашка, а дай на наступне літо ти приїдеш до нас в Донецьк. Я тебе поведу на рибалку. У нас є річка, ліс, террикон.

— А що таке террикон?

— Это такие искусственные горы.

— Как это искусственные?

— Вот у тебя на Родине огромные холмы. Их никто не насыпал, они сами появились на земле. А терриконы — вроде рукотворных. Это когда добывают уголь, а лишние камни и породу отсыпают в сторонку, чтобы не мешали находить уголь. Горы получаются высокоокие, до неба. Я тебя на самую верхушку поведу. Это не страшно. Там такой ветер! Весь Донецк как на ладони.

— Серёжа, Паша, спускайтесь вниз, обед давно! Где вас носит?

* * *

— Серёжа, как вы себя чувствуете? — склонилась над раненым медсестра.

— У меня чешется колено. Больно чешется.

— Больно — это хорошо. Заживёт до свадьбы. Ты женат?

— Нет, — попытался улыбнуться парень.

— Женишься. Отсюда многие уходят жениться.

— А как же те, кто давно женат?

— Они не считаются. Но возвращаются домой как молодые. Война что-то делает с мужчинами. Испытывает на прочность, что ли. Или на любовь. У тебя есть руки. Целых две. Коляска — не приговор. Женишься, заживёшь.

— Я вернусь назад, к ребятам. Им без меня никак. Какая коляска?

— Похоже, с твоим ранением тебе ещё долго быть дома. Надо постепенно привыкать к тому, что ты не калека, а просто инвалид. Сколько ещё дел тебя ждёт дома!

— Я знаю. Дома мать, отец. Я должен встать на ноги.

— Тебе, дружище, повезло — у тебя руки есть и голова разумная. У кого-то и этого нет. Лежи, отдыхай. Тебе надо много лежать. Говорят, тебя из Иловайска привезли. Жарко там было.

* * *

Узловая станция Иловайска имела стратегическое значение. Соседнее Кутейниково давало возможность перерезать железнодорожное сообщение с Россией. Ветка шла через Амвросиевку, Кутейниково, Иловайск, а потом на Макеевку и Донецк.

С конца июня 2014 года Вооруженные Силы Украины были нацелены на реализацию одной из главнейших задач: создание коридора между Донецком и Луганском. Были попытки пробить этот коридор через Дебальцево, но дошли только до села Ольховатка. Затем — Шахтерск, Ясиноватая. Реализация плана всё время срывалась.

Причина была всегда одна: нескоординированность и малая численность войск, которые должны были наступать с разных сторон.

Несмотря на то, что во время штурма Шахтёрска батальон ВСУ получил тяжёлые потери и не смог создать коридор, решено было всем докладывать о выполнении задания. А задача была — взять Дебальцево — огромный узловой центр. Наиболее удобным местом для прорыва в район Дебальцево был Иловайск. Там штаб АТО и начал планировать наступательную операцию. По состоянию на середину августа 6000 солдат-контрактников, которые имелись в начале года, были уже утомлены, многие — ранены, многие погибли. Но наступление частей, укомплектованных мобилизованными, в июле 2014 года закончилось полным провалом.

Украинские солдаты оголтело носились по пустующим домам и мародёрствовали. Местные жители не могли им противостоять, так как круглосуточно находились в подвалах и убежищах. Но это было не самым страшным. Когда приходили отряды фашиствующих молодчиков — начинался типичный фашизм. Это было страшно. Как-то один из группировки взял в плен простых мирных жителей. Под прицелом автомата местные жители пришли в старый

заброшенный дом. Их заставили раздеться, забрали всю одежду и закрыли хибару на все запоры. Никого не интересовало, как в одном помещении могут находиться голые разнородные люди. В течение недели им подбрасывали какие-то куски сухого хлеба. И тут до пленных дошел слух, что утром их расстреляют. Одна из узников не желала погибать в свои чуть больше сорока. С наступлением ночи она изловчилась и смогла выбраться в форточку. Убежала. Только потом, когда освободили город, она тайком ходила смотреть на то место, откуда удалось сбежать. В мирное время никогда эта попытка не увенчалась бы успехом. Недельная голодовка довела женщину до истощения, позволив телу быть более гибким и податливым.

* * *

Сергей больше не проваливался в пропасть и темноту. Но всё ещё не мог дотянуться до коленки.

— Лежи спокойно, брат. Тебе там нечего трогать. Нет у тебя ног — это нервы. А помнишь, как на велосипедах гоняли по улицам.

Раненый боец не мог понять, откуда ему знаком этот голос. Этот акцент, саркастическая интонация. С трудом повернувшись в сторону говорящего, Сергей вскрикнул радостно:

— Андрей!

— Узнал, — улыбнулся тот. Значит, будешь жить.

— Да я и так живу. Нет ног? У меня колено чешется. Значит, всё на месте. Подожди, ты как здесь оказался? Откуда узнал, что я ранен? Мамке не рассказал?

— Я был в Иловайске.

— Ты к нам в гости ехал? Война ведь у нас, бомбят. Какие гости?

Сергей не мог взять в толк, откуда появился брат во время интенсивных боев. Когда многие бегут отсюда, кто-то решается ехать в эти места, не понимая, что здесь смерть ходит полной хозяйкой, не пряча свою кровавую косу.

— Я на танке сюда приехал, — прошептал Андрей. — Хотел освободить тебя, тётку, отца твоего — дядьку Николая. Не получилось. В такой огневой переплёт попал, думал, что только в могиле могу спрятаться. И в Шахтёрске был, и Саур-Могилу освобождал, а в Иловайске застрял. Наши ушли без меня — мой танк подбили, я смог выбраться и так и остался лежать на улице. Ранило в самый последний момент. Во время отступления меня не заметили, а то забрали бы с собой.

— Так ты нацист?

— Почему нацист? Я освободитель. Нам так командиры сказали.

— Фашист!

— Кто тебе такое сказал? Кто научил всех вас принимать нас за врагов? Мы пришли вас освободить от России.

— А тебя кто-то об этом просил? Я же тебя звал в гости посмотреть на терриконы. К нам хорошо ходили поезда, а ты на танке попёр.

— Когда меня брали в армию, сказали, на бульдозере буду работать. Я эти бульдозеры сам видел. Ты бы не поверил? Поверил бы. Я тоже поверил. А потом пересадили на танк. Но я уже присягу принял. Понимаешь, присягу на верность Украине. Какой я фашист? Я освободитель. Я сам не знаю, что происходит. Нам выдали сухпайки, водку, автоматы, загнали в танки и приказали ехать. Меня к стенке надо поставить, но вот уже несколько дней меня, врага, лечат ваши доктора и не водят на пытки.

— Ну, придурок! Какие пытки? Валил бы ты отсюда вместе со своими «освободителями». А чего это ты на русском со мной болтаешь? Боишься?

* * *

На следующий день Андрея увели на перевязку. Больше братья не виделись. Сергей знал, что брат, скорее всего, будет обменян по какой-то программе. Он даже был уверен,

что Андрей, с которым провёл всё детство, больше сюда не вернётся. Разве здравомыслящий вернётся в такую мясорубку? Он лежал и вспоминал, как с товарищами выбивали укропов из железнодорожного депо, как, рассредоточившись по периметру, бойцы шли лоб в лоб на врага. Оружия не хватало, но ребята готовы были зубами рвать эту тварь, посягнувшую на Донбасс. Дрались за каждый метр родной земли. Враг был настроен любой ценой захватить Иловайск, но под натиском ополченцев приходилось прятаться по подвалам, окопам, кукурузным полям. Многих страх смерти загнал в болота.

Сергей уже чётко понимал, что находится в госпитале, что ребята не дали умереть, перетянув обе ноги у самого паха во избежание полной кровопотери, что первым танком отправили друга в больницу, а сами продолжали отстреливаться до последнего патрона.

Дверь в палату открылась, и на каталке завезли седого старика. Аккуратно подхватив с четырех сторон одеяло, на котором лежал раненый, санитары перенесли его на кровать.

— Что за дед? Откуда привезли?

— Тише ты, помолчи. Командир ещё под наркозом. Еле из комы вывели. Серьёзную операцию перенёс. Теперь точно будет жить.

— Молодым надо воевать, а не старым. Сидел бы дома, книжки почитывал, телевизор смотрел. Я своего отца не пустил бы на смерть.

— И правильно бы сделал, солдатик, — вошла в палату медсестра. — Кто же вас остановит? Да и надо ли? Николай Борисович не такой, — девушка подошла к кровати новенького и прислушалась.

— Стучит сердце?

— Стучит.

— Тебя как зовут?

— Даша. Ты уже спрашивал.

— Даша, а ты знаешь, что не только у людей есть сердце? Вернее, ты знаешь, что не у всех людей есть сердце? Что-то я не то говорю.

— Ты хочешь сказать, что у тебя есть сердце.

— Нет, у меня нет сердца.

— Похоже, ты совсем запутался, солдатик, — засмеялась медсестра.

Седой дед застонал, и все притихли. И тут в палату вошла мать.

— Ты откуда узнала? — только и успел сказать Сергей. Мать упала на колени и горько зарыдала.

— Господи, спасибо, что оставил живых.

— Живых? А кто ещё?

Сергей повернулся к старику:

— Отец!

Как он мог не узнать в седом бойце родного отца? Он был уверен, что...

Заплаканная и обессиленная Галина, не поднимаясь с колен, подползла к мужу:

— Коленька, родной, как ты?

— Помните червивое яблоко? — вдруг прошептал раненый боец.

— Какое яблоко? Галина начала быстро осматривать палату в поисках яблок.

— Помню, — отозвался сын.

— Помни, сынок. Это наша совесть. Это память.

— Это наш позор и долг перед дедом, который мы до конца не исполнили. Всё в жизни повторяется: предательство, фашизм, слёзы, страх, подвиг.

И червивые яблоки...

Елена Дубровина

Родилась в Воронеже. Дипломированный филолог (Воронежский государственный университет) и экономист (Московский институт менеджмента маркетинга и финансов), писатель, публицист, литературовед, член Союза писателей России, руководитель издательской студии PROfectus, литературный ментор, бренд-маркетолог. Автор романа «Туда, где рождается Солнце», сборников рассказов «Пшеничное сердце», «Бабушка-Вуду», «Я тут», «ОТ», в составе сборника российских авторов «Покатилось жизни колесо» и др. Публиковалась в литературных журналах: «Берега», «Подъём», «Молоко», «Роман-газета», «Наследник», «Полдень XXI век», «Суждения» и др. Финалист VI Международного литературного фестиваля «Славянская лира-2019» в номинации «Малая проза». Автор методики комплексного обучения для будущих писателей «Авторам своей жизни» и курса «Книга в руках». Работала в составе жюри городских и региональных конкурсов чтецов: «Живая классика», «Откроем для себя Исаевские строки», «Я научила женщин говорить» и др. Выступала инициатором и организатором литературных конкурсов для школьников. Организатор благотворительного проекта для детей-сирот и детей-инвалидов «Лука и лучики».

БАТЮШКА ИЗ ЛУГАНСКА

Рассказ

В алтаре воцарилось молчание: батюшка запнулся. Он ещё не привык произносить молитву за Россию и за русский народ, поминать имя другого митрополита. Совсем недавно там, в Луганске, где он родился и где думал умереть, всегда молился за Украину, за местного епископа, «за власти и воинства ея».

Батюшка растерялся и достал листочек с подсказкой, но строчкиплыли. Хотелось рыдать.

Он не думал уезжать, собирался до конца разделить участь своей паствы, но так сложилось. Дом разбомбили, да что там

дом, — всё родное селение превратили в полигон. Не стало прихода, и некуда податься: кругом сумятица. Ему ли в ополченцы?..

Отслужил батюшка молебен над пепелищем да и отправился в Россию с детьми, с больной женой. То ли беженцем, то ли «политическим эмигрантом»...

Он здесь и сейчас. Он жив.

А закрой глаза, и вот они, страшные картины... Скоро ли всё это затянется, отлегло? То и дело казалось, вот-вот проснёшься, и нет ничего, а это: бомбёжки, пламя огнемётов, вой ракет — всего лишь затянувшийся американский боевик...

Против русских на Украине настраивали десятилетиями. Да что и говорить, капля камень точит. Вот и у батюшки после бомбёжек Луганска, случалось, возникала мысль, а как вдруг киевская пропаганда не врёт, и это русские самолёты приносили к ним смерть?.. Но перекрестится, — и сомнения отпускали его.

Он здесь и сейчас. Служит. Ведь это самое любимое дело на свете! На руинах своего прихода он уже и не чаял когда-нибудь воскликнуть: «Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святого Духа!»

Батюшку приняли как родного. Он всё ещё порывался куда-то мчаться, принимать решения по привычке. Но уже все опасности были позади, а от него теперь требовалась лишь сосредоточенная молитва. Здесь мир. Он в России...

Батюшка с облегчением вспомнил, что скоро диакон выйдет на амвон и, помяная всех православных христиан всей вселенской Церкви, живущих на этом свете и покинувших его, произнесёт молитву о водворении мира на Украине. От этих мыслей стало легче.

Батюшка не раз с горечью говорил с амвона пастве: «Не к добру вокруг множатся униаты, баптисты, сайентологи и язычники... Не к добру. Храмов-то много, да чьи они теперь? Не отступайте от веры православной, миленькие! Держи-

тес! Кто нас хочет уничтожить, спрашиваете? Да мало ли чьими руками, умами и словами действует враг рода человеческого? И не всегда жестоко, он и благотворительность любит, и этикет, и здравый смысл, и даже мораль. Христа он не любит и христиан. Комом в горле у него Православие и православные!»

Когда батюшка впервые приехал сюда, весь причет церковный собрался в трапезной, чтобы послушать историю о наболевшем. Ему говорить не хотелось, но все ждали. Когда же выговорился, стало легче. Батюшка взглянул на весь ужас со стороны, вспомнил убитых и раненых и прославил Бога, ведь ему сильно повезло...

В тот вечер засиделись. На улице стемнело, а беседа иссякать не хотела. Одна прихожанка начала восторженно рассказывать о чудесах, о том, что, по слухам, их теперь особенно много на Украине.

Батюшка, естественно, не мог не вразумить:

— Милая моя, чудеса нельзя ни принимать, ни отвергать. Нам неведомо от Бога они или нет. Настоящее чудо — это мир! Настоящее чудо — это любовь среди нас! Любовь — это топливо, Бог нам его в сердца вливает, чтобы мы жили. Чтобы хватило нам самим и нашим ближним, а мы её несправедливо почитаем своим личным приобретением. А это самое настоящее чудо! И этому мы перестали удивляться. Вот заберёт любовь, что мы будем делать? Давайте же поблагодарим за эту милость! — батюшка встал перед иконой, чтобы помолиться и закончить беседу.

Но женщина не унималась:

— Знаю, отче. А Вы всё-таки ничего такого не видели?

Батюшка вздохнул и ответил:

— Настоящее чудо — это то, что у меня семеро здоровых деток. Жена каждого выносила без помощи врачей, а ведь у неё с детства порок сердца!

Воцарилось молчание.

Но женщина снова задала вопрос, правда, уже не так решительно:

— Как же так, Вы молитесь, молитесь, а святые что ж, молчат?! Разве Вам не было утешения?

Батюшка снова сел за стол и начал рассказ:

— Сам я, грешник, ничего не видел. Есть случай, мне его поведал священник-ополченец. Был среди них мусульманин, а потом вдруг попросился креститься с именем Спиридон. Его командир ругает, мол, как я тебя буду по радиции вызывать? «Тогда Онуфрием», — говорит тот. — «Нет, давай уж лучше Спиридон». Потом вдруг выяснилось, что день крещения того мусульманина совпал с днём праздника Спиридона Тримифунского. Вот как к нам близки Бог и святые Его! И, кстати, этот парень не ждал чуда, которое после крещения ему всё-таки дано было увидеть. Ребята под каски повязывали ленточки с живыми помощами, так вот одному пуля пробила каску и отрикошетила, вышла обратно из отверстия! На ленточке дырочка, а на лбу шишка. Вот вам сила веры!

— А я от беженцев слышал, сама Божья Матерь там у вас многим является, — аккуратно заметил пономарь.

— Да, и я слышал... — подтвердил батюшка. — Было вроде так. Из алтаря вышла Женщина, очень просто одетая, и говорит: «Постреляют-постреляют и успокоятся». И обратно ушла. Опомнились мужики, как, мол, «баба» в алтаре-то? Кинулись, а там никого.

— И что? — в изумлении, открыв рот, спросила любопытная женщина.

— Как что? А как нас святые отцы учат? Не принимать и не отвергать, — ответил батюшка и улыбнулся.

Беседа пошла о чудесах.

Снова подали чай. Вдруг любопытная женщина вскрикнула. Она выглядела бледной и испуганной: как заворожённая с ужасом смотрела на окно возле входной двери. На улице

было уже темно, но из окна струилось голубоватое свечение. Все смолкли, наблюдая за необъяснимым явлением.

Тут дверь медленно отворилась.

— Ох! — воскликнул сторож с фонариком в руках. — Думал воры, а это вы тут!..

Батюшка улыбнулся, вдруг сердечно почувствовав, как все эти люди: причт и прихожане, — как все они ему дороги, это его семья, а роднит их Христос. «Национальность наша — христианин, а Родина наша — Небесный Иерусалим», — решил он для себя и облегчённо вздохнул.

В трапезной стало тихо. Прихожане замерли. Ни звука... Всяк задумался: пусть батюшка знает — он дома. Мы же понимаем, ему нелегко...

Иван Донецкий

Родился в 1957 году в городе Сталино УССР. По профессии врач-психиатр. Автор рассказов, очерков, пьес. Член СП ДНР, член СП России. Публиковался в периодических изданиях и сборниках России, ЛНР, ДНР. Живёт и работает в Донецке.

КИСА

Рассказ

Мы взяли её летом двухтысячного, когда младшенькой было шесть. Она поймала простенькую, четырёхцветную кошечку, которая бегала, хвост трубой, с беспризорными братьями и сёстрами. Возраст котят хозяева знали приблизительно. Дочка то ловила их, то отпускала, то снова ловила, и каждый раз попадался один и тот же, видимо, самый слабый котёнок. К отъезду он уже привык к тёплой и ласковой неволе, а она пела ему песенки и на слова: «Отпусти кису, мы уезжаем», — испуганно попятилась, прижимая котёнка к груди. Глазёнки вмиг наполнились слезами. Котёнок покрутил головой, отряхиваясь. Слышать детский плач подвыпившая компания кошатников (как оказалось) не желала и надела на меня, как Третий рейх на Францию. Согласие заскользило по хмельному благодущию и, поставив жене и дочери условие: «Вы убираете за ним», — я красиво и быстро, по-французски, капитулировал и даже выпил за котёнка, нашедшего дом и хозяев.

Всю дорогу из Амвросиевки в Донецк котёнок спал на руках у ребёнка. Дома я наполнил обувную коробку песком, капнул мочи для запаха и поставил рядом с унитазом. Через полчаса с удивлением увидел на песке следы лапок. Кошечка оказалась умной, но на выдуманные детьми имена: «Клеопатра, Клео, Царица, Белоснежка», — не поворачивалась. Так ни одно имя к ней и не пристало. Между собой мы её зва-

ли «Киса», а подзывали — «кис-кис». На зов она шла лениво, словно делая одолжение, по ниточке, как на подиуме, выкладывая перед собою беленькие лапки. Ела, как балерина, ровно столько, сколько нужно, чтобы оставаться стройной и сильной. От любых кушаний, даже от любимой печени, отворачивалась и уходила, съев положенное. Кем положено — ни разу не обмолвилась. Иногда к недоеденному возвращалась через время, но чаще оставленное засыхало и шло в мусор. Сметану и молоко могла понюхать и отойти, вынуждая меня задуматься, с опозданием, о качестве съеденного. Удивляло в ней — отсутствие животной жадности.

Обстрелы четырнадцатого года мы переживали вместе. Детей в июне я срочно отправил в Крым, отдав им все деньги, а жену в августе, после того, как их роддом закрыли, еле уговорил уехать без меня. Я не помню, чтобы Киса вздрагивала от взрывов, хотя была пуглива, от гостей пряталась под диван, из-под которого осторожно вылезала, только когда шаги последнего оккупанта затихали. В её счастливом мире не было ни Украины, ни войны, ни меня. Что-то, конечно, было, но что, я никогда не узнаю. Свет ей был не нужен, а неделю без воды она проживала не замечая. Я боялся обстрелов, переживал о мясе, пускающем кровавую жижу в морозилке, придумал систему экономии воды. Помню в безводный период, проходя мимо туалета, обругал Кису, но, осознав наш общий грех, мысленно извинился перед ней и вспомнил детей. Обычно они на коленях извинялись, бережно держа её мордочку, смотря в глаза, когда наступали на хвост. Киса редко принимала извинения. Обстрелы заставляли дорожить каждой мелочью в квартире, каждым воспоминанием. Тоска о жене и детях, которых, возможно, уже не увижу, наполняли душу незнакомым ранее чувством. Извинившись перед Кисой, я вспомнил причину бегства жены и детей из родного города, представил, что никогда их уже не увижу, и тёплое чувство остыло, превратилось в чувство с каким, видимо, уби-

вают людей, виновных в таком горе. Киса мурчала, а я лежал на пустом супружеском ложе, считал прилёты, радовался, что мимо, и читал «Войну и мир» при свете карманного фонаря. В то лето я перечёл лучшее из написанного о войне на русском, стал с трудом понимать английский и с отвращением украинский. Каждый день боялся — не дочитать, не досмотреть, не дописать! Дрожащими руками крапал послания миру, бросал в волны интернета и думал: «Теперь уже можно...» Что «можно», старался не проговаривать даже в уме, чтоб не накликать беду. Осень четырнадцатого, непрерывные обстрелы наполнили душу холодным, спокойным презрением ко всем болтунам, «освещающим трагедию Донбасса». Что-то гнусное чувствовал я в поведении мужчин, которые бегают с камерами вокруг кричащей под насильником женщины. Сердцем чувствовал и, вопреки доводам разума, чувствую и сейчас.

Весной шестнадцатого, когда обстрелы сползли на окраины, нащупал у Кисы на животе опухоль, ближе к передней левой лапке, округлую, не спаянную с подлежащими тканями и безболезненную. Подумал, что липома и успокоился.

А в октябре этого же года к нам в больницу нагрянуло новорождённое КРУ. Кучка молодых, малограмотных оболтусов допрашивала медсестёр, с которыми я пережил лето и осень четырнадцатого, и грозила им уголовной ответственностью за копеечные излишки и недостатки. Ссылки на то, что «в четырнадцатом мы покупали медикаменты за свои деньги» отметалась: «А почему не оприходовали?» Любое упоминание о лете четырнадцатого «вьюноши» воспринимали как упрёк и, ссылаясь на военное положение, пересчитывали и допрашивали больных, нарушая закон о психиатрической помощи. Состояние сотрудников и больных после «бесед» ухудшалось, но это их не интересовало. Мы гадали о причине «идиотской проверки». Одни говорили, что Украина, не сломив Донбасс силой, обрушила на нас армию бюрократов. «Даже в советское время, не говоря уже об украинском, не было таких про-

верок!» — утверждали пожилые медсёстры, глотая эналаприл. Другие считали, что верхи опять воруют немеряно, а внизу ищут козлов отпущения.

— И что им даст, если они меня посадят за четыре ампулы папаверина?

— Если одну, то ничего, а если сто, то есть на кого стрелки перевести и отчёты сдать о проделанной работе.

— Господи, любая власть, прежде всего, д... врачей и учителей!

— Кто украл бублик — сидит в тюрьме, а кто завод — в верховной раде или что там в дэнэрэ.

— Мне этот юный идиот, Юрий-как-его-там-зовут, сказал, что я списала папаверин, чтобы продать.

— Так пусть бы купил, рублей за пять.

Больные выписывались со словами: «Лягу, когда комиссия уйдёт», а комиссия, разгоняя больных, ругала нас за их отсутствие и не собиралась уходить, составляя акты на комнатные цветы, принесённые сотрудниками, на книги, занавески... Они бы оприходовали и пыль, но её не было.

Моя шерстяная подруга в это же время дожила до более серьёзных, чем наши служебные, неприятностей. Целый день она молча ходила по квартире, оставляя кровавые, кровянистые и мутно-жёлтые капли, или молча дулась на горшке, или, вытянув вверх лапку в белом носочке, лизала под хвостом. Мне до слёз было жаль её, одинокую, бездетную, живущую без близких и друзей. В комнаты её, не успевая стирать за ней, перестали пускать. Я подолгу гладил её в коридоре, а она доверчиво тянулась вверх головой, ещё не похудевшей. Она никогда не надоедала мяуканьем, изредка тоненько хрипела, прося поесть, а чаще трогала меня мягкой лапкой за ногу. Я бросал «комп» и кормил её. Мы с женой думали, что у неё метастазы голосовых связок, но она так замякала, когда я сажал её в клетку, чтобы отвезти к ветеринару, что мысль о метастазах растаяла. Ветеринар сказал, что мочевого пузыря плотный, но пустой. Опу-

холь же молочной железы у кошек злокачественная и, с учётом возраста, Киса операции не подлежит. Может, кто-то где-то и обсуждал бы вопрос об усыплении, как обсуждают в Киеве вопрос об изгнании и переделке жителей Донбасса, но не мы. Я купил лекарство, которым Кису надо поить целую неделю.

Легко сказать! Ласковая, пугливая, безголосая Киса не терпела малейшего принуждения. Чтобы сделать укол, я надевал старую куртку, кожаные перчатки и вдавливал её, животом вниз, двумя руками в кровать. Влить лекарство в рот оказалось ещё труднее! Опять — куртка, перчатки, левой рукой — за задние лапы, правой — за передние, предплечьем прижимаю к боку её голову, а жена вливает в рот лекарство. Киса вырывается, словно из рук душителеей, грызёт острыми, белыми зубками пластмассовый шприц. Жена обливает коричневой жидкостью мордочку и куртку. Вот и всё! Киса обиженно отряхивается, облизывается, но не уходит от моей, глядящей руки. Жена говорит, что соседка засовывает своей кошке таблетку глубоко в рот и та глотает её. Наша же и гладить позволяет себя не всегда. Надо внимательно следить, чтоб не пропустить момент, когда ей наскучат ласки, и она отмахнётся лапой. Как-то лениво отмахнулась, и я полчаса слизывал кровь с пальца.

Киса, к счастью, размочилась. Бычки с овсяной кашей перестали давать. Рацион Кисы стал царский: молоко, сметана, сливки, печёночный паштет, кошачьи корма в пакетиках и лакомства с нашего стола. Едок Киса была всегда плохой, а сейчас ела ещё хуже. Я хотел дотянуть её до возвращения старшей дочери, каждый звонок которой не обходился без вопроса: «Как Киса?» Она постоянно просила прислать во Францию фото — не мамы, не сестры, не моё, — а Кисы. Нам — соборы Европы, мы — фото донецкой кошки, обычной, беспородной, жёлто-бело-сери-чёрной, без которой Европа для молодой женщины была пуста.

А на работе нашествие КРУ сменилось налётом полиции. Подъезжали и допрашивали, словно мы распилили и прода-

ли, не поделившись с ними, металлургический завод или шахту Засядько. В одну из суббот «выкручивали руки» старшим медсёстрам с девяти утра до семи вечера. Три часа вооружённый властью внучок пытал бабушку, надеясь раскрыть ОПГ донецких медиков, но бабулька «не кололась», храня в тайне точку сбыта папаверина. Цены излишков и другие доводы разума на внука не действовали, окончание рабочего дня бабушки не волновало.

Я сижу в пустой ординаторской и удивляюсь: на работу ходили под обстрелом, а сейчас боятся уйти «без разрешения», хотя рабочий день давно окончился, и допрашивают их «пока как свидетелей». «Отличная у меня жизнь! — думаю. — На работе — допросы понаухав, дома — умирающая Киса, за домом — пушки кастрюлеголовой армии. Жалею Кису, боюсь прилёта, радуюсь, что жив — пока, злюсь, видя сгоревшие дома соседей, брезгую людьми, издаю, наездами, говорящими о Донбассе и живу по ту сторону добра и зла. Живой, но сиюминутно, без иллюзии бесконечности».

— Иван Иванович, домой отпустили, — говорит за дверью старшая, вернувшись с допроса.

Я везу их на конечную, чтоб не шли в темноте в больничном захолустье и успели домой до комендантского часа, дома меряю температуру и понимаю, почему хотелось лечь.

Через день, наевшись таблеток, выхожу из дому и вижу жену соседа, моющую пол в его зелёном «бусике». Вечером встретил, поинтересовался, куда ездил.

— Мать вчера умерла, похоронил.

— Прости, не знал. Сочувствую.

Месяц назад Вадим привёз мать из села под Мариуполем. Инфаркт, сахарный диабет, пролежни... Два года не видел её, не мог помочь, потому что ушёл в ополчение. Теперь винит себя за то, что мать «уродовалась на горode» пока он...

— Щас бы взял автомат и всех сук положил, до Киева бы дошёл. Из-за них всё...

Молчу. Я уже похоронил мать и понимаю его. Подъехал Витя. Решил отвлечь Вадима анекдотом. Рассказал. Вадим молча курит. Я с удивлением, которого не видно в темноте, смотрю на них. Они вместе воевали.

— Извини, брат, хотел отвлечь, — говорит Витя и добавляет, — Оскотинился я за войну. Когда в Семёновке первых наших пацанов положили, я сидел и плакал, как ребёнок. Потом привык. Сегодня — его, завтра — меня. Чё слёзы лить? Прости, жалко, мама всё же.

— Если бы мы их тогда за пределы области выгнали, жила бы. Так нет, эти суки не дали...

Помолчали. Я думал о том, что мне мою Кису больше жаль, чем маму Вадима, которую я не видел и не знал.

— Я к тебе, Седой, приехал вот зачем... — перешёл на деловой тон Витя.

Я знал о доле ополчения, оставшегося без куска хлеба. Металлолом по разбитым окраинам Донецка они уже, с риском для жизни, под носом у «братьев», собрали, грабить своих не хотели. Донецкие полтосы были хоть дома, а славянские, краматорские шатались, иные с семьями, по съёмным квартирам, общежитиям, перебивались случайными заработками. Витя предложил Вадиму перевозить конфеты. Острое чувство вины и стыда перед ними погнало меня домой, туда, где умирала Киса. Живое, чувствующее, мыслящее не понятно о чём, существо. Тёплое ещё, уже трёхкилограммовое творение, моя боевая подруга. Умирала она молча, без единого сто-на, как надежда в жителях Донецка, которые хорохорились в соцсетях, а в жизни, никому не нужные — сутками простаивали на блокпостах Украины и часами — на границе России. Жили, будто в коридоре под дверями соседей.

Кошечка моя второй день не ела, лежала на боку, тяжело дышала и только изредка пила воду. Пока ходила, но шерсть взъерошена. Гладящая рука чувствует похудевшую голову, чётки позвонков, рёбрышки. Кончик хвоста, как и раньше,

перекладывает вправо и влево, когда я глажу её. Если смотреть только на кончик хвоста, то никакой беды не видно. Понимаю, что Кисе по людским меркам лет семьдесят-восемьдесят, но ни морщинки, ни сединки. Старость и болезнь у неё проявились худобой и взъерошенной шерстью. Зубы — все целы. Беленькие, острые, ещё пару дней назад она грызла сухой корм. Шамкающие рты старух, шаркающие ноги стариков — для людей. Киса до последней недели легко и грациозно запрыгивала сбоку на офисное кресло перед «компом» и не стукалась головой о подлокотник.

На работе — допросы понаухав, дома — обстрелы их кастрюлеголовых братьев.

Киса — третий день без еды, четвёртый, пятый. Лежит, уткнувшись подбородком в пол, словно корабль носом в берег. Глаза открыты, крохотная лужица слюны возле едва приоткрытого рта. Бока с проступающими рёбрышками тяжело и редко вздуваются. На еду не реагирует, даже не скашивает глаза. Усы мокнут в молоке, уже покрытом плёнкой.

На шестой день, придя с работы, едва взглянув, беру лопату и копаю под яблоней ямку. Думал, зимой будет тяжело, но земля промёрзла сантиметров на пять, дымилась, рыхлая, на морозе. Киса последние три дня ходила, стуча когтями по ламинату, словно цеплялась за жизнь. Шла, пошатываясь, никого не замечая. Одиноко, точно брошенная лодка к водопаду, плыла по коридору. Или лежала. Не спала, как раньше, а молча лежала, ещё следя широко открытыми глазами. Пару раз я улавливал еле слышное поскуливание. Как плач. Уже не вылизывала себя. Губы возле рта пропитались слюной, капли которой оставались на полу, когда она поворачивала ослабевшей шеей отяжелевшую голову. До последних минут сама переходила с места на место, укладывалась там, где раньше никогда не лежала. Вдруг — лежит поперёк коридора, вытянув во всю длину лапы и хвост, — и ты благодаришь бога, что не споткнулся. Или сидит, погру-

жённая в предсмертные кошачьи думы, куняет, ни на кого не реагируя.

Опять прилетает на Октябрьский и кого-то разрывает на части, но Кисе и мне — не до чужого горя. Она жалобно, тихонько мяукает, лёжа на боку, скребёт лапами по тёплому полу ванной, будто хочет встать. Я переносу её на тёплый пол в прихожую. Снова жалобно мяучит, перебирает лапками, точно хочет убежать, вытягивается в судороге и затихает. Я закрываю ей глаза, но они сминаются под пальцами и остаются открытыми. Зрачки расползаются на весь круглый, изумрудно-зелёный кошачий глаз. Под хвостом лужица с ладонь, полуоткрытый рот с белоснежными иголочками окаямлён слипшейся шерстью.

Позвал жену, дочь.

— Я не хочу на это смотреть, — говорит младшенькая и уходит плакать.

Заворачиваю Кису в наволочку, выбираю красивый полиэтиленовый кулёк с красными розами и, думая: «Она не говорила мне глупых, обидных слов... не пыталась обмануть... я многому научился у неё... часть мудрой природы жила со мной шестнадцать лет...» — осторожно укладываю на дно ямки, засыпаю землёй.

Могильный холмик получился, точно маленький, заснеженный террикон, затерянный среди больших.

Вспоминая Кису, я думаю, она всегда оставалась собой, сражалась одна против всех. Размеры и сила противника её не останавливали. Храбрость это или слабые прогностические способности, неумение адаптироваться к среде? Киса не предавала себя и не оправдывала предательство хитрыми вопросами. Она боролась за свою независимость даже во вред себе.

Запрячь её, надеть узду — нельзя, соблазнить едой, дорогой кормушкой — тоже.

Как писал Борхес, во всём мне чудится символ, который вот-вот разгадаешь.

Андрей Авраменков

Родился в 1990 году. в Луганске. Окончил Восточноукраинский университет имени Владимира Даля, специальность «Издательское дело и редактирование». С конца 2011 года работал корреспондентом в различных изданиях. Весной 2014 года освещал все митинги и собрания в Луганске. И первые бои и бомбежки тоже. Затем летом переехал в Воронежскую область. Печатался в университетском альманахе, молодежном литературном журнале «Индиго», в журнале «Подъем».

ОЛЯ И СНАРЯД

Рассказ

Жара начинала спадать. К середине августа стало холодать по вечерам, днем — тепло и приятно, в полдень можно было спокойно выйти прогуляться в магазин или на рынок, не опасаясь солнечного удара или вспотеть, как мышь. Проблема заключалась в том, что все рынки и большинство магазинов работали до часа, и самые многочисленные скопления народа приходились на первую половину дня. Народ по утрам с опаской выползал из домов в поисках вещей первой необходимости: еды, воды, лекарств и разной мелочи, например, свечек, спичек или сигарет, которые стало трудно достать. Весь быт здесь перестал быть маленьким и незначительным, а стал первоосновой выживания.

Город постоянно обстреливала артиллерия и авиация. Вокруг Луганска и даже в некоторых его частях шли ожесточенные бои. Опустевший полумиллионник находился в окружении уже больше месяца, а в тяжёлом положении — две недели. Люди жили без электричества, воды и мобильной связи. С продуктами ситуация тоже сложилась напряжённая, но достать их ещё было реально.

Всё началось с того, что местные жители, не признавшие новую киевскую власть и не желающие дружным стадом идти в Европу, выступили с акциями протеста. Вскоре стало понятно, что никто не рассматривает всерьёз требования народа, что власти плевать хотели на мнение людей. Самые отчаянные взялись за оружие и захватили административные здания. Военный конфликт стал неизбежен, опасность и плохие предчувствия охватили уже всех, а не только тех, кто чуял неладное с первых дней Майдана.

После первых боёв между властями и ополчением, в стремлении помочь, потоком хлынули добровольцы из России. У многих на Донбассе жили родственники и друзья, этот край всегда был родным для русских людей.

Обернулось всё нескончаемым потоком крови, обломками разлетающихся крыш и стен домов, сломанными судьбами, блокадой Луганска, на который каждый день беспорядочно ложились десятки самых разнообразных снарядов. Но люди здесь остались. Город только на первый взгляд мог показаться пустым и заброшенным. На самом деле здесь в тяжёлых условиях выживали тысячи людей, которых ненавидели и убивали только за то, что мнение большинства из них отличалось от позиции официальных властей и остальной Украины.

* * *

Оля с утра оббегала несколько магазинов в поисках спичек или хотя бы зажигалок. Ведь газ в квартиры ещё подавался, и приготовить поесть не составляло труда, были бы продукты. Оля предусмотрительно ещё до дефицита и блокады сделала солидные запасы крупы, макарон, картошки, соли, хлеба и спичек. Последние кончились быстрее всего.

Несколько магазинов находилось напротив её дома, достаточно было перейти через проезжую часть. Ни в одном из них не оказалось спичек, но несколько зажигалок женщи-

не удалось купить. «Отлично, повезло, приготовлю суп. А то Миша придёт с работы голодный», — подумала она, искренне радуясь за мужа.

Вдалеке гроыхали разрывы, долго и интенсивно. Жители смирились с этим и научились не замечать. Женщина вышла из магазина и по узкой аллее направилась дворами в сторону проезжей части. Опасаться автомобилей не стоило — частный транспорт здесь уже давно стал редкостью.

Слух прорезал мощный, пронизывающий до мурашек свист снаряда. Она услышала металлический стук совсем рядом, но испугаться просто не успела. Через мгновение взрывная волна отбросила её на несколько метров...

* * *

Ещё в начале лета кровавая вакханалия в Луганске только начинала набирать обороты. Муж твёрдо заявил, что никуда из города не уедет, пока у него есть работа. А у Оли как раз начался официальный отпуск. Она могла уехать, но не уехала, решив остаться с мужем и поддержать его решение.

Оля была очень хорошенькой и симпатичной. В больнице, где она работала, к Оле часто приставали пациенты, то ли в шутку, то ли всерьёз предлагая выйти замуж. Им она отвечала, что у неё есть любимый муж и она уже 25 лет счастлива в браке с ним. Находящиеся на лечении бабушки, с которыми Оля в силу доброго характера всегда общалась, говорили, что она симпатичная девочка и всё у неё впереди, спрашивали, на каком курсе университета учится. Им Оля отвечала, что её сын уже давно окончил университет.

Михаил был высоким и сильным, по дому умел делать всё, поскольку сам приехал в Луганск из деревни, любил поработать руками. Эта фанатичная преданность пролетария своей работе и долгу стала основной причиной того, что Миша и Оля остались в городе.

В середине июня звонил сын.

— Мама, надо уезжать, всё будет только ухудшаться. Позвони бабушке. Решайтесь, потому что времени осталось мало, — говорил он.

— Ты же знаешь, что папа упёрся и никуда не собирается. У него работа, — ответила Оля.

— Да какая к черту работа! — орал в трубку сын. — Работа на складе — это не предел мечтаний. Там найдёт. Нам ведь есть куда ехать!

— Кому мы там, в России, нужны? — грустно и тихо сказала женщина.

— А здесь кому мы нужны? Снарядам? Понимаешь, город уничтожат, сотрут с лица земли. Ну, если у папы работа, давай хоть ты с нами?!

— Всё будет хорошо. Вы уезжайте. А мы останемся, я без папы никуда не уеду. Люблю, целую вас, — женщина дала окончательный ответ, и спорить с ней было бессмысленно.

Оба нажали на кнопку отбоя с тяжёлым сердцем и слезами на глазах.

Сын со своей женой уехал. Он считал, что родители — люди взрослые и сами могут решить, что им делать, а ему нужно защищать свою маленькую семью. Позже он позвонил из России, сообщил, что добрались они благополучно. Оля ответила:

— Я почему-то такая спокойная теперь. Главное, что вы выбрались. Мне теперь ничего не страшно. Я уверена, что всё будет хорошо.

Они созванивались каждый день, и неизменно в разговоре проскальзывала уже приевшаяся фраза Оли: «У нас всё нормально, стреляют». Это так коробило сына. Как? Как может быть всё нормально, если стреляют? Но для оставшихся это как раз и стало нормой, привычным течением жизни.

* * *

Миша каждый день ходил на работу. Преимущественно пешком, потому что городской транспорт стал ходить редко и нерегулярно. Хорошо, что место работы находилось недалеко и можно было просто прогуляться. Правда, дорога приобрела очень живописный вид — снаряды часто попадали на эту открытую местность, вырывая куски асфальта и разбрасывая их на десятки метров вокруг.

В один из вечеров он возвращался домой, неторопливо и расслаблено шагая, наслаждаясь теплом и солнцем. Говорил по телефону с Олей.

— Я Любе звонила, на Южном сильные обстрелы, они уже в подвалах ночуют. Остановку возле магазина «Максим» разбомбили.

— Погоди, — ответил муж.

Рядом по пустой проезжей части небыстро катился джип, раскрашенный в камуфляжные цвета. Миша смотрел на людей с оружием внутри машины, а они смотрели на него. Авто начало притормаживать и остановилось рядом, преградив путь.

— Я перезвоню.

Из машины резво выбрались несколько человек в бронежилетах, густо обвешанные автоматами Калашникова. Все высокие и плотные, ручища здоровенные. В карманах сменные рожки для оружия. У одного из них было обожжённое лицо. Ополченцы.

— С кем говорил? — бесцеремонно спросил обожжённый.

— С женой, — спокойно ответил Миша.

— Можно глянуть?

Он протянул ополченцам мобильный телефон. Обожжённый пролистал в нём все входящие и исходящие вызовы. Почти все из них — «Жена», а в телефонном справочнике всего с десяток номеров. Подозрительно, подумал повстанец. Объяснялось всё просто. Дело в том, что неразговорчивый Михаил

не любил мобильные, телефон появился у него всего полгода назад. Да и друзей у него было немного, а собеседников в такие тяжелые времена стало ещё меньше.

Обожжённый ополченец, глядя на Мишу, набрал номер, записанный как «Жена».

— Алле, Миша, что там такое? Я испугалась за тебя! Там что, где-то рядом стреляют или что? — начала тараторить в трубку Оля. — Ты скоро придёшь уже...

— Это не Миша, — ответил незнакомец.

— А кто это? Где мой муж? С ним всё в порядке? — в звонком женском голосе явно слышался страх.

Мужчина с АК отдал мобильный телефон владельцу.

— Всё нормально, — сказал муж. — Я сейчас перезвоню. А в чем дело? — обратился к группе Михаил.

— Да ищем наводчиков, — уже без напряжения ответил обожжённый. — Слышишь, бахает? Город начали усиленно обстреливать диверсионные группы, вот и патрулируем, ищем этих тварей. Ну, бывай, мужик.

Они сели в машину и медленно покатались дальше по трамвайной линии в сторону центра.

* * *

По одной из окраин Луганска, на перекрёстке в районе квартала 50 лет Октября, был нанесен авиационный удар. Десятки луганчан погибли и столько же получили ранения. Воронки на асфальте, выбитые окна жилых домов, покорёженный металл, согнувшийся светофор, который лишился своих цветных фонарей, потрёпанная аптека теперь выглядела тёмным склепом с зияющими отверстиями в стене. Но самое страшное — человеческие тела, в которых минуту назад были души, изуродованные трупы горожан: невинные женщины и дети.

Люди, начавшие подходить к месту очередной трагедии, плакали. Все, включая мужчин. Народ пытался помочь тем,

кто получил ранения, но уцелел. Подошла и Оля, которая во время жуткого взрыва, оказавшегося безжалостным нападением стальной сине-желтой птицы, ходила совсем рядом по рынку в поисках овощей. Она ужаснулась масштабам гибели людей, потому что всё это выглядело местом бойни, причём для животных. Впечатлительная женщина, не сдерживая эмоций, расплакалась, отошла в сторонку, чтобы не видеть мёртвых людей, достала бутылочку с водой и таблетки. Через время пульс пришёл в норму, а нервы чуть успокоились.

Бомбёжка произошла рядом с домом, в котором жила с семьей подруга Миши — Тая. От взрывов стекла в её квартире вылетели вместе с рамами. Повезло, что она вместе с детьми уехала из города раньше. После работы Миша с Олей пришли и заколотили досками окна, чтобы местные мародеры не влезли и не растащили оставшиеся вещи.

* * *

С каждым днем Луганску становилось всё хуже, словно город заболел и страдал от паразитов, которые атаковали его изнутри и снаружи. Разрушения прибавлялись, любимые скверы, знаковые для горожан места и достопримечательности методично и настойчиво-уничтожались, оставляя после себя жалкие обломки. Город сопротивлялся как единый живой организм. Коммунальщики, которых в мирное время не жаловали, оказались настоящими мужиками, которые даже под обстрелами выполняли работу, чинили объекты, рискуя жизнями. Мусор вывозился, поломки устранялись. Но наплыв чужеродных враждебных организмов продолжался. Луганск стало лихорадить, так как собственных сил освободиться от фанатичных европейских микробов у него не хватало.

— Мама, я постоянно читаю, что город обстреливают сами ополченцы. Это правда? — спрашивал во время телефонных разговоров Олю сын.

— Нет, не верь в это. Нас даже самолеты бомбят! Разве у повстанцев они есть? Или что тогда получается; армия и ополчение действует заодно и уничтожает мирное население? Это всё бред, сынок. Не верь...

В начале августа яростно обстреливаемый человеком на вистниками город начал умирать, забирая с собой всё и вся. Пропало электричество, вода и связь. У Луганска появился новый правитель, самый жестокий и властный из всех возможных, капризный и неуравновешенный в своем настроении, словно ребенок, непредсказуемый, как удар молнии. Верней, правительница. Одна и единственная — Смерть. Давно старая властная женщина положила глаз на этот город и теперь успешно управляла жизнями горожан. Успешно для себя самой, но не для них. Она накрыла чёрной тенью город на реке Лугань, её плащ взял под жёсткую опеку людей и давал им единственное, что мог дать — страх и гибель. Ничтожным утешением являлся тот факт, что эта новая королева Донбасса во многом была честней людских президентов и вождей — она не брала взяток, и её невозможно было подкупить.

* * *

...Слух прорезал мощный, пронизывающий до мурашек свист снаряда. Оля не успела испугаться, услышав металлический стук совсем рядом. Через мгновение взрывной волной её отбросило на несколько метров. Грохот, хруст деревьев, взрытая земля и громоподобное обломков камней. Женщину протянуло по асфальту, и она ударилась о дерево. Ноги все были в крови. Почти сразу, как всё затихло, из ближних домов вышли люди, они помогли женщине подняться. Она была цела, только немного в шоке от произошедшего. Глаза округлились от испуга, ноги тряслись и самостоятельно стоять она не могла. Давление поднялось, и сердце выскакивало из груди. Уши и голова сильно болели, Оля не могла сосредоточиться, мысли путались, вопросы жильцов и остальные звуки были почти не слышны.

Приходя в себя, она огляделась: мина пробила крышку канализационного люка, упала вниз и уже там взорвалась. Женщина поняла, что именно это её и спасло. Упави снаряд на поверхность земли, в стороны разлетелись бы осколки и попросту лишили её жизни. Ободранные ноги и легкая контузия — не самое плохое, что могло случиться в этой ситуации.

Когда Миша пришел с работы и узнал о происшествии, он крепко обнял Олю, которая лежала на кровати и всё ещё отходила от случившегося утром. Муж нежно гладил её левой рукой, а правой прижал к груди. Из глаз супругов капали слёзы.

— Родная, это из-за меня всё... Если бы не моя упёртость..., — начал Миша.

— Успокойся, ты не виноват. Не ты обстреливаешь наш город.

— Если бы мы уехали, то тебе не пришлось бы испытать этот ужас...

— Всё в порядке. Некоторым сейчас намного хуже. Мне главное, что ты со мной, — со слезами говорила Оля. — Я всегда тебя поддержу, любое твоё решение. Ты молодец, что остался работать и не взял в руки оружие, я тобой горжусь. Когда-то давно мы связали свои жизни навсегда, в радости и горести. Это ведь не просто слова, это священная клятва. Клятва перед лицом Господа.

— Ты самая лучшая жена, без тебя я бы не выжил, — улыбнулся Миша, сидя возле кровати в тёмной комнате. Улицу освещала только Луна и то и дело появляющиеся зарева от взрывающихся снарядов.

Только самоотверженная любовь способна спасти в такие трудные времена. Впрочем, достаточно было остаться в Луганске, чтобы увидеть ад на земле.

Февраль 2020 года

Елена Заславская

Родилась в 1977 году в Лисичанске, живёт в Луганске, ЛНР. Донбасский поэт, писатель, журналист. Автор пяти поэтических сборников: «Эпоха моей любви», «Мамині сльози», «Инстинкт свободы», «Бдыщь-мен и Ко», «Год войны», а также публикаций в интернет-изданиях и периодике, в том числе в антологии-энциклопедии «15 веков русской поэзии» и сборниках, посвященных войне на Донбассе: «Час мужества», «Ожог», «Русская весна», «Строки мужества и боли», «Время Донбасса», «Выбор Донбасса». Автор книги для детей «Необыкновенные приключения Чемоданте, Чи-Беретты и Пончика» (издательство «ДЕТГИЗ», Санкт-Петербург). Лауреат II Корнейчуковского фестиваля детской литературы (гран-при, 2014), Международной литературной премии имени С. Есенина «О Русь, взмахни крылами...» (2015) в номинации «Слово Победы», Международной литературной премии имени Павла Беспощадного «Донбасс никто не ставил на колени» (2016), Всероссийского литературного фестиваля фестивалей «ЛиФФт» (2017). Представляла Донбасс на чтениях Literaturwerkstatt в Берлине (2008), на Лейпцигской книжной ярмарке (2012) и на поэтическом фестивале в Берлине (2014 и 2016 гг.). Член Союза писателей ЛНР. Стихи переведены на немецкий, французский, испанский, английский, литовский и болгарский языки.

НОВОРОССИЯ ГРОЗ. НОВОРОССИЯ ГРЁЗ

Скрепно. Ватно. Сакрально

*Все герои реальны, все совпадения не случайны,
все права беззащитны*

13 июня 1905 года явилась Царица Небесная старцу Филиппу и сказала: «...И день сей явления моего граду Луганскому помни, и учи всех чтить его, о граде же сем скажу, что к концу мира наречётся он — Святоград Луганский.

И многие люди будут съезжаться сюда в преддверии этих грозных дней, сами не зная зачем».

*Житие старца-диакона Филиппа
Луганского*

Да, у нас строго придерживаются заповеди:
«Будь верен духу любви к родине».

Кобо Абэ. Женщина в песках

Работайте, братья!

Магомед Нурбагандов

ПРОЛОГ

Последний часовой стоит на страже родного града. И над ним проносится чёрная конница — чёртовы дети ада! Он падает наземь, успев понять, что позади пустота — Фата Морган — нет ни Святограда, ни Новороссии, а только дикое голое поле истории. Он умирает с вопросом: «Кому нужна была эта жертва, Господи?»

1. В огне и под огнём

* * *

Есть человек, за которым я бы поехала на край света, на самый край света, туда, где ветер и холод, безнадёга и безысходность, где небо, как чёрная пропасть, без дна, как жена декабриста, хотя в общем-то и не жена. И мне наградой было бы счастье быть рядом, пусть и не близко. Но ехать не надо. Вот он — край света, край мира, фронтир, где дышит война.

Ночью бреду по пустому городу, по абсолютно пустому городу. Давно комендантский час. И нет ни единого повода думать, что завтра будет. Есть только здесь и сейчас.

Все снайперы спят. И патрульные спят. И спят часовые. Ангел-хранитель за моею спиною расправил крылья, перебитые в трёх местах.

Сначала по пояс в ноябрьском тумане, потом с головой. В левой руке — фонарик. В правой — нож выкидной.

* * *

Вот и дом. В нём проживаем вдвоём: я и старик Петрович. Он кормит брошенных кошек, собак и прочих тварей живых, прибившихся к нашей стае, тех, кто остался в живых, тех, кто остался с нами.

Навстречу мне пёс наш по кличке Сепар, колечком хвост. Он боится обстрелов, а в остальном бесстрашная bestия, тёртый новоросс.

* * *

Окна крест-накрест скотчем. Окна — пустые глазницы. Дом излучает даже не одиночество, а уныние. Холодно. Ветер воет. И всё-таки есть в этом доме что-то такое, что заставляет меня возвращаться сюда снова и снова, затихать в его утробе, живую душою, делающей его существование осмысленным, необходимым, да и моё вместе с ним.

Взвалить бы его на спину и унести, как уносит улитка, со всеми пожитками, со старыми фотографиями и открытками, с детскими локонами и дипломами, книгами, письмами, записками, со всеми важными датами, впечатанными в альбомы, с родительскими портретами, дедушкиными наградами, с рисунками самыми первыми, сохранёнными мамой, с его очагом и памятью, — всем тем, что зовём мы домом, всем тем, что навсегда остаётся с нами...

Как-то в газетах писали укропы, что город наш подобно Содому с Гоморрой должен ответить за грехи его обитателей. Роль Бога они отводили украинской армии...

* * *

Выхожу на балкон, гляжу в сторону Камброда, до рези в глазах. Темно. Светомаскировка. Поэтому курить нельзя.

Кружка чёрного чая. Глоток обжигает гортань. Часа через два на линии горизонта — зрелище необычайное. А пока тишина.

И вот трассера разрывают небо, потрошат облака. Тому, кто здесь не был, кто не отличает фейерверк от обстрела, меня не понять.

Мы ли? По нам ли? Свист и гул. Можно было бы спрятаться в подвале, но я туда не бегу, я остаюсь на месте. А город молотят в фарш. Меня защищает нательный крестик и «Отче наш».

* * *

Сердце моё в огне, а голова под огнём. Я лежу на спине. Думаю о нём.

Он пахнет дымом. Чем-то близким и детским. Мы стали родными. Когда мы вместе, война отступает, становится лишь войнушкой, мальчиковой жестокой игрушкой. И только шрамы напоминают, что всё всерьёз, и серьёзнее не бывает. Новороссия гроз. Новороссия грёз. Видно, это судьба такая: сойтись нам под небом звёздным, на перекрёстке истории, продуваемом северным ветром, под огнём перекрёстным смертным.

Пусть нету на гугл-картах, пусть нету на яндекс-картах этой страны и адепты вражеской пропаганды твердят нам, что так и будет, что зря, мол, погибли люди, что всё напрасно, бессмысленный глупый подвиг, нас ждёт нищета и кризис, а он мне сказал: «Это долг мой». И записался в Призрак.

* * *

*По Донбассу бродит Призрак
От Счастья до Светличного.
Говорят, комбат мой красный,
Лишь бы не коричневый!*

* * *

Я засыпаю и думаю, если дом не накроют из градов, если я не умру во сне, если случайный снаряд не распустится

розой во мне, завтра наступит. Наступит... вроде бы. Новый день случится в любимом городе. И я натягиваю на голову одеяло.

Дом вздрогнул. Попадание. Где-то рядом.

2. Кони АТОкалипсиса

* * *

Мирной жизни не существует. Это иллюзия и обман. Кони АТОкалипсиса вытоптали Новосветловку, вытоптали Горловку, вытоптали Сутоган. Пронеслись по Донбассу, без жалости, оставляя кровавый след.

Сосед прятался в погребе, между банок с консервацией, прихватив на обед сухари и воду. Взял и лопату, на случай, если привалит. Арта отработала по городу. Дом цел, казалось, что миновало.

Сосед вышел покурить. Так его и не стало.

* * *

Жизнь конечна. Мы об этом знаем, конечно, но думаем, что пребудем вечно, и, когда приходит к нам в гости Смерть, не успеваем дверь запереть. А она уже смотрит в дверной проём и говорит: «Пойдём». И вдруг добавляет: «Шутка. Друг, я не за тобой». И в сердце ввинчиваются шурупами радость и боль.

*Ты ещё молод,
Ты ещё полон сил,
Но наступает опыт,
О котором ты не просил!
Всё меняется.
Меняется мир.
Меняется матрица,
В которой ты жил.
И день считается удачным,
Если он наступил.*

* * *

Раздобыть воды, раздобыть еды — вот и все мои на день труды. Нечего есть, и холод собачий. Я вытряхиваю последние деньги из заначки и выхожу на улицу чуть не плача. Я говорю себе, мы победим. Я говорю себе, потерпи. Я говорю себе, день считается удачным, если он наступил.

* * *

Ночью выпал снег: стало белым-бело. Но после артобстрела алые следы на нём. Артериальная кровь заполнила отпечаток человеческого тела и застыла льдом. Красное на белом. В горле ком. Ни выплакать, ни выстонать, ни забыть. И вдруг я понимаю, что привыкла к безжалостному лику войны, внушающему липкий страх и животный ужас. О, как я раньше боялась, но что-то, видно, внутри сломалось... Я мыслям своим улыбнулась. Я больше не буду пушечным мясом, а буду ядром, снарядом, маленьким жгучим адом, ответкой! Меня заждались, поди уж.

* * *

Однажды ты встаёшь на тропу войны, а она оказывается широченным проспектом! Братья и сёстры, дочери и сыны летят на скорости прямо в бессмертие. Жалят осколки, бьют по глазам, липнут бессмертники прямо к берцам, и не выдерживают тормоза. Главное, выдержало бы сердце.

Крепись, моё сердце, оденься в броню, я ни о чём не жалею, и уже ничего не боюсь.

3. Убивашка и лимонка

* * *

Нацбольский отряд имени Хлои Морец, актрисы из фильма «Пипец».

Пьяный Воля, доброволец, записывает видеообращение к укропам: «Ты хочешь славу героя, а получишь полный пипец!

Захлёбываясь собственной кровью, где-нибудь под Дебалей
подохнешь, мать не узнает, где тебя похоронят, в какой кана-
ве, оно тебе надо, малец?!»

* * *

Располага называлась бункер. В спальниках на полу здесь
спали разные люди, перед тем как уйти на войну.

Да здравствуют интербригады! Как при старике Хэме.
Во времена, когда Луганск звался Волошиловградом, была
такая пивная «У Хемингуэя». Недавно прямым попаданием
этот дом раздолбали, что и говорить, но я-то знаю: человека
можно уничтожить, но нельзя победить.

* * *

«Тотальная мобилизация», печатный орган Другой Рос-
сии, раньше звалась «Лимонкой» — мы на стол её постели-
ли. Картошка варёная, водка палёная, тушёнка, граната Ф-1.
Характерный натюрморт.

— Наливай. Не томи!

— Я не осилю.

— Пей!

— Ну, за Победу!

Закусили.

— Ещё налей!

И гром обстрелов был не страшен. И в наступившей тиши-
не фиалкокудрая смешная Убивашка подмигивала мне!

* * *

На трофейной машине с нацболами ночью мы мчимся к
Одину, везём ему морфин, живот ему разворотило пехотной
миной, но он остался жив.

Он просит:

— Док, дай две. Ну, Бога ради.

Тишина и запах крови в палате.

— Хочешь увидеть радугу? Нет. Терпи, друг, — и Док ему протягивает ампулу. Одну.

По пустым коридорам больницы бегом.

— Док, он выживет? Док... Ты почему молчишь?

— Конечно, малыш.

Я не плакала, просто знала, скоро примет его Вальгалла.

* * *

Док меня троллит: «Может, надо было бежать-спасаться? Стать временным переселенцем? Жить, наслаждаться где-нибудь возле моря?»

А я, указывая на сердце, твержу: не отпускает.

И он смеётся.

— Вместе мы — Гималаи! И достанем до Солнца! И нас не догонят, а если б догнали, мы бы им показали не английский фак, а наш русский кукиш.

Наливает стопку.

— Будешь?

— Будешь!

* * *

Мы мчимся всё время на красный, дорога пуста. Док пьян и весел, и я весела. Или, как водится, навеселе. В трофейной тачке, шайтан-арбе, наклейки с голыми бабами и Богородица на лобовом стекле.

*Храни же нас, Матерь Божия,
Трезвых и в пьяном бреду,
Грешников и безбожников,
Верящих лишь в мечту.
Храни же нас, Благодатная,
Прими нас под свой покров,
Безымянных солдат твоих,
Воюющих за любовь.*

*Храни же нас, Дева Пречистая,
Ибо обречены,
Маргиналы и экстремисты,
Джедаи вымышленной страны,
Выстраданной Новороссии,
Новороссии гроз и грёз!
Ведёт нас жемчужной поступью
Сын твой в венке из роз.*

* * *

Док говорит: между залпом града и ответкой можно сделать четыре затяжки (он любит красный «Бонд»). Четыре затяжки — всё что успеется, перед тем как по тебе долба-нёт, перед тем как тебя на четыре стороны с комьями земли. Док помнит, как у ротного zenки из черепной коробки выка-тились, незабудками зацвели.

Док говорит, что приехал сюда помирать, да нечаянно выжил. Те, у кого удача пожиже, здесь лежат в новых могилах братских, в наших степях донбасских, укрытые ковылями и разнотравьем Дикого поля, зимою — снегами по пояс.

Все мои сказки об этих героях.

Марина Бережнева

«Я родилась в Дебальцево Донецкой области, после школы уехала в Новосибирск, в 2004 году вернулась на Донбасс, где и проживала до 2019, работала в рекламе, на радио, в интернет-проектах. В 2014 году возглавила Министерство информации и связи ДНР, затем возглавляла пресс-службу Верховного Суда ДНР. В 2015 году стала членом Союза писателей ДНР. Сейчас живу в Балабаново Калужской области, работаю завучем в школе».

БАБУШКА-УКРАИНА

Помнишь, как ты ездил к бабушке на Украину? Из большого шумного города — в маленький городок, над крышами которого шумели остроконечные верхушки серебристых тополей, а прямо во дворах многоэтажек на кудрявых невысоких деревцах зрели абрикосы. Их тугие зелёные *попки* за пару недель наливались медовой желтизной, и такой же медовой сладостью. Бабушка целыми днями хлопотала у плиты, где волшебным образом из груды овощей рождался густой и бордовый борщ, румянились налистнички с творогом, а то пыхтела с натугой здоровенная трёхэтажная алюминиевая соковарка, исторгая из своих глубин струйку горячего ещё ароматного сока.

Ты же целый день пропадал с пацанами то во дворе, где у самодельных футбольных ворот кипели настоящие сражения за побитый жизнью красно-синий, совсем не футбольный мяч. Но это было неважно, потому, что тогда совсем не важны были ни бренд футбольного мяча, ни наличие треугольничка с логотипом известной спортивной фирмы на твоей футболке — его с успехом заменял улыбающийся олимпийский мишка, которым ты гордился так, словно ты сам и был этим весёлым мохнатым олимпийцем.

А ещё совсем неподалёку была речка. И в самую жару вы со всей ватагой дворовых пацанов спасались в ней, ползая на пузе возле самого бережка, или ныряя там, где вода доставала аж до макушки.

Вы соревновались, кто больше соберёт камешков со дна, и ты однажды получил свою минуту славы, достав в горсти вместе с илом и обточенным водой бутылочным стёклышком, здоровенный, царский еще медный пятак, покрытый зелёной патиной.

И девочка из соседнего подъезда тогда посмотрела на тебя так, что ты не раздумывая вручил ей свою находку, гордый ещё и своим великодушием.

А вечером с бабушкой вы читали книжки. Ещё утром, по дороге за хлебом и молоком, вы заходили в книжный магазин, где пахло совсем не как в хлебном, но тоже так вкусно и немного тревожно, тебе казалось, что это запах приключений и удивительных историй, там вы покупали книгу. У бабушки в магазине был «блат», как говорили взрослые — там работала её школьная подруга. поэтому для тебя специально оставляли «Остров сокровищ» или «Денискины рассказы». И вечером вы с наслаждением читали с ней по очереди главу или рассказ. Кстати, некоторые из этих книг были на украинском, но это не мешало тебе следить за приключениями их героев и так же ждать развязки. Потому, что в вашей дворовой компании было без разницы — на русском или украинском говорить. Каждый понимал каждого — сказанное на том языке, на каком ему было удобно. И за пару дней ты переставал прислушиваться к тому, на каком языке говорят Мишка и Оксанка, Сергуня и Тарас.

Иногда тебе бабушка разрешала залезть в глубину тяжеленного тёмного дерева комода и достать шкатулку с лаковыми розами на крышке. Там, на бордовом бархате, лежали ордена и медали твоего деда. Ты осторожно трогал их металлические тяжёлые кругляши с гербами, танками, про-

филем какого-то мужчины, про которого бабушка сказала: это Сталин. Ты однажды даже осмелился примерить орден перед зеркалом, пока никто не видел — тебе казалось, что за такое непременно заругают, но примерить очень хотелось. А потом ты уехал. И однажды зимой пришла телеграмма, и мама плакала, а папа побежал покупать билеты. К бабушке, на Украину. Но вот тебя не взяли, оставили дома, «на хозяйстве». А вернувшись, мама сказала, что бабушки больше нет. Вы больше не ездили в тот маленький городок, где во дворах растут абрикосы. Не к кому стало ездить.

Когда мы потеряли тебя, бабушка-Украина? Когда ты умерла? Когда из любимой, доброй и хлебосольной бабули, мамки, весёлой сестрёнки, ты превратилась в накачанное иностранным оружием и идеями нацизма чудовище, пожирающее своих детей и внуков? Как мы допустили это? Как ты сама допустила такое с собой сделать? И как нам жить дальше, ведь мы знали тебя раньше, и любили... Потому что как не любить родного тебе человека, родную тебе землю? Что же делать нам с тобой, родная?

ОТЧИЙ ДОМ

Она подняла на меня глаза — усталая немолодая женщина, весь день проводящая в кресле перед монитором среди бумажных гор бухгалтерской отчётности.

Спросила:

— Куда вы теперь?

— В Москву.

— Скажите, — начала она со знакомой уже мне интонацией, и я внутренне напряглась, ожидая тысячи раз заданного мне, счастливой обладательнице российского паспорта, которая в любой момент может благополучно пересечь «ленточ-

ку», продолжив житьё там, в мирной России, — скажите, как вы думаете, Россия нас не бросит?

— Нет, конечно! — собрав всё самообладание и твёрдость, уверила женщину я. Ну и себя, по возможности.

В который раз я это произносила, каждый раз набирая уверенности, как воды из колодца, чтобы выплеснуть эту фразу на собеседника, жаждущего именно её — «нет, конечно!», сказанную уверенно и значительно. Значительно просто потому, что она была произнесена человеком с российским паспортом, пусть даже не облечённым ни властью, ни полномочиями, но здесь, каждый с таким паспортом воспринимался посланцем «большой земли», носителем сакрального знания.

Я каждый раз, говоря это «конечно!», чувствовала себя шаманящей, ворожащей, пытающейся, поймав за хвостик этой фразы вероятность долгожданного события, притянуть его сюда, в эту реальность, чтобы просветлели смертельно усталые глаза этой женщины, поднятые на меня от монитора с отчётами, глаза, ставшие в эту минуту воплощением всех, вопрошавших меня: «не бросит?».

Услышав мой обнадеживающий ответ, она с некоторой завистью сказала:

— Знаете, я вот тоже хотела бы в Москву. Только никак — у меня мама... Ей за семьдесят уже, и она ходит плохо совсем. Её в пятнадцатом ранили сильно. В ногу.

Она помолчала, вспоминая.

— У нас дача была. Под Ясиноватой. Мы когда дачу купили, до войны ещё — так радовались! Фрукты свои, и на воздухе... Мама с папой там любили возиться, ну вы понимаете... Лучше б мы её продали, эту дачу!.. — вдруг с горечью вырвалось у неё.

— Понимаю, — кивнула я, чтобы поддержать разговор.

— Я ж ей говорила — не надо туда ездить, бог с ней, дачей, посиди дома! Но разве удержишь? — продолжила женщина всё с той же горечью.

— Мина? Осколок? — понимающе спросила я.

Что ещё могло быть летом пятнадцатого под Ясиноватой? Сколько этих «дачных» историй по Донбассу... Растяжки, миномётные обстрелы, осколочных ранений было — не перечсть.

— Нет, пуля. Понимаете, пуля! Доктор сказал, какая-то особая: входное отверстие сантиметра два, выходное — восемь! Скорее всего, сказали, снайпер бил, — женщина внешне выглядела спокойно, но было видно, как мучает её что-то, неодолимо мучает.

— Понимаете, — продолжила она с той же отстранённой интонацией — мама у меня такая... женственная, хоть и в годах. С мужчиной её никак не спутать, она и штанов-то никогда не носит, и в тот день в платье с длинной такой юбкой была, и в платочке белом. Ну никак её за солдата и даже вообще за мужчину принять нельзя, понимаете? — и она посмотрела на меня, словно пытаясь найти хоть какое-то логическое объяснение тому, что старушка в платье и белом платочке,ковыряющаяся на дачном участке, оказывается мишенью снайпера.

Честно говоря, ни понимания, ни логического объяснения у меня произошедшему не было. Я не понимала, как можно целиться в старушку в платочке, поливающую огурцы на дачном участке, как можно нажать на спуск, и затем рассматривать в оптический прицел (говорят, хорошо видно, очень хорошо), как эта старушка истекает кровью.

— Её сосед спас, — помолчав, продолжила женщина. На соседнем участке возился, услышал и прибежал, перетянул ногу и отвёз в больницу. Доктор сказал — чудом успели. Ну и она у меня молодец, с характером. После операции ей очень долго лежать пришлось — доктор объяснял, что пуля в кость попала и не простой перелом получился, а кость от удара пули вдоль ещё треснула, до самого верха. Но она встала. Потом мне сказала, что очень мне помочь хотела — она у меня крупная, носить её мне не по силам было, вот и хотела мне помочь. Сначала нам такую штуку на ножках подарили — она

на одной ноге прыгала, её переставляла, и так передвигалась, а потом уже с палочкой начала ходить. Но всё равно надолго оставаться одна не может. Так что, какая тут Москва...

...А на даче мы больше не были. Соседи сказали, что она после одного из обстрелов сгорела, так что и смысла уже туда ехать нет... Вот у меня и не стало отчего дома: это я после папиной смерти так дачу называла, папа там много всего сделал, любил её очень...

— С...ки, — неинтеллигентно высказалась я, а женщина согласно кивнула.

— Знаете, — сказала она, — мама так ни копейки за все эти годы не получила пенсионных с Украины: после всего этого она туда точно не поедет, а я и подавно, в общем, невыездные полностью мы с ней.

За окном опускались ранние декабрьские сумерки. В свете ламп на стене кабинета яркими красками сияли плакаты, выпущенные ко второй годовщине Республики, случившейся два года тому. Плакаты ничуть не выцвели и радовали взгляд яркими красками и бодрыми лозунгами. Женщина помолчала, а потом снова спросила то, что я уже слышала тысячи раз, и на что у меня уже давно не было никакого ответа:

— Как вы думаете, это когда-то закончится?

Донецк, 2018 г.

Галина Чудинова

Галина Чудинова — прозаик, литературовед, публицист. Автор нескольких книг. Кавалер ордена Достоевского III степени (2013). Член Пермской краевой общественной организации СП России с 2015 года. Прихожанка пермского староверческого храма во имя Святителя Стефана Пермского. Живёт в посёлке Юго-Камский Пермского края. Публиковалась в журналах: «Берега», «Литературная Пермь», «Сибирский старообрядецъ» (Новосибирск), «День и ночь» (Красноярск), «Всерусский Собор» (Санкт-Петербург), «Крылья» (Луганск).

ДЕНЬ ПЕНСИИ

Рассказ

День получения пенсии давно уже стал главным событием в жизни семидесятисемилетней Натальи Павловны. Она готовилась к этому с утра, хозяйским взглядом окидывала квартиру, тяжело опираясь на палку, обходила её, кое-что прибирала по мелочам, стремясь сделать более чем скромное своё жильё уютней. Устав, присаживалась отдохнуть.

— Ск-ррр — скрипел под ней старый диван.

— Уу-ффф — шелестели с выдавшего виды серванта мягкие игрушки, что приносила её порой младшая невестка, желая развлечь свекровь искусно сработанными поделками.

Завершив обход, Наталья Павловна надевала самое нарядное своё платье. Что из того, что было оно изрядно поношенным? Зато содержалось в чистоте, а про новые наряды она давным-давно забыла. Ставила на кухонную плиту чайник, собирала на стол нехитрое угощение.

И вот в привычное время — долгожданный звонок в дверь.

— Не спеши, Павловна! Небось, не молоденькая, — раздавался знакомый голос почтальона Степана Аркадьевича,

бывшего военнослужащего, взявшегося после ранения и контузии за эту важную работу.

Почтальон проходил на кухню, привычными, чёткими движениями вынимал из сумки ведомость, из потаённого кармашка доставал несколько заветных купюр.

— Проверяй, Павловна!

— А что тут проверять? Всё те же две тыщи девятьсот! Садись, попей чайку!

— Некогда мне чай гонять! Всех вас, пенсионеров, поскорей обойти надо! Небось, ждут не дождутся этих грошей! Прощевай покудова, будь здорова!

Наталья Павловна медленно садится, отодвигая в сторону чайную чашку и тарелку с домашним тортиком из манной крупы. Пересчитывает тощие дензнаки. Тысячу сразу откладывает в особое место: это святое — квартплата. Печально смотрит на оставшиеся деньги — их должно хватить на месячное питание. Открывает опустевший холодильник, прикидывая, что закупить в первую очередь. Пару десятков яиц? Куриные крылышки на суп? Бутылку подсолнечного масла? О сливочном масле, сырах, колбасах да прочих деликатесах она давно уже думать перестала.

Мысли уносят её в счастливое прошлое, в те времена, когда работала она мастером асфальтного участка на станкостроительном заводе. Строга была, требовательна к рабочим, но справедлива. Добрая половина асфальта в Луганске выложена под её контролем. Укладка сделана так добросовестно, что сохранилась до сей поры. Разве что во времена бомбёжки и обстрелов города асфальтовое покрытие кое-где сильно пострадало, да позже дыры залатали. А муж её работал рабочим на том же заводе: бросали его на самые ответственные участки, обычно туда, где горел месячный план. От частых перегрузок однажды подвело у него сердце: так и умер по пути на работу. Долго ещё трудилась Наталья Павловна в ставшем родным коллективе, где все знали и ценили её, да настала пора

выхода на пенсию. Хотя жизнь была не из легких, но всё же подняла двух сыновей, женила их, обзавелась внуками. Один до сих пор воюет в ополчении, ныне — народной милиции.

Настало время обеда. Наталья Павловна, искусная кули-нарка, извлекла из недр холодильника остатки дешёвого фар-ша, кусочки хлеба, головку лука и принялась из ничего делать подобие котлет. Скоро должна появиться младшая невестка Елена, она заплатит за квартиру, купит продукты в ближай-шем магазине, вынесет мусор да порадует свекровь парой забавных игрушек — своим рукоделием в детском саду.

Движения Натальи Павловны осторожны, отчасти бояз-ливы.. Давно ли, в феврале нынешнего года, споткнулась она на закатившемся половичке да так расшиблась при падении, что на коленках еле доползла до двери. Стучала до тех пор, пока не услышал сосед. Он-то и отпер дверь загодя данным ему ключом, донёс старую женщину до дивана, уложил её, позвонил невестке. Счастье, что всё обошлось без переломов, отделалась синяками да сильными ушибами.

Ох, уж эта входная дверь! Она, дверь, помнила, как страш-ным летом две тысячи четырнадцатого года хозяйка каждую ночь спала возле неё на тюфяке под порогом. То было самое безопасное место. А от бомбёжки во многих домах вылетали оконные рамы и стёкла.

А вот и Елена. Зная про день пенсии, пришла не с пусты-ми руками, купила два десятка яиц да пару килограмм пер-ловки. Принесла любимый свекровью батон белого хлеба. Как-никак день получения пенсии — это праздник! Женщины садятся за стол, обедают, чем Бог послал, пьют чай.

— Что нового? — спрашивает Наталья Павловна.

Елене не хочется огорчать свекровь в этот день, говорить о новых бедах. О том, что украинскими диверсантами взорван мост под Красным Лучом. Выведена из строя одна из двух авто-мобильных трасс, соединяющих Луганск с Донецком, а рухнув-шие опоры моста повредили внизу железнодорожную линию.

— Всё хорошо, мама! Наши послали украм ответку под Горловкой, отогнали их от города!

— Надолго ли отогнали?

Звонок на мобильник. Наталью Павловну приветствует первая, старшая невестка, известная в городе журналистка и писательница. Спрашивает, как дела. Серафиме тоже нелегко: недавно похоронила мужа, теперь ухаживает за тяжело больной матерью. Работает дома, сидит за компьютером денно и ночью, а за статьи получает копеечную зарплату. Живут вдвоём с матерью на те же две тысячи девятьсот рублей. А кому теперь легко?

— Что нового, Сима?

— Всё хорошо, мама! Сходила в церковь, поставила свечи, помолилась за всех.

— Ну и слава Богу! Я никуда не выхожу, так есть у меня две дочери-помощницы!

Елена собралась уходить.

— Что купить, мама?

— Всё, как обычно. Макарон, гречки, манки, немного картошки да фарша. Пачку чая. На первых порах хватит.

Проводив невестку, Наталья Павловна ложится на диван, включает телевизор, смотрит весёлую кинокомедию. Ей кажется, что кошмар войны закончился и наступил долгожданный мир.

Юрий Ковальчук

(1983–2021)

Журналист. Участник ополчения города Краматорска. Военный корреспондент.

Родился и проживал в городе Новая Каховка Херсонской области. В связи с событиями 2014 года одним из первых приехал на Донбасс и вступил в ополчение ДНР. В 2017 году попал в плен и был осуждён на 5 лет за участие в боевых действиях на стороне ополчения. После обмена из украинского плена проживал в Краснодонском районе.

Автор сборника рассказов о событиях на Донбассе в 2014 году. Художественные произведения печатались в сборниках: «Время Донбасса», «Донбасс-Петербург», в журналах: «Александръ», «Северо-Муйские огни», в альманахе «Территория слова», международном альманахе «Глаголь». Публицистические статьи вошли в сборник «Россия и Сербия на поворотах истории» (Москва, 2019), «Записки Балканиста» (2019–2021).

Лауреат литературной премии Партии «Справедливая Россия» в номинации «Молодая проза России» (2019), победитель (посмертно) литературной премии Партии «Справедливая Россия» в номинации «Молодая публицистика России» (2021).

ХЛЕБ

Понимание происходящего пришло ко мне быстро — буквально на третью ночь, проведённую на блокпосте на дружковском направлении, рядом с греко-католической часовенкой, напоминающей обычный сарай, стены которой помимо примитивных фресок «украсили» недавно из орудия БТР украинские солдаты, базирующиеся на аэродроме.

Сам блокпост представлял собой сложенный из бетонных блоков небольшой лабиринт, в центре которого, как

останки насекомых в середине паутины, лежали автомобильные покрышки, и стояло несколько десятков коктейлей Молотова. В случае опасности мы должны были поджечь покрышки, чтобы скрыть своё отступление, забросать врага «зажигалками» и бежать в частный сектор. Идея была так себе, но лучшего плана ни у кого не было — спасибо, в штабе хотя бы позаботились о том, чтобы люди с блокпоста имели возможность уйти.

В ту ночь у наших командиров что-то подгорело, и они забрали пятерых бойцов на другой блокпост, находившийся со стороны Славянска. Впоследствии выяснилось, что они постоянно ждали откуда-то прорыв и бессмысленно швыряли из стороны в сторону немногочисленные силы, как капризный ребёнок поступает с надоевшей игрушкой. Однако в ту ночь это всё было для меня впервые, поэтому в желудке свернулось что-то тяжёлое, а пальцы нервно бегали по карабину, щёлкая штыком, проверяя и перепроверя затвор, и так до бесконечности.

Нас осталось всего трое. Из оружия — два карабина СКС и один «Калаш». Единственную нашу ненаглядную муху тоже забрали, так что вздумай в ту ночь украинцы с аэродрома опять приехать, чтобы пострелять по блокпосту, ответить было бы нечем. Разве что коктейлями. Мы были одни, и мы были обречены, как глиняные уточки в тире.

На всякий случай я проявил инициативу и отправил домой паренька из местных, постоянно приносившего нам когда термос с чаем, когда какую-то домашнюю снедь. С трудом удалось отбиться от «Стратега» — очевидно, блаженного старичка, подвизавшегося в штабе, который не пойми зачем прибыл на блокпост и около часа доставал нас то утешая и требуя, чтобы мы крепились, то впадая в панику и требуя, чтобы мы шли стучаться в окна засыпающих домов и спрашивали, нет ли среди местных жителей охотников, которые могли бы усилить блокпост...

Долгие весенние сумерки угасли, на небе высыпали блеклые точки звёзд. Наш третий товарищ ушёл куда-то в высокую траву и заснул мертвецким сном. А может, просто занял таким образом наиболее безопасную позицию — кто знает и кто стал бы его за это винить? Мы с Гусаром привычными уже процедурами тормозили грузовики и фургоны, заглядывали внутрь кузовов, если те не были опечатаны. Накануне было несколько эпизодов, во время которых боевики-националисты приезжали на место бойни в фургонах «Приватбанк», так что мы теперь старались осматривать любой грузовой транспорт.

Первые несколько часов мы делали своё дело задорно и, как пишут в милицейских протоколах, инициативно, но вскоре поток машин иссяк, и мы остались один на один со своими страхами и сомнениями. И майской ночью вокруг нас.

Я раньше был любителем работать допоздна или же лечь спать пораньше, чтобы проснуться работать в три утра. Началось всё с того, что в 9 классе я стал слушать полночный «Маяк» и другие радиоканалы, в том числе англоязычные, потому что около полуночи там крутили много тяжёлой музыки. Потом привык смотреть полуночный кинозал: раньше на ТВ ночью показывали не только эротику, но и всяческий архаизм и классику кино, которые просто нереально было поглядеть в прайм-тайм. Потом, когда я стал старше, привык работать по ночам во время дедайнов или шляться и бражничать со своими безумными друзьями.

В общем, ночь для меня в то время была привычной средой обитания, но конкретно в тот момент я себя чувствовал как-то неудобно. Мы были одни с Гусаром (не считая крепко спящего или просто слившегося в высокой траве тела), и нас в любой момент могли убить. Война тогда только начиналась; напомним, что это было моё третье дежурство, так что я немного психовал. Гусар тоже всё понимал и явно не испыты-

вал оргазма при мысли о своей ответственной миссии красиво умереть за то, что кому-то в штабе показалось, что на этот раз мифический «прорыв» будет с другой стороны Краматорска. Откровенно говоря, мне было очень страшно. Притом не столько от перспективы боестолкновения, сколько от осознания, что наши жизни в руках не слишком умных и не слишком честных командиров.

О! Сколько раз потом они шутили, играючи, нашими жизнями! Сколько человек погубили зазря! Сколько обрекли на застенки украинских спецслужб, позабыв, в панике, во время стрелкового бегства документы со списками желающих вступить в ополчение! Впрочем, не о том сейчас речь.

На этот раз всё шло достаточно гладко — поток машин практически сошёл на нет. Сигарет было вдосталь. Патронов хватало на то, чтобы героически умереть. В целом, всё было более или менее в рамках приличий. И всё-таки мы нервничали. За спиной было кладбище, начинённое к тому времени растяжками и минами больше, чем постояльцами. Рядом был аэродром, на котором базировалось около 400 укропов с бронетехникой и прочими средствами уничтожения нас, несчастных.

Мы с Гусаром крепились, оставшись вдвоём против этого всего дерьма. Курили сигарету за сигаретой. Жалели, что нет коньяку. Устав от психоза ржали, аки кони, вспоминая придурковатого «Стратега». В общем, развлекались, как могли. Пока хватало машин — рефлексировать было некогда. Но когда к трём утра шоссе полностью опустело, мы остались один на один со своими страхами. В тайне каждый из нас завидовал «Весёлому», который ещё с вечера залёг в «секрете» — периодически мы слышали его храп и понимали, что пока мы тут мучимся, человек смотрит девятый сон.

Когда машин вообще не стало, нам пришлось особенно худо. Полезли в голову дурные мысли, от которых мы спа-

сались смехом — безжалостно высмеивая всю ситуацию, её персонажей и себя. Впрочем, это шоу продлилось недолго. Только мы стали задрёмывать на вырванных из анонимного автомобиля сиденьях, как небо полыхнуло серо-голубым.

Это был Славянск. С нашего холма видно было все девятиэтажки и даже порой Карачун. Громыхало так, что картина реальности, бесцельно нажитая за десятилетия мирной жизни, плакала и текла, как свеча. Просто представлялось, что же творится там, где приземляется всё это железное дерьмо... Стоит сказать, что все эти глупые мысли были развеяны уже через месяц, 16 июня, когда Краматорск был обстрелян из «Акаций». Ну, а потом, в ДАП, Никишино, Шахтёрске, было совсем круто... Куда круче, чем всё. Что там было, в Славянске и Краматорске. При всём уважении.

Славянск отгрохотал, пугая нас видом разрывов (город был в низинке, так что мы почти всё видели), машины перестали ездить, и стало скучно. Под храп нашего «снайпера» мы с Гусаром, забавлялись, скучая о возможности обсудить то же самое в ближайшем кабаке.

- А ты представляешь, если танки?
- И «Стратег» бегаёт между ними в поисках охотников...
- Ссссука!

Долгий протяжный смех людей, которые поставили на кон свои жизни и вот-вот готовы заплатить по счетам.

- Вкури! А вдруг сейчас бэтэр!
- Мы в него выстрелим из АКМ!
- Мы его штыком СКС!
- Мы в него пукнем!

Опять гомерический хохот.

Угорали минут тридцать, то меньше, то больше. Тем временем зажглась заря, а в Славянске что-то такое творилось, будто огромное пьяное чудище стучало своей палицей по сонному городу. Дай-то Бог жизни каждому, кто спал в тех постелях.

Смеялись и глумились, подначивая себя, тем более, что опасность щекотала нервы. Закончилось, тем не менее, всё внезапно. Уже стали проезжать первые автомобили, поставляя провиант или что-то иное — дорога стала заполняться машинами, но мы, отыгрывая невроз, просто ржали и никого не останавливали. *Светало, хливкие шарьки...* Даже наш «снайпер» вылез из мокрой травы и уселся рядом, для начала стрельнув сигарету.

Небо только-только загоралось. Начинали щёлкать и чирикать первые птицы. Мы курили и обречённо ржали, обсуждая, как нас убьют, глядя на зарево в Славянске. По правилам нам бы стоило уже начать останавливать машины, но вдохновения как-то не было — мы просто продолжали хохотать. Полулежали с Гусаром на автомобильных сидениях у дороги, покатываясь со смеху. Вспоминая придурковатого «стратега» и вообще весь штаб, и всю дурацкую ситуацию, и себя, чуть ли не за упокой.

Стало светать — почти видно окружающее. Наш дурноватый хохот прекратил хлебовоз. Мужик (пусть Боги дадут ему и его семье здоровья) остановился у импровизированного знака «стоп» и некоторое время наслаждался зрелищем двух вооружённых смехом и ружьями идиотов. Потом вышел и некоторое время сочувствующе молча курил рядом. Потом, когда мы устали ржать, с участием спросил:

— Устали?

Мы переглянулись с Гусаром и почти хором ответили:

— Устали, батюшка.

— Кузов проверять будете?

— Едь с Богом! Вези людям свежий хлеб!

Водитель покрутился на месте. Подумал, бросил окуроч, плюнул. Ушёл за машину, дважды лязгнув замком. Вернулся с двумя булками горячего белого.

— Поешьте, пацаны. Тут не сахар, понимаю...

Мы с радостью взяли в руки это единственно разумное и здоровое, что возвращало нас в мир нормальных людей, которые не боятся по ночам вражеских БТР. Мы рассыпались в благодарностях. Даже косноязычный Гусар благодарил. И до сих пор я благодарю. В то утро я увидел хорошее от людей. А это же большая редкость. Спасибо тебе, утренний хлебовоз. Хлеб был особый, волшебный.

Хлеб — это архетип. Хлеб — это святое. Хлеб, как вода, связывает нас с местом рождения. Я помню свой первый хлеб и даже сегодня, когда я далеко, помню воды родного места. Хлеб — важное в нашей жизни. Тот хлеб, что я ел утром в середине мая 2014 года, неподалёку от Славянска, стал для меня особенным.

Вопрос не в том, каким он был на вкус. А был он горячим, свежим и душистым, без всякой химии и, явно, только что из печи. Он согрел лучше крепкого алкоголя и напитал круче тушёнки. Мне было очень приятно, что хлебовоз одарил нас. Я бы подарил ему что-то, но ничего не было у меня — ехать воевать налегке.

Хлебовоз уехал, машин становилось всё больше, рядом полыхал Славянск. А мы жрали, давясь, горячий хлеб. И каждый понимал, что это, вероятно, в последний раз. Хотя некоторые из нас прожили гораздо дольше. Но никто всё ещё не дожил до конца.

5:38

10.11.2021

НЕБРАТЬЯ

(Основано на реальных событиях)

Действие 1

С. Ивановка, Херсонская область.

Украина. Зима, 2014 год.

От давно не беленой печки веет сонным теплом. За толстой заслонкой низко гудит уголь — дрова в степи дорогое удовольствие. Смотреть на печь ещё приятнее, когда в оконные стёкла с разлёту бьётся степной ветер, несущий в нечёсаной гриве крошки редкого снега. Неуютно за окном, морозно...

В комнате тихо бубнит телевизор. На экране люди в касках деловито стаскивают в кучу автомобильные покрышки. За столом сидят братья Руслан и Николай. Они пьют «казёнку», закусывая жареной картошкой и соленьями. Николай разливает остатки водки в пузатые рюмки; с сожалением смотрит на пустую бутылку и ставит её под стол.

— Ещё что ли сходить? Только топать мне неохота. Может, сгоняешь?

Руслан хищно впивается в консервированный помидор. Затем скептически смотрит в сторону окна — ему явно не хочется выбираться на улицу.

— Да ну его к монахам! От «казёнки» завтра будет башка болеть, а мне на работу надо... Это же ты теперь у нас революционер — на митингах зарабатываешь.

Николай выпивает и обиженно крикает.

— Ну, как пить за мои, революционные, так ты не против. Я тебе говорю: поехал бы на этот раз со мной, тоже нормально заработал бы. Саня вон с нами на следующей неделе тоже в Киев собрался. Ехал бы с нами — чего ты там в своей бригаде зарабатываешь? А тут, в столице побываешь, денег зарабатываешь. Ну и вообще — история...

Руслан неодобрительно качает головой.

— Смотри, чтобы тебе задницу не отстрелили с твоей этой историей. Денег потом на лечение где искать? Вот двинет Янэк ментов, что будете делать?

Николай пренебрежительно отмахивается.

— А ни хрена он уже не сделает. С нами Америка, Европа. Не дадут ему прыгнуть. Вот посмотришь, будет он скоро вместе со своими поделщиками в колонии сидеть, там, где Юлька была. А может, и Юльку ему отправим, чтобы не скучно было. Увидишь...

В комнату вошла престарелая мать Руслана и Николая. Старушка с неодобрением посмотрела на пустую бутылку под столом, затем на раскрасневшиеся лица сыновей.

— С ума вы посходили со своим Киевом, — прервала она Николая. — Куда ни плюнь, везде цапаются, все спорят. В магазине очередь не выстоишь, чтобы все не переругались. А я бы их всех, сволочей этих из Рады, в тюрьму бы отправила. Сталина на них нет! Чтоб они все сдохли! И те, и другие. Такое устроили! Хоть бы войны не было.

Руслан захохотал. Николай тоже примирительно заулыбался и, поймав мать за рукав халата, притянул ближе и обнял.

— Ну, разбушевалась не на шутку! Ладно тебе! Скажи лучше, у нас самогона не осталось? А то за «казёнкой» идти неохота, да и голова от неё потом трещит.

Мать в шутку замахнулась на него полотенцем.

— Нету. Весь выпили. Себе на растирку немного оставила; спрятала, чтобы не добрались...

— Ну, дай выпить, мать! А я тебе завтра тебе в аптеке хорошую растирку куплю, — пытался уговорить её Николай.

— В какой там аптеке! У нас ФАП закрыли ещё месяц назад. В район что ли поедешь? Не получите ничего. Дуйте в магазин или к соседу, — стала отбиваться от него старушка.

Братья неохотно начали собираться.

За окном прерывисто дышал ветер.

Действие 2

Где-то в степи под Мариуполем. Лето 2016 года.

Вокруг бескрайняя степь, воедино сливающаяся с небом и морем. Пьяняще пахнет разноцветие трав, уже практически высохших под неумолимым степным солнцем. В тени одинокого деревца расположен наблюдательный пункт — небольшой окоп и блиндаж. В окопе Руслан и Чех. Руслан сидит, прислонившись к земляной стенке окопа, и бездумно перебирает патроны в цинке. Чех сосредоточенно смотрит в сторону находящейся в отдалении рощи маслин. Там в последнее время была замечена активность врага, постоянно пытающегося занять нейтрально зону.

Жаркое солнце и хроническая бессонница иссушили сознание Руслана. Продолжительное бездействие как будто заключило его мозг в наполненный ватой футляр, в котором он находится постоянно, что бы ни делало его тело. Он постоянно спит на ходу.

Взяв из-под ног комок глины, он кидает его в Чеха. Тот, не отрываясь от бинокля, спрашивает:

— Чего?

— Хоть бы уже полезли, что ли. Сидеть в окопе — это ещё ладно — к условиям, к постоянной тушёнке и паштету быстро привыкаешь. Учишься как-то следить за собой, справляться с трудностями. Мне это даже интересно. Чувствуешь себя, как Робинзон Крузо. А вот к такой фигне, когда ничего не происходит, привыкнуть не могу. От безделья голова плавится — мысли всякие, как мухи. Жалят, а я ничего сделать не могу. Лучше бы лопату и копать до одури. А ещё лучше, когда бой. Вообще ни о чём не думаешь — некогда. Просто растворяюсь. Не то, что про мысли, про курево; даже про то, чтобы в туалет, и то забываешь. А вот так, как сейчас, можно с ума сойти. Хочется иногда самому к ним навстречу полезть, — лениво пробормотал Руслан.

Чех молча продолжает сканировать местность. Потом кладёт бинокль и садится рядом с Русланом:

— Ты знаешь, Русик, меня больше всего тоска по дому убивает. Вот хотелось бы хоть на денек домой приехать. Ведь всего 300 км! Иногда прямо кажется, что чувствую вкус нашей воды. Или вдруг ветер чем-то пахнёт, как дома совсем... По матери сильно скучаю, по отцу...

— Я своей не сказал, что воевать еду. Наврал, что на заработки собрался. Как она меня собирала в дорогу, как чувствовала. Сейчас, конечно, уже знает. Брат ей сказал. А в 15-м сам мобилизовался в ВСУ. Поехал в нас стрелять. Мать рассказывала, как его провожали. Районный голова им речь толкнул, школьницы танцевали... Потом понажирались все. Звонил мне один раз ещё со сборного пункта. Минуту булькал что-то про «сепаров», но слишком бухой был. Больше не звонил, — с тоской сказал Руслан.

Он встал, взял бинокль и начал вглядываться в степь.

Чех отпил из фляги воды, прополоскал пересохший рот и сплюнул в сторону.

— По крайней мере, он тебе не звонил, как мой, и не обещал зарезать. Я иногда представляю: вот мы где-то в окопе друг против друга с автоматами. И что дальше, убить его? Это страшно.

Руслан тяжело вздохнул:

— Да, сколько семей разрушила эта война, сколько тысяч жизней искалечила. Тысяч? Десятков, если не сотен. И всё им мало. Политики, *журналихи* всякие, *звезды* постоянно, как у нас хорошо. Как скоро мы возьмёмся за руки и дружно пойдём на Киев. Я ещё с Мариуполя жду, потом в Славянске ждал, когда же мы уже вперёд двинем. Вместо этого третий год тут, под Мариуполем топчемся. Смешно сказать — до дому двести километров, а до луны мне, наверное, ближе.

Он зло сплёвывает.

— А хуже всего вот так, когда ни хрена не делаешь. Я уже заметил, люди начинают понемногу гнить, сходить с ума. Кто-то просто в себе замыкается, кто-то бухать начинает...

— Ну, это самое последнее дело. Сколько уже народу ни за что погибло. То на собственных минах подорвались, то самострел, то на позиции к укромкам забрели. Хотя вообще от бездействия тупеет человек. Забывает про осторожность, начинает из окопа высовываться; под снайперов лезет. Лучше, конечно, когда постреливают. Тогда постоянно в тонусе... Ладно, полезу в холодок, посплю немного. Разбуди меня через пару часиков, — согласился Чех. Он потянулся, зевнул и скрылся в блиндаже.

Вечерело. Руслан давно отложил бинокль. Разглядеть что-нибудь в сливающимся травяном море было уже невозможно. Тем не менее, он продолжал поглядывать в сторону отдалённой рощи маслин. То ли ему чудилось, то ли там действительно было какое-то движение.

Из блиндажа вылез заспанный Чех. Заняв позицию рядом с Русланом, закурил в кулак.

— Что-то будет сегодня. У меня в животе как будто змея свернулась.

— Это у тебя долбаный паштет колом встал. И вообще нефиг на закат спать. Мать всегда говорила, что это вредно, — отшутился Руслан.

Затем они замолкли надолго. Все тропы разговоров уже давно были исхожены по многу раз. Вскоре совсем стемнело. В травах надрывались сверчки. Печально вскрикивала где-то ночная птица.

Вдруг небо вспыхнуло осветительными ракетами. Через несколько секунд откуда-то спереди от Руслана стали взлетать огненные стрелы. Они пролетали над ним, и через несколько секунд далеко за его спиной раздавались звуки прилётов. Впереди раздался гул тяжёлых моторов, а вскоре показались очертания «коробочек». На них можно было различить силуэты вражеских солдат.

Чех открыл огонь из пулемёта. Руслан тщетно пытался докричаться в рацию, чтобы сообщить о попытке прорыва. Вдруг рядом с ним полыхнуло, и голову наполнил колокольный звон. В лицо ему швырнуло чем-то липким. Проваливаясь в беспамятство, он успел понять, что это его обдало кровью из разорванной шеи Чеха.

Действие 3

С. Ивановка, Херсонская область. Украина. зима, 2016 год.

Николай лежит на перине в родном доме и задумчиво рассматривает фотографию на стене, где изображены они с братом, мать и покойный отец. Он поседел и осунулся. Рядом с его кроватью стоит инвалидная коляска. Напротив кровати монотонно бубнит телевизор. На экране Порошенко одобрительно обходит ряды танков. В соседней комнате хлопочет состарившаяся и сгорбившаяся мать. Раздаётся стук во входную дверь. Мать идёт открывать. Вскоре в комнату входит сосед Птица.

— Здорово, герой!

Николай несколько секунд смотрит на него. Узнав, радостно заулыбался.

— Привет, Птица! Как ты поживаешь?

— Да, я-то чего? Живём — хлеб жуём, — Птица оскалбился. — Ты лучше рассказывай, когда тебе Петя медаль за героизм вручит?

Николай грустно улыбнулся.

— Да уж, нагеройствовал по самые помидоры. Осколком мины хребтину перебило — ниже груди ничего не чувствую. Три месяца по госпиталям таскали, чуть не помер там от боли. Потом в покое оставили. Говорят, на Украине такие операции не делают. Надо в Израиль; 100 тысяч баксов стоит. А где мне их взять? Вот, отправили домой. Помирать потихоньку. Пен-

сию выделили такую, что я бы с радостью Петю его медалями как утку яблоками начинил бы. Гады железные! Не знаю, как мы теперь с матерью проживём. У неё пенсия минимальная. У меня больше, так лекарств же столько нужно! Мать сдала — не дай Бог, слегет, помрём с ней оба.

Птица посерьёзнул.

— Там, говорят, районный голова хочет какой-то праздник для тебя устроить...

— Чтоб они неладны были! Опять школьников натащат, чтобы пели и плясали. Дадут мне грамоту и будут руку жать. Ну их, кобыле в трещину! Лучше бы угля привезли — мать мёрзнет постоянно, — с раздражением бросил Николай.

Птица не нашёлся, что сказать. Вместо этого он достал из внутреннего кармана куртки пластиковую бутылку с сивухой и одноразовый стаканчик. Наполнив его до краёв, поднес Николаю. Тот жадно выпил, шумно выдохнув, и откинулся на подушки. Птица тоже выпил; опасливо покосился на дверь в соседнюю комнату, где было слышно, как ходит мать Николая.

Несколько секунд он выжидал, потом повторил манёвр — налил Николаю, потом выпил сам.

— А что там брат твой, Руслан? Давно о нём ничего не слышно. Говорят, тоже воюет?

Николай помрачнел.

— Русик в плен попал под Мариуполем. Сейчас должен уже на зоне быть. Осудили его за сепаратизм-терроризм.

— И много навалили? — заинтересовался Птица.

— 11 лет дали.

— Ой, мама! — всплеснул руками Птица. — Ну, хорошо хоть, что живой. Глядишь, отсидит и выйдет или под амнистию попадёт.

— Может под обмен пленными попасть. Ладно, не хочу о нём. Давай по третьей, пока мать не наведалась. Да расскажешь мне, что у вас тут хорошего, нового, — погрустнел Николай.

Выпили снова, несколько секунд молчали, кривя лица.

— Колёк, что у нас тут может быть хорошего, сам подумай? Крым и Россию закрыли, дорожает всё. Люди беднеют — никто уже так ранние овощи не покупает. На фрукты и ягоду, на мясо спрос упал. Так, выращиваем понемногу, но в основном теплицы стоят пустые. Я две вообще разобрал. В прошлом году поле лука бросил — цены не было, решил и не собирать. Короче, жить как-то стало неудобно.

Птица разлил остатки сивухи. Затем спрятал бутылку и стаканчик в карман.

— Думаем, Колян, на следующий сезон вообще ничего не садить. Хотим с Алёнкой попробовать в Польшу поехать. Если с документами всё получится. А нет, так Санёк меня в Ялту на стройку зовёт. Он в этом году нормально летом заработал. Сидит сейчас ровно, отдыхает. В марте обратно собирается.

Лицо Николая пьянело на глазах. Он с шумом выдохнул:

— Да! Не за то мы на майдане стояли...

Птица жестом фокусника добыл из кармана ещё косушку сивухи и стакан. Опасливо покосился на дверь. Разлил.

— Да хоть бы, Коля, его вообще никогда не было. Погляди, что натворили, козлы сипатые!

— Я иногда думаю, я бы их всех порешил. В каждого по обойме всадить, может что-то в стране наладится, — мечтательно протянул Николай.

Птица в знак скептицизма махнул рукой.

— Да было бы из чего, я бы и местных порешил. Столько в области крови попили!

Николай пьяно ухмыльнулся.

— А ты под кровать залезь. Там чемодан, под одеждой погляди. Смотри только, аккуратней.

Птица неловко отставил стул в сторону и полез под кровать. Достав оттуда небольшой чемодан, открыл его. Приподняв верхний слой лежащей там одежды, он удивленно при-

свистнул. В чемодане лежал пистолет Макарова, несколько обойм к нему и три гранаты РГД-5.

— Вот это да, Колёк! Чего, оттуда привёз?

— Ещё бы! Побратимы подарили! — довольно хмыкнул Николай.

Птица рассмотрел оружие.

— Колюнъ, подари одну гранату?

Николай осоловело посмотрел на Птицу:

— Бери! А на что она тебе?

— Я честно не знаю, но надо! — задумчиво ответил Птица.

Вдруг слышались приближающиеся шаги матери Николая. Птица быстро бросил в карман одну из гранат куртки, захлопнул чемодан и затолкнул его под кровать. Когда мать заглянула в комнату, он уже снова сидел на стуле.

Через несколько часов Николай остался в комнате один. Он спал пьяным сном в полумраке. Мать негромко смотрела телевизор в соседней комнате. Внезапно неподалёку раздался взрыв, но Николай ничего не слышал. Его мать в тревоге выбежала из дома прямо в домашнем халате. По улице бежали люди. Слышались тревожные крики. Она подбежала к забору и попыталась что-то рассмотреть, но кроме неясной суеты ничего не было видно.

Из сумерек вынырнула соседка. Подойдя к матери Николая, она начала причитать:

— Ой, горе-то какое!...

— Что случилось? Где взрыв? — с волнением спросила женщина.

— У Птицы взорвалось! — ответила соседка. — Говорят, гранату притащил. Жене показывал, и — взорвались. Его сразу убило, Алёнку сильно посекло. Сейчас будут её в район везти — может, выживет...

Действие 4

За окнами темно; шуршит падающий снег. Очень тихо, лишь иногда вдалеке лают учуявшие волка собаки. Мать Николая и Руслана сидит в темноте, уставившись невидящим взглядом в телевизор. За стеной спит мертвецким сном Николай. На экране телевизора Порошенко награждает медалью безногого и безрукого украинского солдата. Мать вздрагивает и с отвращением выключает телевизор. Сидит, вперившись в темноту. По щекам катятся слёзы. Почти беззвучно она причитает.

— Господи, да что же это такое? Чем я нагрешила? За что это нам всем? Сыны мои, соколы! Давно ли вы оба сидели тут, в этой комнате? Давно ли вы были рядом со мной. Живые, здоровые, сильные? Как же теперь быть-то? Один в тюрьме до седых волос, второй калека. Как мне вам помочь, что я могу вам дать, я, старуха? Как защитить мне вас? Кто мне теперь вернёт вас? Похоронить меня даже некому! Боже-боже, за что мне такое несчастье?

Она начинает задыхаться; костлявой рукой мнёт себе грудь:

— Когда же этот ужас закончится? Сколько ещё нужно людского горя, чтобы всё это прекратилось? Сколько нужно, чтобы вы уже напились крови? Это они все виноваты. Сытые, довольные рожи. Будьте вы прокляты до седьмого колена. Ненавижу вас! Чтоб вы сдохли! Будьте прокляты! А с вами и мы, за то, что позволили сожрать наших детей. За то, что вас выбирали. За то, что позволяли вам всё. Что не научили детей, кто вы такие. Что всё время делали вид, что ничего не происходит и только жаловались. Нет, вас надо было убивать сразу. Пока вы ещё ничего не могли. А теперь, что мы можем теперь? Что я могу, несчастная старуха! Боже, детки мои, что же с вами будет...

Её грудь сжимает спазм. Рука дрожит, вцепившись в платье, а потом безвольно обвисает. На улице тихо шуршит снег. За стеной стонет во сне Николай.

— Чего встали? Вон, слышите, сколько их там звонит? Давайте собирать и домой быстрее. Мне ещё сегодня надо отцу дома помочь.

Мальчики молча разбрелись по могильнику, старательно прислушиваясь к жужжанию телефонов под землёй.

ПОЭЗИЯ

*Встреча с писателями.
Донецк, 2017 г.*

Андрей Шацков

Родился в 1952 году в Москве. Поэт. Автор четырнадцати поэтических книг. Член Союза писателей России и Международной ассоциации журналистов. Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского РПЦ и множества литературных премий. Главный редактор альманаха «День поэзии — XXI век». Лауреат премии Правительства Российской Федерации 2013 года в области культуры. Проживает в Москве и в Рүзе.

РЕСНОТА*

Под золотой обителью небес
одна тщета...
И голубь в аэр круто
Уходит.
А внизу — разор и смута,
И поднял в схватке пики — чёрный лес,

Как трудно скорбным разумом постичь
Горящие в огне — страны уделы.
И ядом смол отравленные стрелы,
И диких тварей полуночный клич!

Когда на мир спускается беда,
И словно волны — подступает горе,
Справляют шабаш ведьмы Лысогорья,
И цепенеют в страхе города.

Когда на Русь текли орда и лях,
И угрожал тевтон клеймёной сталью,

* Истина (древнерусск.)

И сеял дождь кровавою печалью,
Чтоб плесенью взошли грибницы плах —

Гремел набат! И трубный выси глас
Рёк истину в скрижалях прописную,
Что будет рядом с Богом — одесную
Тот, кто за други примет смертный час!

Земля моя! Приходит твой черёд!
Оставь врагу сомнения и страхи.
Тверды клинки и так белы рубахи.
И правое плечо «Марш-марш» вперёд!

ПОЛУНОЧНАЯ БАЛЛАДА

Качаются лапы прибрежных лесов,
По заводям прячется рыба.
На сердце — тоски полуночной засов.
Бессонницы смертная дыба.

Торопятся страхи, как мышцы на сыр,
Как княжьи клеветы на вече.
Как воронов вещие стаи на пир
Остывшей к полуночи сечи.

И жёлтые — светятся волчьи глаза.
Сверкают зелёные — рысьи.
Закатною кровью набухла слеза
Росы,
окольчужившей листья...

Над Северским знамя полощет Донцом
И чёрного солнца верига.

И в небо глядит побледневшим лицом
Бесстрашный и доблестный Игорь.

Затмение тенью легло на траву.
Слетаются тучами враны...
Но целит стрела, растянув тетиву,
В полночные ворога станы.

И топчутся кони, уздами звеня.
Великое кажется малым.
И с честью погибнуть за други своя
Не страшно ему под Каялом.

Не страшно... Осталась докука одна,
Которая горами движет:
Как встретит разлуку с мил-другом жена,
Кто «Слово» в Путивль ей напишет

И будет полуночный длиться правёж
Души,
До рассветного часа.
Покуда молочным туманом на рожь
Опружится месяца чаша.

И тиной затянутся Вия глаза
В бездонной трясине болота,
Когда прозвучат петухов голоса
И вспыхнет крестов позолота,

И степь заалее стеною щитов,
И двинутся русские рати.
И «Слово» про Игоря — главным из слов
Пребудет в Руси вековати!

ВОИНАМ РОССИИ

Вдоль речки дымится порез
Не сомкнутых льдов по стремнине.
Никак не кончается лес
На русской бескрайней равнине.

В галопе крещенской пурги,
Под платом рождественской ночи,
Таятся в чащобах враги,
Мерцают разбойные очи.

Каким мне ключом запереть
Границу от края до края?
Россия — вселенская твердь,
Отнюдь не преддверие рая.

Какой заповедной строкой,
Пришедшей на память молитвы,
Хоть на год продлить твой покой,
Чтоб силы достало для битвы!?

Но нет, не расходится мгла,
И рваные тучи теснятся.
На струганных досках стола
Харлуг и прадедовы святцы.

Застыли в углу образа
Небесным, летучим отрядом,
И сын поднимает глаза
И смотрит внимательным взглядом.

И дланью обнял рукоять
Расслышав отцовское слово:

«Рождённым в России — опять
Средь поля стоять Куликова!

И падать от стрел и от смут
За Правду, средь бранного дыма...
А павшие — утром придут,
Ведь мертвые сраму не имут!

Лишь просят включить в литию
Забывшего воина имя.
И места всё меньше в строю
Осталось,
меж нами и ними!»

НОЯБРЬ ZZ

Ноябрь... И белые мухи
Стучатся в ночное стекло.
И ветры вселенской порухи
Приносят заморское зло...

И звоны срываются роем
С вершин церковей на посад,
Где ротный застыл перед строем
С приказом: «Ни шагу назад!».

Такая случилась забота,
Такая случилась беда,
Что снова уходит пехота
В метели,
в туман,
в никуда...

Ещё не истлели останки
Германии чёрных солдат,
Но снова немецкие танки
В полях Украины горят!

И Дмитровской скорбной субботы
Синодик —

добавил листы.

Но смотрят в небесные своды
«Языц иноземных» кресты.

Так было всегда изначала,
Когда ополчалась страна,
И Невского клятва звучала,
Воздавшего кнехтам сполна.

И Сергия взор — васильково
Светился, сквозь толщу веков.
И поле цвело Куликово
Стеною червлёных щитов.

Там пращуры — гордые, в силе
Стояли доспехом звеня:
Во имя грядущей России,
Во славу победного дня!

01 ноября 20ZZ года

Алексей Полубота

Поэт, прозаик, публицист. Автор трёх поэтических сборников. Инициатор и вдохновитель Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина «Неизбывный вертоград», Международного поэтического конкурса имени Евгения Курдакова «Купина неопалимая», Международного поэтического конкурса имени Павла Беспощадного «Донбасс никто не ставил на колени». Автор цикла репортажей с мест военных действий в ДНР и ЛНР в 2014—2022 годах, режиссёр документального фильма «Зайцево. Храм на линии фронта», вошедшего в официальную программу 24-го Международного фестиваля православных фильмов «Радонеж». Организатор ряда литературно-гуманитарных акций в поддержку восставшего Донбасса. Награждён медалью «Михаил Шолохов» Союза писателей России.

ИЗ ЦИКЛА «НА ЖГУЧИХ ПОЛЯХ НОВОРОССИИ»

1

На жгучих полях Новороссии
Сошлись они в смертном бою.
Умылись кровавыми росами
За веру и правду свою.

Один — славянин ополеченный.
Другой — воин светлой Руси.
В краине усобьем охваченной
Пощады теперь не проси.

И вот, чёрной пулей прострелены,
Обнялись, как братья, они.
Как бесы над ними — пропеллеры
Рокочут и мечут огни.

Май 2014, Луганск

2**Песня ополченца**

Эта Горловка —
нож у горла мне,
Злая вязкая тишина.
Листьев шорохом,
дальним всполохом
будоражит мне кровь она.
Здесь от грохота
стены охали,
а на окнах здесь — всё кресты.
Но за окнами,
светлоокая,
верю, ждёшь меня верно — ты.
Нет, не умерло
в грозных сумерках
всё, что теплилось, как свеча...
Эта Горловка —
чаша горькая,
бьётся кровь в виски, горяча...

3

По минному полю славяне идут,
По минному полю.
Над ним провода, словно струны, поют
Про лучшую долю.

Повисли останки на тех проводах,
Повисли останки.
Кровавое солнце садится во прах
Под звуки «славянки».

4

Ольге

Отчего здесь такие горячие звёзды?!
 Даже могут насквозь твоё сердце прожечь.
 На студёных ветрах, вышибающих слёзы,
 здесь так трудно остатки надежды сберечь.

Этот сумрачный гул из-за тьмы терриконов,
 словно зыки разбуженных бесов войны.
 Но сильнее всё равно светлых глаз непреклонность
 среди разорванной в клочья ночной тишины.

5

О, сколько грохота и боли
 И недосказанной любви.
 В заснеженном донецком поле
 Её по имени зови.

Когда в тебя летят снаряды,
 Когда сжимают сердце льды,
 Когда друзья, скрывая взгляды,
 Молчат под тяжестью беды.

Когда нет сил уже от боли,
 И кажется - всё было зря.
 Когда горит над снежным полем
 Твоя последняя заря.

6

Ольге

Мы стояли над обрывом,
 а под ним плескалось море,
 и сушил горячий ветер
 наши губы и сердца.

Чтобы их смочить, мы пили
терпкий розовый напиток,
и смеялись наши губы,
и туманились глаза.

И казалось бесконечным
море жёлто-голубое,
и в сухих колючих травах
прятался от ветра зной.

И не верилось, что близко
в душном мареве ковыльном
в окровавленном окопе
кто-то жизнь кладёт за нас.

7

Война давно здесь стала горьким бытом.
Простым и страшным, как глаза собаки,
что потеряла навсегда хозяев,
но сторожит родное пепелище.

И как осколки, что хранят на память
родители счастливого ребёнка,
поскольку был он не убит, а ранен
вот этим раскуроченным железом.

Война вошла в подкорку поколенья,
младого племени, что ждало лучшей доли,
но раз уж так случилось, то любимых
ждут с фронта, как с рискованной работы.

Ночами жёны шепчут заклинанья:
«Война подохни, выживи, мой милый».

8

К шестилетию войны против Русского Донбасса

Холодны рубиновые звёзды,
Что мерцают в предрассветной мгле.
Где-то там, в дали кроваво-грозной
Вспоминают люди о Кремле.

Вспоминают в ледяных окопах
В дребезжащих окнами домах.
И растёт над Русским миром ропот:
«Царь торгует газом на костях».

Посреди зимы грохочут грозы,
Молнии разят людей в сердца...
Русский царь! Однажды станет поздно,
Есть предел страданиям без конца!

Русским людям на войне нечестной
Остаётся честно умирать.
И опять в степи глухой, безвестной
Сыновей своих хоронить Мать.

Но однажды, верим мы, — взовьётся
Над Россией Огнеликий стяг,
И в предсмертном вое содрогнётся
Нас терзавший беспощадный враг!

...Набухают свежей кровью стены,
Кремль встречает новую зарю.
А Василий щурится блаженно,
И пеняет хитрому царю.

9

Погибшим за Новороссию

На остывающие воды
Снежинки падают беззвучно.
И этот танец обречённый
Мне останавливает кровь.

Зачем они стремятся в бездну,
Чтоб белым в чёрном раствориться,
И даже гибелью бессильной
Усилить непроглядный мрак?!

Я вспоминаю лица юных,
В степи глухой безвестно павших...
И стали стылым чернозёмом
Их беззаветные сердца.

Но день придёт, и станет белым,
Что было чёрным безнадёжно.
И будет славой непорочной
Равнина снежная сиять.

10

Горячая, как сердце, степь Донбасса,
Где погибают лучшие из нас,
Который год мы ждём святого часа,
Когда признает Родина Донбасс!

Который год дрожат от страха стены,
Темны от горя лица матерей,
И кружит, словно ворон, дух измены
Над остовами чёрными церквей.

Донбасс! Земля исполненная боли,
В закате проступает лик Христа.
Мы повторяем: «Господи, доколе?!»
И вновь сжимаем скорбные уста.

ИЗ ЦИКЛА «ПОБЕДИТЬ БЕДУ»

1

Донецк в дыму, Донецк в беде,
Горят дома, деревья, души...
Небесной молимся Воде,
Чтоб страшный был пожар потушен.

Убита дочь, рыдает мать,
Грозят оторванные руки
Тем, кто так любит убивать
И наслаждаться видом муки...

Что ж, им гореть в земном аду,
А после им гореть — в Небесном!
А мы, — мы победим беду,
Вставая в строй бойцов безвестных.

2

Украинским карателям

Вновь Горловку накрыли «Грады».
Рванула в небе «Точка-У»...
Ну что ж, теперь держитесь, гады,
За Светлодарскую дугу!

За восемь долгих лет страданий
Мы поквитаемся сполна,
Карающей ракетной дланью
Вас в пепел превратит война!

3

Как над городом Мариуполем
Затерялась моя звезда...
Я не знаю, смешно ли, глупо ли
Было рваться сквозь смерть сюда.

Знаю — стены домов обугленных
В память врежутся навсегда
Будут судьбы людей погубленных
С фотографий шептать: «Беда».

Не исправить беды тушёнкою
Что тяну я, как скудный дар...
Жутко воет душа собачонкою
На сжигающий небо жар.

4**Тени**

Пахнет сыростью могильной
В мёртвой тишине.
Позвонить живым мобильник
Не поможет мне.

Что за сумрачные тени?
Может, тех бойцов,
Что не стали на колени,
Смерть переборов?

Что взлетели, словно птицы,
«Смерчам» вопреки.
Там теперь дымок струится
У седой реки.
Почему они приходят

В этот смутный час?
С ними звёзды хороводят
Высоко без нас.

И с небесных терриконов
Дарит им Христос,
Вечно в Родину влюблённым —
Мёд донецких роз.

Так чего они забыли,
Что пророчат мне?!
Их тела давно остыли,
Души — на войне.

Может быть, предупреждают —
Близок грозный час,
Где закаты остывают
В мёртвых стёклах глаз...

5

Лето клонилось к итогу.
Плыл над Россией закат.
Ветер шептал: «Видишь, к Богу
Светлые души летят?»

Много их, павших безвестно
В южных горячих степях,
Долг свой исполнивших честно, —
В воинских алых венцах.

Завтра воскреснет Россия,
Будет Небесная Рать
Пяди её вековые
От упырей защищать».

Елена Заславская**РУССКИЙ РЕНЕСАНС**

Посвящаю моему Ивану

Мы отходили. Медленно и больно.
И скорбный образ горловской мадонны
Над нами плыл.
И солнце чёрное позора
Вставало из-за горизонта —
Так отступали мы.

Людское горе высится, как горы,
Людское горе плещется, как море,
Но прорастает рядом трын-трава,
Но и она окрасится от крови,
Вон катится, как перекатипole,
Отбитая при взрыве голова!

Эх, Родина, уснут в твоей утробе
Смиранные, яко Христос во гробе,
Солдаты, погибавшие за нас.
Уходит старая эпоха. Умер Горби.
Так протруби же, урби-орби,
Что наступает русский ренессанс.

И не падоша
Ни русня, ни мокша,
Ни Третий Рим.
И эту правду, будто меч из ножен,
Мы вознесём, чтобы сразиться с ложью,
И победим!

Вставайте, братья! Собирайтесь в орды!
Орлы и орки, соколы и СОБРы!
Сегодня время выбирает нас!
Пусть труден будет этот путь, но торен.
Минувших дней бессмертные герои,
И наших дней бессмертные герои,
Вздывают в высь Нерукотворный Спас!

Марина Бережнева

* * *

Не сдай себя. Не сдай себя врагу.
Не покорись его речам слащавым.
Не говори себе — я не могу,
Я не сумею, я не... Переправы
Никак закончиться не могут, целый век
Переправляемся — то броды, то понтоны.
А сверху лупит... Разве человек
Такое выдержит? Заплатки похоронок
На тех местах, где рядом шли бойцы.
А переправе нет конца и края,
И деды все ушли, ушли отцы, —
Зовёт, курлычет, улетаая стая
Тех самых журавлей... Чего ты ждёшь?
Как в синий Ирий с ними бы, привольно...
Но ты на переправе, ты бредёшь,
Лишь слёзы на губах — морскою солью...
Тебе ещё идти, с водою в сапогах,
С натёртыми поклажею плечами,
А где конец пути? И сердце гложет страх,
А душу — безнадёга и печали.

На переправе обустроив быт —
Привычные к любым судьбы кульбитам,
Полвека всё идём, идём мимо корыт,
В которых кто-то чавкает так сыто...
Там те, кто сдал себя — за чечевичный суп,
За тридцать кругляшей из драгметалла.
А ты не сдай себя — будь даже зол и груб,
Но продолжай идти, не опускай забрала,
Не прячь своё лицо, не отрицай свой путь —

Он проторён задолго до рожденья.
Он — это ты и есть, ты — переправы суть,
До самого последнего мгновенья.

* * *

На линию фронта ходили трамваи,
За линию фронта маршрутки ходили.
Дончане тем летом так много узнали
О людях, о жизни, о Боге, о мире...

Военные будни — с учёбой, работой,
Но кто-то вернется с работы усталый,
А кто-то, в историю канувший кто-то,
Уже не придёт... Всё начнётся сначала —

Его фотографии — детям и внукам,
А может, чужим чьим-то внукам и детям,
Когда-то расскажут о боли, разлуках,
И то, если кто-то их всё же заметит...

Их много — попавших промеж жерновами,
Не звавших, не ищущих бури и «града»,
Их много — они просто не сознавали,
Что смерть и разруха — так близко и рядом.

Так близко и рядом — безумье нацизма,
Его беснованье, зловонье дыханья —
Оно вдруг вошло в наши мирные жизни
Тенями на стенах сожженного здания.

Вошло навсегда, как в сороковые,
Отметиной в судьбах родных и далёких
Раненья — осколочные и пулевые,
Последние письма, последние строки...

Всё это, из ранее павшего в Лету,
Внезапно вернулось сплетением свастик.
Донбассу военные осень и лето
Цинично вручили нацистские власти...

ДОНБАССКИЕ СКАЗКИ

А кто-то расскажет нам
страшные сказки потом,
Как спят на Донбассе от горя уставшие дети,
Как ветер в руинах над ними рыдает, о том
Как страшно ему — повидавшему
много на свете...
А может, не сказки, но кто же поверит тебе,
Что можно — прямою наводкой —
в окно детской спальни?
Что в чёрной, затмившей
и разум и зрение злобе,
Так просто накрыть жилмассив
артиллерией дальней.
Так просто по городу выпустить
«града» пакет,
Ведь не разобрать — там блиндаж,
или дети в подвале.
И кровь запечётся на пёстром
цветном покрывале,
Плохая от «града» защита —
их тоненький плед...
Потом — много слов и сюжетов
покажут нам СМИ,
О том, что случилось, с кем
сталось несчастье такое,
А мы посочувствуем, и ощущение покоя

Исчезнет ненадолго, выпьем души за помин...
Но день промелькнёт, ночь придёт
и усталости вал
Уносит, как прежде, и снова дела одолеют,
И мы позабудем на время, как пятна алеют
На маленьком пледике,
что тех детей укрывал...

* * *

Сквозь то, что нам положено пройти,
Мы все пройдем, просеемся сквозь сита
Событий, отделивших неопитов
От тех, кто в курсе — что там на пути
Нам стоит ожидать. Но сердце ворожит,
Ему смиряться с участью нет силы.
От края колыбели до могилы
Оно выводит нас на виражи,
Которые и не вообразить,
Которых загадать не получилось.
И лишь мечта — маяк или лучина?
В зелёном мареве случайного дрожит...

Григорий Блехман

Поэт, прозаик, публицист, литературовед. Доктор биологических наук, профессор. Много лет был научным и литературным редактором журнала «Физиология и биохимия». Стихи, художественная проза, эссе и публицистика опубликованы в отечественных и зарубежных журналах и альманахах. На десять стихотворений композитором Раисой Агаджанян написаны романсы. Некоторые произведения переведены на персидский, литовский, армянский, болгарский, немецкий и английский языки. Автор одиннадцати сборников — стихотворений, прозы и очерков, вышедших в издательствах «Российский писатель» и «Вече». Член редколлегии журналов «Берега» и «Литературная Феодосия». Секретарь Союза писателей России, лауреат двух Международных и многих Всероссийских литературных премий: им. Н. С. Гумилёва, им. А. Т. Твардовского, им. М. Ю. Лермонтова, «Слово-2017», им. А. А. Блока, им. И. А. Бунина, им. М. А. Шолохова...

ДОНБАСС — РОССИЯ

В течение восьми лет — с весны 2014 года до февраля 2022 года

1

Всё большее вести с Украины,
всё циничней наш звучит ответ,
что, мол, волноваться нет причины —
это лишь их внутренний сюжет.
Да, куда-то подевалась совесть —
наша совесть. Обмелел исток?
Но тогда мы *кто* и *что* мы, то есть
на какой надеемся итог?

Декабрь 2014 г.

2

За прецедентом — прецедент:
по русским бьют на Украине,
но *так* спокоен Президент,

что дремлет Дума и поныне.
 Лишь слышно: «Наверху видней,
 другие сверху горизонты».
 Но *русских* бьют — им всё больней!
 А «сверху» взгляд нейтрально-сонный.

Декабрь 2015 г.

3

Как приятно быть хладнокровным
 в тёплом кресле, где жезл в руке,
 только горе ведь: наши кровные
 гибнут — братья невдалеке.
 Протяни, казалось бы, руку,
 помоги хотя бы чуть-чуть,
 но, как видно, «высшему» кругу
 важен только свой личный путь —
 свои шкурные интересы,
 где понятия «совесть», «честь»
 явно в круге том неуместны —
 там другие понятия есть.
 Потому и взгляд хладнокровный
 в тёплом кресле, где жезл в руке.
 Даже в дни, когда больно кровным —
 братьям нашим невдалеке.

Декабрь 2016 г.

4

Одессу, Донецк, Мариуполь...,
 где долго был общий наш дом,
 теперь, словно загнанных в угол,
 крушит русофобский синдром.
 Крушит без преград — днём и ночью,
 грозя перейти в «навсегда».
 Да, «время расставит все точки»,
 но *боль* не уйдёт никуда.

Декабрь 2017 г.

5

Звучат красивые слова,
но вслед — невнятные поступки —
сплошные следуют уступки,
а вместо действий — лишь канва
и пустота звучащих фраз:
«Мы с вами — братья! Не оставим!..» —
поэтому уже у вас
надежд на нас и не осталось.
Ведь слово значимо лишь тем,
что подтверждается поступком,
пока за ним одни уступки,
то веры нет ему совсем.

2018–2021 гг.

С февраля 2022 года

1

Россия вспрыла ото сна —
от восьмилетней вялой спячки,
могло бы всё пойти иначе,
а так... всюду бурлит весна —
в слезах и в грохоте, с надеждой,
что не останется, как прежде,
здесь Новороссия одна.

И вот теперь уже война,
хоть запоздало, и начало
сулит нам трудностей немало,
однако всё же что-то вдруг
случилось в нашем пробужденье..
Да, долгожданное мгновенье
кого-то привело в испуг
с разноголосицей, молчаньем,

а кто-то даже впал в отчаянье
от мысли, что остался без
надежд на шкурный интерес.

Но *всё-таки* нас большинство,
кто не утратил своего
позиционного начала,
которое нас воспитало
историей побед России,
где справедливость нашей силы
веками переплетена.

Вот и сегодня эта явь —
в какой бы ракурс ни поставь —
похожа на глубокий выдох,
дающий нам достойный выход,
чтоб сделать уже вдох иной —
победной поступью входящий
с недавней спячки в настоящий
активный, долгожданный день.

И цель у нас сейчас одна —
это священная война
не с Украиной, а с фашизмом,
который сквозь любую призму
уже распознан — и сполна,
чтоб корчевать его до дна.

Азартом мести брызжет Запад —
ему такой параграф задан,
в котором что-то не срослось,
а потому и не сбылось,
ведь он совсем не ожидал
что русский дух только дремал —

забыл, что он неистребим
и мы непобедимы с ним.

Отсюда и звучат слова,
которые несёт молва:
«Донбасс, Россия и весна!»
Где есть и наши имена.

Весна 2022 г.

2

Добро должно быть с кулаками.
Вот и сейчас в который раз
мы убедились в этом сами,
хоть слишком долго зрел *наш* час.

И наконец пришла пора
всем ощутить — нельзя иначе:
несложно знать, *что* будет значить,
если вернёмся во вчера.

И дай нам бог не буксовать
И не миндальничать с врагами,
иначе *нам* несдобровать.
Добро *должно* быть с кулаками!

Поэтому — только вперёд,
как и тогда — в сороковые,
когда единым был народ
в своём служении России.

Когда не только на фронтах,
но и в тылу шёл труд на совесть,
так было в душах, на устах
у всех, как пламенная повесть.

Повесть о том, что *мы* правы
и *что* мы не «лежачий камень»,
а потому идём «на вы»:
добро *должно* быть с кулаками!

Добро — Россия и Донбасс,
а наша вера — наше знамя
и нашей прочности запас.
Добро *должно* быть с кулаками!

Владимир Макаренков

Поэт, публицист, автор восьми книг стихотворений, аудиоальбома «Я родом из шестидесятых» (радиопостановка поэмы «Таборная гора», стихи, песни), публицистической книги «Тюремные записки». Лауреат литературных премий: им. А. Т. Твардовского, им. М. В. Исаковского, им. Н. И. Рыленкова (Смоленск), им. Н. И. Рыленкова (Тюнино Брянской области), «На встречу дня» им. Б. Корнилова (Санкт-Петербург), Южно-Уральской литературной премии (Челябинск). Председатель Смоленского регионального отделения Союза российских писателей с 2004 года. Член Союза журналистов РФ. Главный редактор литературного альманаха «Под часами». Живёт в Смоленске.

ИЗ ЦИКЛА ZV, ИЛИ «РУССКОЕ СЕРДЦЕ»

ПЕРЕДАЙТЕ ВСЕМ НАШИМ ПРИВЕТ!

Мать Россия, сестра Украина
сиротеет в огне и дыму.
Мы отправили старшего сына
по приказу Москвы на войну.

Он служил по призыву, комбату
как отцу доверялся во всём
и остался в войсках по контракту,
не вернулся в родительский дом.

Мы гордились, что стал он мужчиной,
в нём гвардейца признала страна.
Небо грозное над Украиной,
а у нас в волосах — седина.
Мы звоним сыну каждые сутки,

только всё телефон не в сети.
И проходят, как годы, минутки.
Сын, словечком хоть оповести!

Был вчера у него день рожденья.
Отмечать нам пришлось без него.
Лишь сегодня пришло сообщение,
и на сердце слегка отлегло.

Вслух читаем мы снова и снова
в телефоне короткий ответ:
«Всё нормально, все живы, здоровы.
Передайте всем нашим привет!»

ПРОЩАЙ ЖЕ, ДРУГ...

Друг не поздравил с днём рожденья,
молчком по-снайперски разя.
Идёт духовное сражение,
идейно предают друзья.

Что делать, берегите спины,
на Запад обратив щиты.
Легли просторы Украины
Меж нами пашнями вражды.

Сбежала «пятая колонна»,
боясь судейского меча,
а кто остался, только дома
храбры, на публике — молчат.

И вновь, как в трудные години
глубокой русской старины,

патриотически едины
народ и воинство страны.

Прощай же, друг, ты сделал выбор!
А я России не предам,
ей жребий судьбоносный выпал —
оценку дать земным делам.

О чём бы как не голосили
все зарубежные врали,
а без истории России
не быть истории Земли!

РАЗУМЕТЬ

Не говорите мне про совесть,
когда орудия гремят,
давайте говорить про стойкость
и мужество в боях солдат,
про их отважных командиров,
про лётчиков и моряков,
тех, кто воюет ради мира
и умереть за нас готов.

Их совесть — в воинском приказе,
она — незыблемый залог:
на Украине и Донбассе
преисполнять российский долг;
свершая воинское дело,
громить коварнейших врагов
и выводить из-под обстрелов —
к своим — детей и стариков.
А если кто-то заикнётся,

мол, совести у русских нет,
 пусть клеветою поперхнётся,
 на ложь есть праведный ответ;
 он в языке, как птица в клети,
 лишь нужно выпустить уметь,
 ведь слово совесть — от съвѣдѣти*,
 что означает — разуметь.

* * *

Когда на верховную встречу
 доставит небесный конвой,
 представ перед Богом, отвечу,
 что был со своею страной.

Я связан душою и кровью
 с землёй, на которой меня
 растили с домашней любовью
 семья и большая страна.

Везде мне привольно, по сути
 я сын поднебесных хором;
 родные мне — добрые люди,
 Россия — отеческий дом.

В години разрухи и смуты
 в бессилье я рук не сложил;
 печалился, но ни минуты
 без веры в Россию не жил.

* В русском языке XI—XVII веков известно слово «съвѣсть» со значениями «совесть, разумение, понимание, знание, согласие, указание, чистота». В таком виде оно появляется в словаре Берынды 1627 года, форма «совѣсть» зафиксирована с 1704 года. Происходит от церк.-слав. съвѣсть, которое построено как калька от ср.-греч. συνείδησις («совесть, сознание») и συνείδος («совесть, сознание, совместное знание»). Образовано с помощью суффикса «-ть» от основы глагола съвѣдѣти («знать, разуметь») (Википедия).

В развязке уж узел донбасский.
Европа шельмует день Зет.
Диктует мне сердце подсказки:
сбывается древний завет...

На пытку: «Какую дорогу
построил ты в жизни земной?» —
по-русски отвечу я Богу:
«Я был со своею страной».

* * *

Небо глубинное.
Радостно бьётся
сердце, —
скворец залетел
в грудь, как в скворечник.
Приветствую, солнце!
Сколько у нас важных дел!
Чтобы на древних привольях России
нивы,
а не словеса,
зрея отборным зерном, колосились,
к звёздам тянулись леса.
Плыть бы по времени под парусами
сини,
хмелеть от зерна.
Только за пашнями да за лесами
Прогромыхала война.
Солнце весеннее над Украиной
и над Донбассом
в глазах
отображается рвущейся миной,
рванным железом — в сердцах.
Небо глубинное,

мира планете
дай,
затворив, как вино,
дружбу в крови всех народов;
на свете
много нас,
солнце — одно!

ПОБЕДИТЕ!

Мой одноклассник воевал в Афганистане.
А упокоила — смоленская земля.
Душа народная болеть не перестанет.
Похоронила сына не одна семья.

И вновь беда, в крови и гари Украина.
Как в прошлом, запад ополчился на восток.
И мать в слезах, кляня войну, хоронит сына.
И плачут в храме Богородица и Бог.

Покуда кружится планета полем битвы,
Где наши жизни, словно травы, косит смерть,
Пусть не смолкают в храмах общие молитвы,
Пусть вразумляют всех живущих вопли жертв.

Пусть сердце в жалости кричит: «Остановите
Войну, в которой все виновны без вины!»
Пусть разум твёрдо убеждает: «Победите,
Так, чтобы в мире больше не было войны!»

Светлана Леонтьева

Член Союза писателей России, дипломант национальной премии «Золотое перо Руси», «Созвездие Духовности», «Бриллиантовый Дюк», фестиваля «Интеллигентный сезон», лауреат премий «Уральские горы», «Лучшие строфы столетия», «Литературный глобус», главный редактор альманаха «Третья столица», автор 31 книги прозы и поэзии.

ЛУГАНЬ ВПАДАЕТ В МОСКВУ-РЕКУ

Это был полусон, полуявь, реки потекли не вспять, а друг в друга. Словно воздушный, наземный, сухопутный, речной канал открылся сам по себе. К тебе, река Лугань! И пусть воссоединятся, пусть бушуют воды, пусть бурлят, возрождают!

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК СТАЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

...Обними меня, мальчик мой, сокол, сизарь!
Как из нас вынимали исконное, наше!
Как из нас продавали его в стын и хмарь
за печенки, за доллары, пару кругляшек,
за борзых, за гнedyх. По борделям — Марусь,
пусть танцуют. И спайсы (ещё до запрета)
молодёжи! Ты где, моя дивная Русь?
Ты страна или всё-таки чувство? О, где ты?
Я — на гору, всё выше. Горят города
там, в груди моей! Пеплы святыe. И топи.
Нас продали давно. Как рабов навсегда.
Нас изъяли. Мы ропщем — бессловно, безрото,
безуспешно. И нас не услышит никто.
Бог отчаялся нас создавать. Рынки, банки,
магазины, дворцы, мюзиклы, шапито

поглотят нас. Съедят. Разотрут в решето.
 Как создать непредавших? Жестянки, болванки,
 кто от прошлого трижды отрёкся, а кто
 по четвёртому кругу уже открестился!
 Я твой крест не предам! Этот свиток и список.
 По утрам у меня в серебре все ладони,
 пахнут ладаном пальцы, левкоем, сандалом.
 Не читаю — а стоны вдыхаю! Моё ли?
 Мирославова? Илларионова? Тонем
 всей землёй. «О погибели» слово — финалом
 прозвучало! Нас предали. Сдали. Украли.
 Нас давно прикупили поштучно и оптом.
 За леса. За алмазы. За нефть. Наши дали.
 Наши шири. Равнины. Союз наш затоптан,
 алой кровью пропитанный, скормлен Европам.
 Сокровенное вынута. Но я пытаюсь,
 да и многие тоже в разъятых пустотах,
 находить острый край. И показывать палец,
 мол, идите болотом!
 Ни пяди, ни йоты
 не сдадим. Но мы сдали, отъяли, отдали.
 Вот уже добрались к нам до кухонь и спален.
 А я крест всё несу и несу на Голгофу.
 Моё сердце изломано. Кружатся ветры.
 Из Китая нам амфетамины и морфий,
 ибо ночи у нас безответны.
 Напоследок обнимемся всё же! И кофе
 по глотку отопьём из одной с тобой чашки
 (эх, за Русь, за святое, за лучшее наше!)
 и одну с тобой выкурим мы
 сигарету!

2022 ГОД ПОСЛЕ ЗАЧАТИЯ

Они не верили даже тогда нам, раскрывшим объятья.
Они не верили даже тогда, когда мы их просили.
Гласом в пустыне — о сёстры родные, о братья,
как докричаться до вас? Мы в бессилии...

Они не верили даже тогда нам сквозь лица и лики,
верили только тому, что вещал телезящик.
Мы — вопиющий, вызывающий — мы, мы — молящий,
мы — Иоанн, возвещающий стон стоязыкий.

Были такие, кто верили даже тогда, в час безверья.
Были такие, фамилии их в цвет гранита,
зверски замучены,
зверски затравлены,
зверски убиты
да по окраинам, да по осколкам империи.

Ибо не верили те, как невинной невесте
в то, что цела. Они верили в НАТО и Запад.
Вот он, груз двести, хмелеющий от прели ягод,
голову кружит ему от весны, ибо он есть груз двести.

Хватит не верить!
Тем, кто вас снимает с распятий,
Ибо помилован на самом деле Варавва-отступник,
ибо «распни его!». А мы раскрыли объятья,
ибо орать вопиющим в пустыне устали, что любим.

Любим до боли, до войн, до страданий, до смерти,
нежно, сурово. Коль скоро Девятое мая.
К вам мы идём через минное поле — к вам, верьте,
к вам с бородинским мы хлебом, что стал караваем!

КРЕПОСТЬ-ДОНБАСС

Выйти из полусна в явь бывает трудно. Но тогда явь сама врывается в тебя, как луч света, как звонок будильника. Но это был звон колокола. Это было, как нижегородское вече. Вставай, проснись, узри, услышь, встань на защиту!

2014 год. Майдан в Киеве. Затем жгучая, расстрелянная огнём Одесса. Затем самый трагический момент — потеря друзей. Да, нам стало армагеддонно, нас стали называть колорадо и вата, москали на ножи. То есть нам стало колорадно-ватно, маскалёво-ножово, нам стало убийственно.

Друзья... мои знакомые... мои солнечные люди.

Их несли ногами вперёд, ногами к России, ногами к майским солнечным весенним дням. Это было невыносимо видеть, как груз двести, хмелеющий от запаха ягод, опускался в землю.

ПЕРВАЯ ВЕСТЬ СКОРБНАЯ — это мой товарищ, поэт Игорь Грач...

* * *

Опять весна и воздух абрикосный,
мне дым костров, как запах папиросный,
весь день Саврасова мне видятся «Грачи».
И умирать не хочется. Ни капли.
От вирусов, от пуль, от стрел, от сабли.
Грачи нас прикрывают: крылья, спины,
Прикрыл нас Игорь Грач строкой глубинной...
Что чувствовал он в этот день, где снайпер
сидел, прицеливаясь? Вешайтесь, рыдайте,
но лишь не надо обобщённых мыслей, слов
родне и маме, тёте, сыну, всем нам!
А чувство родины — хребетно, внутривенно.

А чувство родины — основа из основ.
А умирать не хочется. Ну, право!
Вот одуванчики — птенячий цветы —
комочками желтеют. И холсты
Саврасова повсюду: вдоль канавы,
в дубраве и в орешнике, в саду
пошарпанные ветки, как шрапнелью.
Грачи и вправду, вправду прилетели!
Они не знали, страшно на виду
спешить в одной колонне на прицеле.
Ты нас прикрыл.
А чем тебя прикрыть нам?
Каким ребром, предсердием, молитвой?
Каким увидеть зреньем? Слепотой?
Под дымчатой да под густой листвой
не отсидеться нам в домах высоких.
Не оградиться ни щитом, ни блоком.
Вот, говорят, географ глобус пропил,
но ты не верь! Верь только слову — Грач!
Что прилетит пернатый, окрылённый
строкою, песней да слезой солёной,
и будет бесталанным всем жескач.
А кто убил, стрелял, тот гадкий сволочь!
Настанет время — утро, полдень, полночь,
но суд свершится, человеческий суд.
Наступит время твёрдое, как камень,
и каждый Ирод, каждый Брут и Каин,
да что там Каин, небеса падут!
Убитые поднимутся. Я знаю.
Поруганные встанут, вой, кричи:
— Огонь! Ах, суки! Родина... родная...
Летят грачи. Летят твои грачи!

*Ничего нет страшнее —
видеть слёзы матери...*

ВАДИК

И весна была в городе. Третье апреля.
Если в небе бы строили мы баррикады.
Если бы заслонить получилось мне телом
беззащитного мальчика с именем Вадик.
Он играл бы в песочнице, пересыпая.
Он бы делал куличики (не самолёты
и не танки, не мины!)!
Какая ты злая,
что людей убиваешь! За что ты? За что ты?
Ты великой была, ты была исполином,
а теперь что с тобой, что с тобой, Украина?
Избиенье младенцев. Младенцы рыдают.
Стон стоит по земле всей: стон стомиллионный.
Кто тебе приказал делать дроны, патроны,
кто тебе приказал — этот взяточник Байден?
Вадик булкой кормил бы, пшеном и гречихой
птиц-синиц, а они прилетали б, клевали.
Было славно на улице. Господи! Тихо.
И цвели одуванчики в почве бы рыхлой,
как бывает в Енакиево на вокзале.
Мы бы — русские женщины, мы бы рожали.
Мы бы — русские женщины — грудью кормили.
Это было бы так, вам скажу, в идеале.
Но пришёл Ирод к нам.
Его сами впустили.
Его сами проспали. И что же в итоге?
Не весна и не птицы. Война на пороге.
Ни за что ни про что пятилетнее сердце,
неприкрытое сердце мальчишье погибло.

(Кто из дрона стрелял, верим, не отвертеться,
не на тех ты напал, не того мы пошиба!)
О, дожить бы, дожить бы нам всем до процесса,
до Нью-Нюрнбергского.
Словно личное горе,
словно он мой ребёнок... держу — и нет веса,
ибо — в небо вспорхнул.
В его синее море...

Елена Александренко

Елена Витальевна Александренко — член Союза писателей России, Товарищества детских и юношеских писателей (Москва). Автор десяти поэтических книг. Публиковалась в краевых, столичных и зарубежных литературных изданиях: журналах — «Берега», «Доля», «Наш современник», «Метаморфозы», «Дальний Восток», «Дальняя Россия», «Подъём», «Александръ»; в альманахах — «Литературный Владивосток», «Сто лет поэзии Приморья», «Зоряна криниця» (Украина), «Воскресенье», «Планета друзей» (Ялта), «Ассоль» (Чехия), «Хортус» (Италия), «Стихи мира» (Нью Йорк).

Участник Первого Всероссийского совещания молодых писателей в Ярославле (1996). Лауреат нескольких литературных премий Приморья, журнала «Дальний Восток» (Хабаровск, 2003), Премии Владивостока (2004), Международного конкурса детской и юношеской художественной литературы им. А. Н. Толстого (Москва, 2009), литературно-музыкального фестиваля «ЯЛОС» (Ялта, 2015), премии Людмилы Татьяничевой (Екатеринбург, 2018), премии «Золотая пчела» (Республика Беларусь) с нагрудным знаком «Золотая пчела», Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»

Что может быть чудеснее и проще
Я напишу о том, о чём нельзя,
Когда вот-вот заденет нас снарядом,
Лишь в миллиметре от виска скользя...
Когда нельзя, то это значит — надо!

Когда на паутинке мир повис,
И я забыла час и день недели,
Качнулась жизнь, сорваться можем вниз
И захлебнуться в глупой карусели.

Остаться кровью ягоды на дне,
Где ночи все бессонно дышат жаром.

Узнать не понаслышке о войне
И прикоснуться к этому кошмару.

Бежать от всех, куда-то наугад,
В мелькании рассветов и закатов,
И ощущать, что ты уже солдат,
Хотя ещё ни в чём не виноватый.

И там, где нет покоя тишины,
Там, где опасность иглами под кожей, —
Искать тропинку к дому без войны
И день вчерашний, как подарок Божий.

...И крепость паутины той сберечь,
И мотылька пыльцу,
В траве слезинку,
И тёплую мою родную речь
Беречь, как муравейник от ботинка.

Знать все цветы в лицо, по именам,
И птиц по голосам в родимой роще,
И босиком бродить по мирным снам —
Что может быть чудеснее и проще!

Ужели мир совсем сошёл с ума?!
Как вероломный Вий, война слепа,
И даже если приоткрыть ей веки,
Врага в любом увидит человеке,
Оставит след: в воронках — черепа.

Не начертить от зла защитный круг.
В молитве — чёрное не скоро станет белым.
В огне не разобрать: кто враг, кто друг,
Погибнет кто, а кто вернётся целым.

Здесь каждый Родины своей солдат
Или упырь, что послан сатаною...
И кто здесь прав, и кто здесь виноват,
Когда часы идут взрывной волною,

Сметая и деревья, и дома,
Сжигая города и всех прохожих.
Война — безумье или горе от ума?
Начать — в секунды, а остановить — не можем.

Растим, рожаем, строим, создаём
И покоряем новые вершины,
Но кто-то учиняет вдруг погром,
Находит оправдания и причины.

Ужели мир совсем сошёл с ума?!
И мрачный март растёкся мёртвой кляксой...
В любой стране есть мученик — Хома,
И всякий разворачивает флаг свой.

Куда-то ветер гонит вой сирен,
И детский плач,
И крик немного страха...
Мы в день боёв боимся перемен,
И в этом грохоте оглохла даже птаха.

В подвале тёмном, доживая век
И согревая детские ладони,
Смиранный старец молится о всех,
Ища спасение в глубинном звоне.

Взлетают души тех, кто был убит,
И тают тени тех, кто дал команду.
И Бог забыт, до времени забыт,
А рядом с нами свет и белый ангел.

Дороже всех купюр на свете — Мир!
Небес весенних ситцевое знамя!
И солнце в окнах праздничных квартир,
Где каждый счастлив, Украина с нами!

Душа — изменчивое небо
Мы не привыкли жить без снега,
Без солнца и без тишины.
Душа — изменчивое небо,
И мы в него погружены.

Окружены морозной пряжей,
Теплом из хлопка облаков,
Угрюмой тучи серой сажей
И тьмой ночных черновиков.

Мне дорог плат небесно-синий —
То в золоте, то в серебре,
Дождей спасительные линии —
Поток из точек и тире.

И слёз живительная влага
В моей пустыне неспроста —
Преображается бумага,
Как через флейту — пустота.

К морю
Все приходят сюда успокоиться,
Слёз беззвучных плывёт мольба.
Море ластится: всё устроится!
Море солоно, как судьба.

Здесь разбиты часы песочные,
И безвременье из песка.

Здесь решение приходит точное
Из глубокого далека.

Обоймёт и теплом, и ласкою,
Покачает: Давай, плыви!
Поглядишь на него с опаскою,
И поднимет волна: Живи!

И я верю, что всё исполнится,
И осушится боль до дна.
Говорят, что слезами полнится
Моря грозная глубина.

Эту жизнь начиная снова...
Вновь весну воспевают птаха,
Дарит солнце лучей букет,
Как спасение нам от страха,
Что исчезнет на Свете свет.

Воробьи облепили ветку,
У сорок новостей не счесть,
И весну не упрятать в клетку,
А весна — она просто есть.

У неё золотые глазки
И упрямый зелёный чуб.
Сколько нежности, сколько ласки
В жарком омуте внешних губ!

День доверчивый нараспашку,
И небес широка река.
Снова в выстиранных рубашках
Просыпаются облака.

Эту жизнь начиная снова,
Мы стараемся не стареть
И душой обрести обнову,
Словом каждого обогреть.

Мячик солнца поймать в ладони,
В тихом доме его беречь.
Пусть ложится спать на балконе,
Чтобы утро скорей разжечь.

Может, близко война и плаха,
Всюду вирусные бои,
Но поёт заливаясь птаха,
Хорохорятся воробьи.

Разливается лай собачий,
И куда-то бегут ручьи.
Скачет, скачет солнечный мячик,
Удивляется: чьи вы, чьи?

Сердце радуется и тает...
Капли прыгают с тёплых крыш,
И душа твоя расцветает
И без страха на мир глядишь.

Александр Савенков

Родился в 1964 году в Горловке. Специальностей несколько: океанолог, шахтёр, повар-кок, менеджер, строитель. Работал в Крыму, на Каспии, в Прибалтике, Москве, Донецке. В настоящее время живёт в родном городе. Начинал с авторской песни, стихи стал писать с 33 лет. Печатался в Москве, Санкт-Петербурге, Донецке, Енакиеве, Горловке, Каневе, Курске, Хабаровском крае, Германии, международных сборниках «Междуречье», «Славянские колокола», «Злато стремя», «Злато слово», «Крещатик». Лучшая поэтическая подборка за 2011 год в Интернет-издании «Лексикон» (Чикаго). Лауреат городской горловской премии им. Павла Беспощадного. Лауреат литературно-музыкального конкурса «Неизбывный вертоград», посвящённого столетию со дня рождения Николая Ивановича Тряпкина. Три года оставался в прифронтовой Горловке, отражая в стихах происходящее.

ИЗ ЦИКЛА «СТИХИ О ВОЕННОЙ ГОРЛОВКЕ»

1

Думает, дикий, из камня и глины он,
а взглядеться в дома и арки —
город подвешен на нити рябиновой
чьей-то молитвы жаркой.

2

война, брат, война...
на небесной таможне —
аншлаги!
прогоркла земля...
и даже ромашки
цветут осторожней
на минных полях...

3

дни на крови из былого восстали:
сталь разрывает морок:
люди сбиваются в пёстрые стаи —
невыносимо порознь
в дни на крови, дни коротких наречий,
правды в краюху с ближним
преполовиненной, чтобы на плечи
век свой взвалить и выжить.

4**К последнему звонку**

хороший день, до одури простой:
цветёт сирень, слеза судьбу не точит,
и греются ежи у блокпостов,
и школьный сторож драит колокольчик...
над городом, распаханном в боях,
врастают души в голубинность рая,
и бродит ветер с запахом дождя
дворами мая...

5

затишье... в оцеплении минут,
когда ничто не рвётся и не жалит,
ты слушаешь живую тишину
везде: в доме, на улице, в подвале,
ты слушаешь её до немоты,
до хруста пальцев, до ушного звона
и чувствуешь: меняются черты
и тишина становится иконной.

* * *

Город без имени — в мареве дачном.
В городе — дом.
В дому —
окна с решётками, столик невзрачный, с письмами к никому.
На терпеливо-ленивой бумаге — болиголовы слов:
тропы степные, курганы, овраги, реки без рукавов...
Мальчик с отцовским биноклем на шее —
бронзов, светловолос —
машет и машет бумажному змею.
Горькое чудо слёз.
Длинная нота оборванной нити, слышная лишь ему...
Ветреный вечер — и свитер забытый, ветхая даль и — в дому
алые маки усеяли стены... Сколько в них ни кружи,
быт омрачит ощущение подмены, правдоподобной лжи
в кресле, под лампой, в ещё один вечер.
Мошки на свет летят...
Дни, как матрёшки.
И в каждый —
всё меньше —
втискиваешь
себя.

* * *

Мне мало надо!

В. Хлебников

День случился тихим и нежарким.
Небо — в белотканых облаках.
На степной ковёр июльский, яркий
опускался вечер, и легка
показалась жизни перспектива:
август будет щедр на звездопад,
от упавших звёзд займутся ивы
и, как мы с тобою, отгорят.

А потом бездымные пожары
выполощет стужа добела,
и снегов взошедшую опару
март с дождём замесит пополам...
И когда впадут в истоки устья
и мгновенья сложатся в века,
в нас уже не будет прежней грусти —
только небо,
только облака.

* * *

(Троицкая поминальная суббота)

звони, звонарь, весь век со мною
чужие сердцу берега,
и небо майское больное
готово обронить снега...
по ним, по ним, ещё не падшим,
на край, за край, сквозь чёрный лес
к холму, где мне руками машет
родительский могильный крест...
под ним, под ним, теряя слоги
в словах нелепых, как судьба,
живые притчи о дороге
читать по солнечным губам.

ЧИСТЫЙ ЧЕТВЕРГ

Апрель истачивал снега...
С землёй, налипшей на подошвы,
хотелось броситься к ногам
цветущих верб,
грошовым прошлым
вплотную стоя к сорока...

А день струился, чист и значим,
и небо в редких облаках
лакал из лужи пёс бродячий.

В подстаканнике — крепкий сон,
на стекле — чешуйка луны,
два дыхания в унисон:
виновато и — без вины.
Ночь как ночь: голова да хвост —
поезд сонной ползёт змеёй,
да часовенка, да погост,
разделённые колеёй.

АВГУСТ В КРЫМУ

С виноградной лозы опускаются гроздья тумана,
начинается день незатейливым танцем песка;
дети солнечных снов просыпаются тихо и рано,
дети тёмных надежд спят, печаль отведя от виска.

На последнем витке оборвалась совиная песня,
затаилась в листве, сумрак цепко сжимая в когтях;
в незнакомую жизнь, как в любимую книгу, отвесно
загляни и листай пересказов солёный костяк.

Весь посёлок пропах шашлыком, разнотравьем и морем,
по двору ходит птица с подрезанным белым крылом;
ты налей ей воды, я насыплю гранатовых зёрен:
ей недолго ходить меж добром и содеянным злом.

Да и нам не с руки наряжаться в одежды бессмертных,
встретим вечер в беседке из дикого камня, игру
чёрно-белых фигур освежая тягучим десертным,
и отложим опять, и оставим стоять на ветру...

ТРОПАМИ ЗНАКОВ

Меркнут знаки зодиака...

Н. Заболоцкий

В столпотворенье знаков через пробелы в днях
сердце бежит собакой чуть впереди меня.

Рвутся дворы на митинг в брошенные сады,
рвутся наитий нити — рядом лишь поводырь.

Дремлет похмельно дворник, не закрывая глаз,
и дождевые корни cedят по капле нас.

Улицы топчем, степь ли, между добром и злом
нас дождевые стебли стягивают узлом

в томик стихов и притчей, но и таких, без доль,
мокрые стаи птичьи перелистают вдоль

и поперёк: ковыльным судьбам недолог срок
стать дождевою пылью и оседать меж строк

в столпотворенье знаков через пробелы в днях
там, где бежит собакой чуть впереди меня
сердце...

Вадим Десятерик

Родился в 1976 году в Донецке. Окончил Славянский государственный педагогический институт (валеология и физическая культура), мастер спорта по лёгкой атлетике (прыжок с шестом). Публикуется с 2016 года. Автор-исполнитель песен, поэт. Член Союза писателей Донецкой и Луганской народных республик. Публиковался в альманахах: «Время Донбасса» (Луганск), «Душа Донбасса» (Краснодар), «Территория слова» (Краснодон), «Пушкина 30А» (Донецк), «В Донбассе мужеству забвенья нет» (Донецк), «Жизнь — как подвиг» (Краснодар), «Душа и мудрость гордого Донбасса» (Донецк), на сайте «Мир Новороссии». Книга: «Перезвон» (Луганск), 2018. Лауреат фестиваля «Большой Донбасс». Живёт в Донецке.

РУССКИЙ ДУХ НЕПОКОРЁННЫХ

Вольным ветром в диком поле
бродит тень донбасской славы.
Рядом с ней орёл двуглавый
держит поле под контролем.

Белый цвет на триколоре
степью заменён на чёрный.
Гордый флаг непокорённых —
дух солдат в ночном дозоре.

Каждой ночью алой лентой
вяжет враг рубеж последний,
где несовершеннолетний
парень хочет стать легендой.

Быстрой птицей в небе тёмном
мчится вера над копрами.
Это наш венец мечтаний —
русский дух непокорённых.

ШАХТЁРЫ ПОДЗЕМНЫХ РЕК

По руслам подземных рек,
глота́я чёрную пыль,
проходят из века в век
шахтёры сквозь шторм и штиль.

Дают на-гора добро
у Шубина взяв взаймы.
Но, плата — не серебро,
а жизни — выход из тьмы.

Герои плывут в забой,
им некуда больше плыть.
Неважно какой ценой,
но уголь должны добыть.

Да только не ярок свет
для тех, кто терял родных.
Тем более звон монет,
когда горе бьёт под дых.

Но, снова из века в век
проходят сквозь шторм и штиль
шахтёры подземных рек,
когда горе бьёт под дых.

ОМУТ ЧУДЕС

Конский топот на душе.
Вид унылый.
Где тот Рай, что в шалаше
даже с милой?
Бредит сказками любовь,

мы ей верим,
закрывая вновь и вновь
к сердцу двери.

То ли мечется душа,
то ли разум.
За душою ни гроша —
быть отказам.
Где же мне найти её,
ту, что сможет
чувство нежное моё
растревожить?

Может, между ярких звёзд,
это чудо?
Я готов построит мост
к ним отсюда.
Дотянуться до небес
я сумею.
Чтобы в омуте чудес
гибнуть с нею.

Бредит сказками любовь,
мы ей верим,
закрывая вновь и вновь
к сердцу двери.
Где тот Рай, что в шалаше
даже с милой?
Конский топот на душе.
Вид унылый.

ЛАБИРИНТ

Наша жизнь — сплошной лабиринт.
Вход — рождение, выход — смерть.
Кто бежит марафон, кто спринт,
чаще любят бега смотреть.

Пробегут, не оставив след
или просто сгорят звездой.
Наша жизнь — суета сует,
где добро заросло травой.

Говорит, показывает
Нам, заблудшим овцам, Пастух.
Только мы приплясываем
и Его матюгаем вслух.

Наша кровь — болотная муть.
Нож да ложь укрепляют злость.
Пастуху нас трудно тянуть,
для него мы, как в горле кость.

Временной промежуток лет,
что отмерен для нас судьбой,
без добра не оставит след,
чтобы он не зарос травой.

Кто бежит марафон, кто спринт,
есть, кто любит бега смотреть.
Наша жизнь — сплошной лабиринт.
Вход — рождение, выход — смерть.

КАПИТАН ГРЕЙ

Росой умою лицо поутру.
 Не сглазит дьявол.
 Бесшумно устье реки покорю.
 Тоскует гавань.
 Войду безмолвно в большой океан
 навстречу грёзам.
 Морскому волку не страшен туман
 и узость плёсов.
 На грубость ветра и гребень волны
 лечу, как птица.
 Вокруг планеты с весны до весны
 «Секрет» мой мчится.
 Глотая мили одну за другой,
 Алеет парус.
 Лежит под яркой полярной звездой
 на курсе старом.
 Зовёт девчонки печальная песнь —
 мечта из детства.
 Ко мне приходят напевы с небес
 у сердца греться.
 Ассоль на берег выходит не в снах
 встречать рассветы.
 Иду в Каперну на всех парусах
 с попутным ветром.

ОБЕТ

О, Боже, сколько ненависти к русским
 за то, что всех спасали, и не раз.
 За веру, что для Запада — обуза,
 за Крым, за Приднестровье и Донбасс.

За светлый образ православной правды,
до дна испитый с войнами стакан.
Безумный риск свободою оправдан
для всех забывших помощь братских стран.

Сжигают всё, что связано с Россией,
потом золою платят за добро.
Без фактов приравняли к тирании,
клеямя как скот агрессивным тавром.

Но, мчится вдаль истории карета,
где вновь на рубежах алеет день.
Россия не отступит от обета,
чтобы поднять беспомощных с колен.

Я К ТЕБЕ НЕПРЕМЕННО ВЕРНУСЬ

Сизым облаком
на твои плечи
упадёт предрассветная грусть.
До свидания!
До скорой встречи!
Я к тебе непременно вернусь.

Ветром северным
уносит лето
нас с тобой в непроглядный туман.
С алым парусом
в лучах рассвета
уплыву бороздить океан.

Чайкой белою
в небо Арктики

отошлю свои чувства к тебе.
Пусть полярная
звезда яркая
обо мне напевает с небес.

Как печалится
в холодный вечер,
как во сне домой птицею рвусь.
Моя милая,
до скорой встречи!
Я к тебе непременно вернусь.

Иванн Черняев

Родился в 1975 году в Горловке. В довоенном прошлом шахтёр. Выпускник Горловского института иностранных языков (бакалавриат) и филфака Славянского ГПУ (специалитет). Зампредседателя Межрегионального союза писателей, член Союза писателей России и Славянской литературно-художественной академии (Варна, Болгария). Автор нескольких книг стихотворений.

ЖИВЁТ МЕЧТА

Назло тяжёлым болевым векам
Живёт мечта! Сквозь дым и облака
Идёт сквозь гул разрывов канонады
К звезде полей, что нынче далека,
За пеленой вселенской снегопада.

Мечты накал несказанно высок:
Уйти б к реке, послушать шум осок,
И вздрагивать при каждом крике выпи...
Но время горькое опять клюёт в висок,
И чашу скорби всё же нужно выпить.

* * *

А сверху город, словно сказка —
Ряды недремлющих домов,
Где осень растеряла краски.
Сентябрь ещё предельно ласков,
Но путь его уже тернов.

Без птичьей суеты — жизнь тише,
А ветер густ, как будто дым...
И мы опять сидим на крыше,

Надеясь, что Господь услышит,
Мы с Ним стихами говорим.

* * *

Месяц опускает луч
на дома епитрахилью,
Ночь сегодня принимает
исповедь от сентября.
Осень, словно мотылёк,
расправляет чудо-крылья,
И над нею звёзды робко
и заплаканно горят.

Неужели ты согласишься
в то, что лето канет в Лету?
Сохранить тепло — не просто.
Но кому-то по плечу...
И летит сквозь время наша
неуёмная планета.
Ночь прочтёт канон последний
и зажжёт зари свечу.

* * *

Мир пляшет на костях, тут верь не верь —
Всесилен злобы человеческой зверь.
Мой день опять застыл на острой грани.
Война не спишет разочарований
И не смягчит, увы, досаду от потерь.

Душа моя прошла и Крым, и Рим,
Я сеял слово — пожинаю дым,
Мне не хватает ни чернил, ни красок...
Но вера тлеет, дожидаясь часа,
Пустить надежду по артериям моим.

БУДЕМ ДРУГ ДРУГА ЛЮБИТЬ

Будем друг друга любить,
Завтра нас расстреляют.

Илья Кормильцев

Действительность наша горька
Под знаменем скудного века,
Где быт, как безногий калека,
Обрушившийся истукан,
Где время — обуза, не лекарь.

Тончает сознания нить,
Судьба, как позёмка, вихляет
Под песни собачьего лая...
Но нужно друг друга любить,
Пока нас всех не...

ВЕСНА, ПОХОЖАЯ НА ВЫСТРЕЛ

Немало боли на веку,
События и дни текут,
И вдруг в промасленном регистре
Увидишь тусклую строку —
И мысли тут же увлекут
В весну, похожую на выстрел.

Она почти что далека,
Но образ в памяти мелькал
И бился в бешеном азарте...
Весна была жестка, жарка,
И сто пакетов молока
Мы отмечали в смутном марте.

Протесты шли сплошной волной,
Мы растерялись той весной
И в сердце умирляли жалость.
А воздух был уже больной
И всё закончилось войной...
Верней, всё только начиналось.

РАСЦВЕТШИЙ ИЮНЬ

Июнь расцвёл — не передать в словах:
Бревно из бруствера пустило в рост побеги,
К окопам подступила мурава.
Земля кружилась, словно голова,
И время ехало на солнечной телеге.

Стеной взошли чабрец и молочай,
Был мир в тот миг почти что идеален.
Войною пахло как бы невзначай,
Спадал ремень с натёртого плеча,
И Ангелы-жнецы обстрела ждали.

АКТРИСА ВЕСНА

Актриса Весна после тяжкой болезни
Снова на сцене.

Ю. Шевчук

Овации границ и минных заграждений,
Её шаги отчаянно близки.
Несёт тепло и свет, в воронках пряча тени,
И кажется, приход её благословенен,
Но отчего тоска берёт в тиски?

Актриса Русская Весна опять на сцене
В театре катастрофы и вражды.
Приход её кровав и смертью обесценен,
И мы предчувствуем в дыхании весеннем
Восьмой сезон надежды и нужды.

* * *

Пожар вселенской паники,
Агония огня.
Мы страшных слухов данники,
Прислуга злобы дня.

И в ночь под новолуние
Теряем правды нить,
Чтоб поощрять безумие
И страхом страх кормить.

* * *

А гиря века всё чугуннее.

Т. Гончарова

Правит в отравленном мире
Шестигодичная тьма.
Нас продолжает ломать
Века чугунного гиря —
Пропасть становится шире,
Лирики сходят с ума.

Словно под ноготь иголка,
Боль проникает, как ток.
Кровью залитый Восток
Воет отчаяньем волка...
Время щербато и колко
Бьётся в скрещении строк.

НЕ ГОВОРИ СО МНОЮ О ВОЙНЕ

Зачем ты бредишь печаль во мне,
Зачем тревожишь раненые чувства?
Не нужно черпать боль в моём огне,
Не говори со мною о войне!
Поговорим о кризисе искусства!

Давай болтать о ветре и траве,
О вечности поспорь со мной! Попробуй
Поговорить о Питере, Москве,
И пусть беседы льётся тихий свет...

Ну а война и так во мне до гроба...

Александр Морозов

Родился в 1969 г. в городе Дебальцево Донецкой области. Член правления ВТС «Конгресс литераторов Украины», член Межрегионального союза писателей Украины и Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Лауреат литературных премий: «Бориса Гринченко», «Владимира Сосюры», «Свой вариант», «Серебряный стрелец», ряда международных и республиканских фестивалей и конкурсов в номинации «Поэзия». Организатор Всеукраинского песенно-поэтического турнира «Рыцари слова», основатель литературной серии «Творческие силы Украины +». Автор слов гимна г. Дебальцево. За вклад в развитие русской литературы в 2010 г. награжден медалью Шолохова. Публиковался в газетах, журналах, альманахах и в коллективных сборниках. Увлекается краеведением. Изданы книги «Дебальцево. Взгляд сквозь годы» (В двух томах). В августе 2015 г. в Издательском доме Олега Федорова вышла книга публицистики «Дебальцево. На линии огня». В сентябре 2015 г. с группой писателей Донбасса был приглашен в Москву для участия в презентации книги «Строки мужества и боли», а в октябре того же года участвовал во Всероссийском совещании писателей, пишущих на военные темы.

ДЕБАЛЬЦЕВО — ОСТРОВЕЦ

По пятьдесят

По пятьдесят, по пятьдесят
И вот уже мне пятьдесят...
И многих нет давно ребят,
Которым было меньше...
По пятьдесят, по пятьдесят
Мы отвечаем невпопад,
Но нам вослед еще глядят
Глаза любимых нами женщин.

В мозгу такая чехарда...
 Года, как талая вода,
 Они уходят в никуда —
 Туда, где вечно лето
 Так наливай по пятьдесят,
 Пока еще горит закат,
 Пока деревья шелестят
 И кружится планета.

Что вам сказать, мои друзья —
 Вполне сложилась жизнь моя,
 Повырастали сыновья
 Внучок — подарок деду.
 Я строил дом и сад сажал,
 Причем, заметьте, не один!
 Так что могу помимо рифм
 Руками что-то делать.

Присядем за большим столом
 Не раз по пятьдесят нальем,
 Потом застольную spoём,
 Когда закончат тосты.
 Спасибо всем, кто не забыл,
 По жизни кто со мною плыл,
 Кто радости и боль делил,
 Учил смотреть на звёзды.
 Учил смотреть на звезды.

ЮБИЛЕЙНОЕ

Очень быстротечна жизнь у человека,
Не успел родиться — подводи итог.
На планете этой отмотал полвека,
А полвека — это всё ж не малый срок.

Я не стал богаче и не стал мудрее,
Хоть уже не молод, но ещё не стар.
Но не зря Тарковский написал Арсений:
«Мы — уста пространства», «времени уста».

Что ж, пускай полвека где-то за плечами
Бес ломает рёбра, с сединой виски.
Только, как и прежде, лунными ночами
Я общаюсь с Музой и пишу стихи.

Исключенья снова нахожу из правил —
Видел я всё это творчество в гробу!
Вот оно мне надо: текст черкать и править?
Только по-другому просто не могу.

Юбилей поэта, но ещё не старость.
Рано на списанье, рано на покой.
Может, для потомков я в стихах останусь,
Может быть, запомнюсь хоть одной строкой.

МОЁ ЛЕКАРСТВО

Хоть за спиной полвека, честно признаюсь вам —
Мне не нужна аптека, я не спешу к врачам.
Если тоска и скука, если накатит грусть —
Я посмотрю на внука
и улыбнусь.

Внуки — большое счастье, главная из побед!
В люльке сопит лекарство, и молодеет дед.
Будем читать мы сказки, пробовать будем мёд.
Счастье лежит в коляске, спит
и во сне растёт

Пробует что-то делать, многое может сам.
Радость растёт для деда — противодепрессант.
Нюют спина и руки, разных проблем мешок...
Я посмотрю на внука —
мне хорошо.

МОЕМУ ДОНБАССУ

Я в думах порою парю над полями вздремнувшей Отчизны,
Читаю страницы минувших великих времён.
Не раз сотрясали Отчизну мою катаклизмы,
Сменялись рассвет и крушение различных племён и знамён.

Родная земля, ты историей древней богата,
Я черпаю силы свои у родимой донецкой земли.
Казалось, недавно в степи проскакали сарматы,
Исчезли вдали, лишь примяли слегка ковыли.

А жизнь расстилалась дорогой — холмы да ухабы,
Мелькали повозки, столетья сгорали в огне...
Остались потомкам в степи половецкие бабы.
Лишь бабы навечно застыли здесь, окаменев.

Хоть предкам досталась суровая ратная доля,
Район приграничный — он служит исправно щитом.
Расскажет об этом бескрайнее Дикое поле,
Приручат славяне и Дикое поле потом.

С тех пор революций и войн проходило немало,
Народ не роптал, выживал, затянув поясок.
Планетой шагала эпоха угля и металла —
Был жизненно важен, добытый у нас уголёк.

Давно ли гремели в стране трудовые рекорды?
Награды в семейных архивах забыть не дадут!
Недаром считались рабочей элитой шахтёры
И тосты звучали: «За честность! За доблестный труд!»

Донбасс мой родной, это дивное счастье — родиться
В краю, где копры терриконов небес достают!
Красоты твои пусть раскроют в холстах живописцы,
Величье твоё нам поэты ещё воспоют.

Характер Донбасский и эти строптивые гены
Позволят и дальше потомкам наш край развивать.
Никто никогда не поставит Донбасс на колени.
Тому, кто не жил здесь, возможно, меня не понять.

ПРАБАБУШКЕ МАШЕ

Я в детсад не ходил и практически целый день проводил
под присмотром прабабушки.

Помню, в зале стоял сундук, на стене висели с гирьками в
форме еловых шишек — обычные ходики. Прабабушка часто
варила картошку «в мундирах», а ещё пекла мне блины и ола-
душки.

Каждый час из часов вылетала смешная кукушка и время
прошедшее склёвывала.

А сундук был с висячим замком, я уверен был в том, что хра-
нил он несметное множество тайн — изнутри его крышка окле-
ена была красиво — обёртками мыла конца позапрошлого века.

Там в смертельном узле в уголке сундука дожидались, когда их оденут, красивое платье и шаль, и лежала на стопке с постельным бельём в целлофане жилетка из лисьего рыжего меха...

У прабабушки из электроприборов был только утюг — ни телевизора, ни холодильника...

Семь рублей пенсионных даже по тем временам не такие огромные деньги.

Молоко и хамсу старушка позволить могла, да внучкам карамельки изредка, но зато какие в подвале в кадушках стояли соленья, а в банках — варенья...

Взял горбушку, посыпал сахаром, сбрызнул колодезной чистой холодной водой, или тот же хлеб за шестнадцать копеек, подсолив и приправив подсолнечным маслом — этот с сахаром хлеб в детстве мне слаще казался халвы и конфет с пастилой. Хлеб с подсолнечным маслом и солью, казался вкуснее, чем теперь дорогие колбасы...

Возле дома в траве копошились петух и несколько пёстрых кур, да дремал старый пёс Трезор. Отыскав червяка, подзывала, учила жизни выводок жёлтых комочков мамаша-квочка.

Помню куст георгин — он был выше меня, а ещё, то, что камнем был вымощен двор, и вещала весь день напролёт под иконами радиоточка.

Так вот жили тогда, сколько зим пронеслось, сколько лет — вырывает из детства картинки обрывисто память.

Нет Трезора давно, дома нет и прабабушки нет...

Нужно в церковь сходить и прабабушке свечку поставить.

СОЛДАТСКИМ ВДОВАМ

Беды и горя хлебнули вволю —
Война не травы, мужей косила...
Не нарекали на вдовьи доли
Ульяны, Марьи и Ефросиньи.

Другим расстелен душистый клевер,
Другим сверкали алмазом росы,
А им придётся пахать и сеять,
Растить детей, чтоб не голы босы.

И жарким летом и в холод зимний
Не ожидали небесной манны.
Страну отстроят — они ж двужильны,
Так спокон веку впряглись и тянут.

Брось вдовьи годы считать, кукушка.
Избу не греет почётный вымпел...
Горчит судьба, солона подушка,
Но только это ж никто не видит.

Побеги даст молодая поросль,
А вы уйдёте за дали сини...
Отчизны скрепы, России гордость —
Ульяны, Марьи и Ефросиньи.

Людмила Гонтарева

Поэт. Прозаик. Публицист. Член Союза писателей России; Союза Писателей Луганской и Донецкой Народных Республик, Межрегионального Союза Писателей.

Окончила Луганский Государственный Педагогический Университет, факультет романо-германской филологии, специальность «Учитель русского языка и литературы».

Печаталась в альманахах: «Берега», «Российский колокол» и «Молодая гвардия» (Москва), «Родная Ладога» и «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Александръ» (Тамбов), «Петровский мост» (Липецк); коллективных сборниках «Час мужества», «За други своя», «Строки мужества и боли», «Время Донбасса», «Выбор Донбасса», «Новая Русь» и др. Автор поэтических сборников «Только голос», «По ту сторону тишины».

Организатор I поэтического фестиваля «Краснодонские горизонты-2009», фестиваля «Муза Новороссии» (2014–2020). Лауреат премии им. «Молодой гвардии» (2011), премии имени Владимира Гринчукова (2015), Михаила Матусовского (2021). Золотой лауреат Международного конкурса «Национальная литературная премия Золотое перо Руси — 2018». Лауреат литературно-общественной премии «Гранатовый браслет» им. А. Куприна (2022). Главный редактор альманаха «Территория слова». г. Краснодар, ЛНР

* * *

Это словно кино, как в больном сне —
опоили дурманом нас по весне.
Ну а летом кровавые звезды в ряд
в карауле над городом нашим стоят.

А в полях окопы — шрамом на лицо..
Не послать любимому письмецо.
Сколько километров путь из рая в ад?..
Во степи солдаты без имен лежат.

Танки в Интернете, танки за окном.
Как конструктор «Лего»,
вдруг сложился дом.
По подвалу ходит старый мудрый кот:
в самом безопасном месте он живет.

Город мой контужен, город мой устал...
Кто бы нам страницы эти пролистал...
Но писать спокойно мы обречены
хронику ненужной непростой войны.

* * *

Бог призвал к себе солдата
неоконченной войны.
Снова пламенем объаты
города родной страны.

И солдат в строю, как прежде.
Бьётся с нечистью лихой.
Пусть снаряды воздух режут
свистом на передовой.

Не готов он был к покою
на перинах-облаках.
Как всегда, с бедой земною
он сражается в веках.

У солдата до Победы —
лишь последний, трудный бой.
А потом — накроет небо,
и по радуге — домой.

* * *

Я вижу души над душным городом;
и мы меж ними — беспечно молоды.
...Внезапно стали земною пылью,
чтобы воскреснуть ковром ковыльным —
в Господних красках и дивных образах —
рекою, птицей, пшеничным колосом.
Наверно, это для всех был выход:
не стать толпою, что бьётся лихо,
что посылает проклятья злобно,
уничтожая себе подобных.
Мы войском тёмным уже не станем —
затея страшная и пустая.
...Внося в историю дни лихие,
нас вспомнят коротко: «...и другие».

* * *

Нас и для круглого стола
уже остались единицы.
В корзине времени — страна.
На кон поставлены столицы,
станицы и страницы книг —
успеть бы написать... Кто знает,
что впереди: минута — миг —
час — выдох — вдох — морозы в мае —
дожди январские — печаль —
закат — рассвет — портрет на полке?...
И как ни вглядывайся вдаль —
лишь контролер и остановки...
Знакомый, но чужой маршрут.
Привычна боль из ниоткуда.
В который раз куранты бьют.
Растут герои и иуды.
Кругами память по воде

расходится. Дрожат ресницы.
Успеть посеять рожь к среде,
чтоб осенью тебе присниться.
Успеть вскопать весь огород —
с картошкой мы перезимуем...
А там и время подойдёт
твоим февральским поцелуям.

* * *

Ветер рвет провода,
с крыш летит черепица,
и скрывает вода
наших улиц границы.

Над степным городком
собирается лихо.
В зазеркалье окон
напряженно и тихо.

Надвигается сушь,
невзирая на грозы.
Мясорубка из душ
на пределе угрозы.

На прицеле — покой,
не задавшийся, в общем.
Мы уходим в запой,
не куем и не ропщем,

и не мелем зерно,
не читаем молитвы...
Мы попали в сезон
мировой шоу-битвы.

* * *

Нас расстреляют уже на рассвете.
Волосы треплет слепящий ветер.
День будет тих и пронзительно светел
в этом квадрате, на этой планете.

Вдруг на осколки порвутся струны,
на серых скалах проступят руны,
и поспешим мы по рельсам чугунным
в край, где ацтеки, древляне, гунны.

Алые маки покроют футболки.
Холод почуяв, завоюют волки.
Киллер ружьё захелит втихомолку
и поспешит на свою остановку.

Эти мгновенья взорвут экраны.
Мы растревожим квартиры, как раны,
где-то меж роликами рекламы
в рамках программы, не очень рано.

Зритель безмолвный за всё в ответе
крика молчанья, увы, не заметит,
качество съёмки, сюжет отметит,
сетуя вслух — у экранов дети.

И не поверив, что всё случилось,
что бесконечность в зрачок просочилась,
примем объятья листвы, словно милость,
падая в осень, что детству снилась.

Крылья к вискам тишиной прикоснутся,
звоном тяжёлым разбитого блюда.
... Надо успеть на шаги обернуться,
чтобы проснуться, проснуться, проснуться...

* * *

Сегодня длинный ровный дождь —
Степям во благо.
Прохожий улицей идет с зонтом,
Как с флагом.
Вниз не торопится вода:
У туч — одышка.
И даже снайпер не спешит
Работать с вышки.
Затихли птицы и коты.
Молчит природа.
Июль дождинками бомбит нас
С небосвода.
Уж скоро радуга весь свет
В цвета раскрасит.
И кажется: войны здесь нет
И дождь — прекрасен!

* * *

Мы живем над обрывом,
В паутине войны.
Искалечены взрывом —
Ни дорог, ни страны.
Поезда к нам не ходят,
Самолётам — запрет.
Правда, аэропортов
В городах больше нет.
Лишь бумажные крылья
В царстве вечных дождей,
А самой эскадрильи
Не найти, хоть убей.
Нету чувства полета
И вообще нету чувств.
Пусто место пилота.

Взгляд бесцелен и пуст.
 Мы давно полутени
 В оболочке людей:
 В кровеносной системе —
 Гул толпы площадей.
 Ничего не решаем,
 Ничего не решим
 Мы на глобусе-шаре,
 Что казался большим.
 В перевёрнутом мире
 Мира нет, мира нет...
 Лишь награды в турнирах
 Чьих-то славных побед.

* * *

...Пройдет два месяца еще, пройдет два года,
 Я стану старше от забот и непогоды.
 Крутись, Сансары колесо, юлою вечной.
 Путь в поднебесье невесом и бесконечен.
 Так редко путник уж томим духовной жаждой,
 Но в персональный новый мир стремится каждый.
 Доверив радости свои реке Забвенья,
 С тоской вселенскою смотрю на поколения.
 Теперь нет времени решить — злодей иль гений?
 Раздаст мальчишкам «калаши» новейший Ленин.
 Торговка-жизнь счастливый код подальше прячет.
 Корабль истории плывет, как Танин мячик.

Владислава Броницкая

Родилась в 1975 году в Харькове. Ранее не публиковалась, кроме интернет-ресурсов. Лауреат сайта «Российский Писатель» 2016 в номинации «Новое имя»

* * *

Есть земля. На которую выполз ад.
Где играют черти в кровавый дартс.
Там порою дожди. Все сезоны — Град.
На неё стекает лавой свирепый Марс.

Многоуровневых шахмат расчерченные поля.
Ставишь мат на чёрном квадрате, и — проиграл.
Голограмму в каждой клетке плаха для короля.
Офицеры, кони, пешки, ладьи — всё под огненный шквал.

Есть земля, где сменяет шахматы покер, а покер — пли,
Обретается русской рулеткой любая судьба.
Есть земля, где кровавые мальчики не в глазах. В пыли.
И кровавые девочки . . . У Кали идёт гульба . . .

Есть земля. Сказаний, историй, былин.
Волхований и ратных подвигов есть земля.
Там встаёт горой русский дух. Богатырь-исполин.
Окропляя своею и вражьей кровью поля.

Есть земля, где кружатся вороны всех времён.
Молодогвардейцы стоят, ополченцы, и Невский, и Святослав.
Все герои под крыльями Ангелов и знамён
Всех победных Русских разноимённых держав.

Есть земля, где Валькирии кличут героев на праведный бой,
И певучие звёзды намоленных старцами монастырей.

Есть земля, где раскол окаянной Руси, и Руси Святой,
Проходящий по тысячам гор, скал, морей, сердец и дверей.

Есть земля, где свобода есть — духом расти с Эверест,
Где свобода не liberty — эмансипация зверя.
Все благие порывы собирая, и праведные окрест
Всей душой милосердствуя, созидая и веря.

Есть земля, где усталого Бога встретят иначе, чем вечный жид.
До Голгофы помогут Божьему сыну вынести крест.
Есть земля, где растроганный Бог с неба плачет навзрыд
Золотыми звёздами в горести этих мест.

Где погибшие дети-Ангелы вытрут крыльями Божий лик,
Перья снегом роняя на выжженные поля.
Где Гекату кровавую сменит прозрачной луны сердолик.

Есть земля — Новороссия. Есть земля . . .

* * *

Спицей земная ось
Вставлена в русский хребет.
Вырви себе позвоночник и брось,
Или неси тяжесть всемирных бед.
Русская карма — освобождать иуд.
Крест русский — каинам доверять,
Ведать не ведая — после всегда предадут.
Но, мессианство русское не обменять.
И, не избыться. Надо тянуть, не ныть.
И привыкать жить космической перегрузкой.
Дай же мне Боже, дай же мне, Боже, быть
Дай же мне быть, как можно более русской.

* * *

Я — за красных, а ты — за белых.
Ты — за белых, а, я — за красных.
Где вершины, и где пределы
В столкновеньях смертельно опасных?
Я — отчаянной, ты был смелым.
В нашей рубке. Священной? Напрасной?
И, лилась кровь на снег белый.
И, была она ярко-красной.

* * *

Помнишь? Помнишь? В расщелинах снов,
Зов, дрожание пальцев, дробленье
На зеркальной поверхности лун...

Амальгама стекающих слов,
И греховное в рай паденье?
Ты был нежен и очень юн...

И я тоже. Потерь сто назад,
Что не вылечишь, не заполнишь.
Между нами и «Смерч», и «Град»,
И, напрасное — «Помнишь? Помнишь?»

Звёзды лились на нас. Не падали...
Бело-фосфорный фейерверк...
К злу примкнувший, ты, — в стане падали.
Мир разрушен. Наш мир померк.

Вбиты клинья последними криками
Из застенков, подвалов и рвов.
Стариковскими, детскими ликами...
Фоном — дым и разрушенный кров.

Корни памяти всех непредавших,
 Непродавших, а ставших горой.
 Свет смерть смертью своею поправших.
 Помнишь, дед у тебя был герой?

Дед...Иуда, ты это помнишь?
 Милосердствовать не умоляю.
 Если сам приговор не исполнишь,
 Ты мне враг. Я в тебя стреляю.

* * *

В этом душном подвале тесно от душ и тел,
 Давят запахи тлена и неизбежности.
 Этот день для Истории только крошащийся мел.
 Но, взрывается вечность от яростной нежности.
 Я к тебе прижимаюсь. Ты завтра погибнешь в бою.
 И меня разорвет послезавтра снарядом.
 Я пою тебя, светлой молитвой пою.
 Славься Боже за то, что хоть так, но ты рядом.
 Перепонки ушные истерзаны звуками:
 Воем, взрывом, сиренами и звонками.
 И пока мы спина к спине и не выжаты муками,
 Сквозь одежду целуемся позвонками

* * *

Длятся танцы войны...Смертельная пантомима.
 Нестерпимо. Совсем без конца. До скончания.
 С немотой лицемерной продажного мима
 Мир взирает спокойно на наше отчаянье.
 Где же сила и праведность Третьего Рима?
 Только гибель Донбасса — твой, Москва, приговор.
 Это, Господи, даже тебе не Цусима.
 Это так не по-русски, твой вечный позор.
 Током бьёт, как на стуле от одесского стрима,

Из донецкого морга фотографии — взрыв...
Вот он — Света конец. Что проходите мимо?
Вам ванили и глянца? Не кровавый нарыв?
Так распятая атомом Хиросима
Своим пеплом взывала и стонами к небу,
Так ливийцы и сербы неотвратимо
Возносили свою погребальную требу.
Так донбасские дети, калеки, сироты,
Те, кто ангелом стал, ходят кругом незримо.
Их уже города, их — бессчетные роты...
Как живёте? Ведь это же — не выносимо!
Горе горькой бедою уже не поправить.
Боже, как нестерпимо, как здесь нестерпимо!
Только уехать, землю оставить
Невыносимей, чем невыносимо...

* * *

Не пушу. Путь закрою. Под ноги брошусь коню.
Сброю спрячу. Зарою меч.
Душу выплачу. Тело в руки тебе уроню.
Как, любимый, тебя мне сберечь?
Семь свечей я поставила. Стало шесть.
Автомат ли, кольчугу ли, бронежилет
Отниму — стрелы, копыя, снаряды — какие есть
Заговорами тысячи лет.
Зацелую тебя, заласкаю в ночи,
Сон-траву заварю, мяту и горлицвет.
Ты не можешь оставить меня. Вот ключи.
К счастью. А на войне их нет...
Нам с тобою не в землю, а жить на земле.
Не пушу на войну. Ты погибнешь — я сгину.
Но, земля в кандалах, но земля в кабале.
Смотрит Родина с горьким укором мне в спину.
И иные слова из кургановых вен,

Из священных камней, из небесного сока
Льются горлом моим. Поднимай же с колен
Нашу землю. Её защищай, Светлый Сокол.
Будь же ровней героям. Будь предков достоин.
Битвы Вечной. Священной и Ратной.
Будь скалою, будь твёрже гранита, мой воин.
Но, живой возвращайся обратно.

Светлана Сеничкина

Поэт, переводчик, литературовед, публицист. Родилась в Луганске. Окончила Луганский университет им. Т. Шевченко. Автор двух книг стихотворений, широко публиковалась в периодике Донбасса и России, коллективных сборниках. Лауреат литературной премии партии «Справедливая Россия». Член Союза писателей ЛНР. Член редколлегии луганского литературного альманаха «Крылья». Живёт в Луганске.

* * *

Как странно осознавать,
что те, кого я помню детьми, — уже взрослые люди,
что тех, кого я помню живыми, — уже больше не будет,
что дорожку, по которой я ходила в школу, убрали,
и теперь там парковка.
Что не просто меняются вывески, песни и даты —
сменилась эпоха.

* * *

И кажется, мы все уже привыкли,
Что в новостях расскажут про обстрелы,
К свечам на аватарках и иконам,
К молитвам, что кого-то не спасут.

И кажется, что мы уже не плачем.
На всех воды и соли не хватает,
Ведь за два года вышли все запасы,
Остались лишь глубинные пласты.

И кажутся теперь попеременно
Нелепою иллюзией и бредом
То мирный быт, где дети, дом и ужин,
То дикость и безумие войны.

Мы кажемся героями кому-то,
 Другим — скотом, недолюдьми, врагами,
 Кому-то — даже выдумкой и фейком,
 И каждый твердо убеждён в своём.

Мы ничего наверняка не знаем,
 Но от того не перестанем верить.
 Сидя в подвале и не видя неба,
 Не перестанешь верить: небо — есть.

* * *

В то странное, безумное лето,
 Птицы и люди на улицах редкими были.
 Не было ни телевизора, ни интернета,
 А лишь одна-единственная газета —
 Листовка формата А4.
 Отодвигается, прячется в памяти это:
 Дни без воды, ночи без света.
 Давно уже выброшены поржавевшие снарядов осколки,
 Давно заполнились супермаркетов полки.
 А люди ныть и жаловаться куда больше стали.
 И потому, наверное, чтобы не забывали,
 Стоит дом с проломленной крышей — через дорогу,
 А школа без окон и с дырами — напротив,
 Спрашивают строго:
 «Ах, вы очень плохо живёте?»
 Глупые, вы ведь живёте...»

* * *

Этого не должно быть.
 Но это всё равно есть.
 Поезд не остановить,
 И на ходу не слезть.

Можно, конечно, прыгнуть,
Вот только выживешь — вряд ли.
Пройдет сто лет,
И мы снова наступим на эти грабли.

* * *

Каждый вечер воеет собака:
Об уехавшем в Киев хозяине
И о том, что всё в жизни неправильно,
Сколько ты на неё не гавкай.
Каждый вечер темна так улица —
В трёх домах лишь окошки светятся.
Кто-то верит, что будет лучше всё,
А кому-то уже не верится.
По утрам вновь на почте суетно:
Кто за пенсией, кто с коммунальными,
А вот школа второй год пустует
И печально глядит провалами.
Заросли так пути трамвайные,
Будто их тут вовек и не было.
Всё меняется. И не знаем мы,
Что там дальше в планах у неба.

Виктория Мирошниченко

Поэт, переводчик. Родилась в Луганске в 1962 году. Окончила Луганский мединститут. Работает врачом. Автор нескольких книг, публиковалась в периодике и коллективных сборниках Донбасса, России, Украины. Член Союза писателей ЛНР. Живёт в Луганске.

* * *

У событий есть ночь и есть день,
Есть подкладка, изнанка, лицо.
Есть у гениев злобность и лень,
Притягательность — у подлецов.
Есть в тылу всяких славных властей
Окаянных голов арьергард,
И у каждой из спящих страстей
Есть свой Нельсон и свой Троффальгард.
Есть у каждой строфы свой размер,
А в огне безутешных утрат
Каждый близким своим — Робеспьер,
Каждый сам для себя — Герострат.
У воздвигнутых памятью стен —
Осаждающих яростный стон:
Есть у каждого свой Карфаген,
И для каждого свой Рубикон,
И тихонько шипит на ушко
Каждой Еве назначенный Змей,
И находится слишком легко
Свой Везувий для новых Помпей.
Для волхва — непременно звезда,
А для Авеля — посланный брат,
Непременно для Ноя всегда
Вновь отыщется свой Арарат.
На скрижалях горят письма, на
Остывая с течением дней:

Каждой крепости припасена
Пара-тройка Троянских коней,
непременный для счастья — Гефест,
Для Икара — свободный полёт!
Есть у каждого собственный крест,
Да не всякий его донесёт...

* * *

Стук молотков, как выстрелы в спину.
Прижму ладони к ушам устало...
В который раз распинают сына.
Теперь — на горькой земле Цхенвала.
Распятъя гордо надев на шеи, -
Чем не языческие пираты? —
Вас, ставших первыми, иудеи,
Ученики превзошли стократно.
Чего хотите? Почёта, славы?
А тяжела ведь волна проклятья.
Венец презрения — вам по праву,
Поднаторевшие на распятъях.
Набить карманы поторопиться?
Во что оценены души павших?
Не наживётесь: их только тридцать.
Навеки тридцать на всех предавших.
Из слёз и крови, руин, агоний
Встаёт любовь так легко ранима...
Надежда тянет ко мне ладони
С полотен Босха Иеронима.

* * *

Мы только первый круг прошли, —
И сдали нервы, —
Рискнув вращением Земли
На круге первом...

Теперь заходим на второй,
 Взяв темп «andante».
 — Что посоветуешь, герой?
 Безмолвен Данте.
 Пусть сплав амбиций — наш вожак
 И кодекс спеси,
 Свои сомненья, как пиджак,
 На стул повесим.
 На круге, на очередном
 Расправим плечи.
 Повозку совести — вверх дном!,
 И станет легче.
 Вмиг зубы сцеплены и вмиг
 Ладони сжаты.
 Без путеводных карт и книг,
 Без провожатых,
 Без пунктов следования, мест
 И без билета...
 Что тяготит и надоест —
 Уносит Лета!
 Безликость сомкнутых рядов,
 На душах — камень.
 Пусты глазницы городов,
 Набитых нами.
 И Провидения рука
 Дрожит в испуге...
 Всё обойдется. Мы пока
 На первом круге.

* * *

Мы — Донбасс, нам сетовать негоже!
 Погасив огни, в кромешной мгле
 Боль и горе мы впитали кожей
 В двадцать первом веке, на Земле...

Нам в лицо стреляла Украина,
Множила бесславы на бои...
А потом легко, по-братски, в спину
Добивали «близкие» свои:
Все, кто наживался на разрухе,
Разбивал, громил и «отжимал»,
Воровал тушенку у старухи
И спускался зверствовать в подвал...
Будем жить... Не ради звонких мифов —
Жалок сфабрикованный заказ!
Мы соединились с русским миром,
Слово «мама» молвив в первый раз.
Ради тех, кто в плохонькой землянке
Ждал свой первый и последний бой,
Кто вставал с «лимонками» на танки,
Чтоб хоть пядь земли закрыть собой.
Тех, кто раны шил своим и пленным,
Открывал в блокаду закрома,
Кто о сводках сообщал военных,
Свет и воду возвращал в дома,
Кто скончался от битвы и пыток,
Без вести пропал в недобрый час...
Видимо, «свидомости» избыток
Украина бросила в Донбасс!
Ради всех, кто — верю — не напрасно
Обрели покой в моей земле,
Звёздами горят огни Донбасса,
Освещая путь в кромешной мгле.

* * *

Я не люблю пустых зевак,
Бродящих в праздном любопытстве,
На раны города с бесстыдством
Поглядывая просто так.

Слывя заложником в АТО,
 Мой город плакал мне в ладони,,,
 И не было обид бездонней,
 Когда он повторял: «За что?»
 Он — не преступник, он — солдат,
 Он, не стыдясь своих увечий,
 Пытался так по-человечьи
 Осмыслить: «В чем я виноват?»
 И, не прося прощенья, нет,
 А просто зубы сжав покрепче,
 Набросив камуфляж на плечи,
 Он подготовил свой ответ...
 Ты пережил со мной грозу,
 Мой город — раненая птица.
 Храню твой сон, сомкни ресницы,
 Смахнув дождинку, не слезу...

* * *

Любовь покинула страну,
 А, может, землю...
 От безысходности вздохнув,
 Планета дремлет.
 А сны страшны и тяжелы,
 И в них упорно
 Трясёт безумие войны
 Штандартом чёрным.
 Зауспокойную живым
 Там служат мессу,
 А разум разъедает дым
 Карманной прессы,
 И тьма не ведает границ...
 Но вдруг однажды
 Ворвется стая белых птиц
 Лучом отважным

И опояшет шар земной
Теплом и светом.
От колыбели ледяной
Спасёт планету.
И вспыхнут дали впереди
Ясней и проще,
Узнают летние дожди
Её наощупь.
И тихо по аккордам фуг
Под смех прелюдий
Любовь вернётся к нам, мой друг,
Вернётся к людям.

Владимир Скобцов

Владимир Скобцов — поэт, писатель, журналист, член Союза писателей Донецкой Народной Республики. Родился в 1959 году, живёт в Донецке. Стихотворения вошли в сборник гражданской поэзии Донбасса «Час мужества», выпущенный Фондом «Русский мир» и получивший в 2015 году национальную премию России «Книга года» в номинации «Поэзия». За два года войны автором написан цикл стихотворений, вошедший в книгу «Непокорённый». Юнна Мориц в предисловии к этому изданию назвала автора «легендарным Орфеем Донбасса» и высоко оценила поэзию сопротивления, отображающую волю народа Донбасса, его исторический выбор

НЕПОКОРЁННЫЙ

Не надо плакать над судьбой,
Прибереги души чернила,
Она тебе не изменила,
Она по-прежнему с тобой.

Звенит натянутой струной
Судьба, её не выбираем,
Между чистилищем и раем
Скажи спасибо, что живой.

Не надо плакать над страной,
Где слёзы ничего не значат,
Она, поверь мне, не заплачет
Ни над тобой, ни надо мной.

Незванным гостем в дом родной
Уже грядёт иной порядок,
Где человечины вкус сладок,
Скажи спасибо, что живой.

Не надо плакать над собой —
Солдатик, вышедший из комы,
Сказал, что там полно знакомых,
Как будто съездил он домой.

И над твоею головой
Склонился ангел поседевший —
Не ты один осиротевший,
Скажи спасибо, что живой.

МОЙ РАЙ

Мой рай, мой край. Об этот край суровый
Ломают копья, расшибают лбы.
Я создан из его любви и крови,
Труда и воли, слова и судьбы.

Его судьба — нелёгкая дорога,
По ней он шёл, не полз и не петлял.
В лицо он видел дьявола и Бога,
Пред ними не скулил и не вилял.

Был столько раз оболган, продан, предан...
Лицом к беде, у смерти на краю,
Он никогда не называл соседом
Родную мать и Родину свою.

Он прям, упрям, он твёрд, не терпит лени,
Он бил всегда за подлость по зубам,
Он никого не ставил на колени,
Поскольку никогда не станет сам.

НЕ ИЗМЕНИ

В который век в рассветной мгле
Тебя сирены вой разбудит,
Не измени своей земле,
А остальное — будь, что будет.

Когда накроет тьма зенит,
Душа оглохнет от орудий,
Своей земле не измени,
А остальное — будь, что будет.

Когда страна твоя в огне,
И слёзы горя не остудят,
Не измени своей земле,
А остальное — будь, что будет.

Тот, кто останется живой,
Пусть наши судьбы не осудит,
Я буду чист перед тобой,
А остальное — будь, что будет.

БЛОКАДНАЯ

Быть могло ли по-другому?
Кто б подумать мог когда-то?
Вышли мальчики из дому,
Ушли мальчики в солдаты.

И с девчонками простились,
Пусть по моргам их не ищут,
И зубами в грунт вцепились
За родные пепелища.

Шаг из мальчиков в мужчины,
Дан приказ: «Готовься к бою!»
В облаках шеренгой длинной
Строй с короткою судьбою.

Приползти к тому на паперть,
Кто на небе ставит свечи.
Отмолить бы их, отплакать.
Слёзы выплаканы. Нечем.

Ещё будет, как когда-то,
Если будем ещё целы,
Веселить гроза раскатом,
Плагиатом артобстрела.

Если будет. Я не знаю.
Загадай, пока не поздно.
За окном уже стреляют
В беспилотники и звёзды.

ОГОНЁК

С неба уголёк, не сберечь висок.
Прочь ушла душа, да, видать, не вся.
Заходи, судьба, к нам на огонёк.
Не надолго — так позабавимся.

Что мне амулет, если рикошет,
Ловишь на живца, на себя, глупца?
Эй, таможенник, пропусти рассвет!
Да таможенник не старается.

Хоть на полчаса, на минутку хоть,
Лентам трассеров не видать конца,

Ты на огонёк загляни, Господь!
Ненадолго, так, позабавиться.

Как люблю её, знает Бог один,
Перед нею мне не раскаяться.
Как сберечь её, знает чёрт один,
Вот сюда б его! Не является.

То ли волком выть, то ли песню петь,
То ли в небо масть, то ли наземь пасть.
К нам на огонёк заглянула смерть.
Ненадолго, так, позабавилась.

ЧЕТВЁРТЫЙ ВСАДНИК

Ни отпито, ни отпето
За блокпост прорвалось лето
На юга.

К Рождеству пустые ясли,
И что будет, нам не ясно
Ни фи́га.

Веселится где-то лето,
И смеётся счастье где-то,
Да не здесь.

И не то, чтоб денег нету,
Я вернул судьбе билеты —
Совесть есть.

Над растяжек паутиной
В небе стаей журавлиной
Чей-то вздох.

Если есть ты, то послушай,
Как к тебе взывают души
Наши, Бог.

Море жизни не безбрежно,
То ли праведно, то ль грешно,
Жил не так.

Когда сунут в спину нож мне,
Дам Харону на таможне
Не разменянный пятак.

Позолоченную осень
Мародёр в мешке уносит
В никуда.

Жёлтый лист дрожит в оконце,
Под прицел заходит солнце
Навсегда.

Грянет выстрел в синей выси...
Я искал тебя полжизни,
Да не там.

Ты бежишь ко мне босою,
Бледный всадник за тобою
По пятам.

Александр Сигида

Поэт, публицист. Член Союза писателей России, Союзов писателей Луганской и Донецкой Народных Республик, Межрегионального Союза писателей. Лауреат литературных премий имени Михаила Матусовского и «Молодой гвардии»; лауреат международных фестивалей поэзии; основатель творческого объединения СТАН (Луганск), проекта «Территория слова». Организатор I поэтического фестиваля «Краснодонские горизонты-2009», Республиканского фестиваля «Муза Новороссии» (2014-2019). Печатался в альманахах ТО СТАН и «Радуга», журнале «Склянка Часу», альманахе «Свой вариант», антологии «15 веков русской поэзии» (Москва), сборниках: «Ожог», «Час мужества», «Строки мужества и боли», «За други своя», «Время Донбасса»; журналах: «Родная Ладога», «Невский альманах», «Всерусский собор», «Александръ» и др. Молодогвардейск (Атамановка), ЛНР

ЦИКЛ «ВМЕСТО РЕПОРТАЖА»

(потом)

этой весной соловьи не пели,
зато научились высвистывать пули,
они выбирали высокие цели,
но промахнулись и обманули.

а мирные птахи летели мимо
и представляли собой мишени,
садились плотно шальные мины,
рвались в районе «большой кишени».

06.06.2014

(под обстрелом)

громы побили все нормы — ради каких-то наград...
(рвутся снаряды и бомбы — это работает «град»)

злые хозяева рады — раб добивает раба...
(воют собаки да бабы, и догорают хлеба)

мины-патроны-гранаты ревом пугают ворон
(лезут поганые гады танками с разных сторон)

взрывы и справа, и слева; (или — ну — все-таки гром?)
(если расколется дерево, рухнет заброшенный дом)

строчки из старой анкеты или лихая судьба?
(лишь полевые букеты да пулевая стрельба)

*На рассвете 4:30
(04.07.2014 г. Краснодар)*

5 июля 2014

режет морозом по коже музыка ржавых петель;
(сделался фразой расхожей список немирных потерь)

лица соседей суровы — тут по-другому нельзя;
(дети, родители, вдовы да ополченцы — друзья...)

слёзы смахнули подруги — нервы запели струной;
<за боевые заслуги перед родной стороной>

6 июля 2014

это не игрушки и давно не сон...
(потянулись пушки через Краснодар)

душу рвет на части евро-гуманист...
(обстреляли Счастье — прут на Металлист)

опустел поселок — побежал народ
(залетел осколок камнем в огород)

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

I

веришь фотоснимку или на словах?
(...и лежат в обнимку в придорожных рвах)

поворот на Счастье кто-то подсказал...
(самолет на части — в дым автовокзал)
лупит не по-детски горе-самолет

(парень из Донецка в Киев не идет)
помощь из Иркутска шлют на Волгоград...

(парубОк из Луцка заряжает «град»)
террорист жестокий не пошел на Львов...
(на юго-востоке всем хватает рвов)

II

лезут из Европы рыцари плаща...
(ямы да окопы роем сообща)

вместо похоронки, червь получит корм
(...водрузят обломки на могильный холм)

эти обелиски на манер креста
(ни к чему «зачистки», если пустота...)

«кто бомбил Тернополь? — Пять шагов вперед!»
(поезд в Симферополь больше не идет)

кто составил списки и готовил пир?
«сообщите близким кто кого убил».

III

...свежая воронка где стоял блокпост;
(там бензоколонка кладбище и мост)

жителей пугали образом врага
но не помогали вилы и рога...

ворогу в угоду жить под градом пуль?
(отключили воду — на дворе июль)

закатал бульдозер в землю огород;
испарились слёзы и соленый пот

<бомбовоз> уводят на второй заход
на Донбасс вернулся 41-й год?

IV

авиатор видный как тебе взбрело
под огонь зенитный подставлять крыло?

кто считал убытки поощряя прыть?
удались попытки небеса закрыть

<грузовик> пузатый искупил грехи —
рухнул за посадкой и десант погиб;

где-то в Павлодаре бабы голоса...
(авиаудары больше не грозят)

вопли просочились кровью в вышину;
по утрам учились слушать тишину

V

супостат проклятый лезет напролом
(заменял лопату примитивный лом)

что искал в обломках западный эксперт?
(чёрным похоронкам ни к чему конверт)

догорает тополь прямо у ворот
(добровольной <опой> тешится народ...)

родовая память правду говорит;
(добываем камень для могильных плит)

рушили могилу древнего царя
чтоб проверить силу камня-дикаря?

VI

рядом с баррикадой догорел костер;
(извели блокадой братьев и сестер)

поздно или рано — сколько съел пудов?
(поражают раны наших городов)

требуйте свободу у своих властей;
(лопаются сходу крылья лопастей)

корчивший дракона выронил штурвал;
(к нашим терриконам вас никто не звал)

прошлому нелепо карами грозят;
(падающими с неба нет пути назад)

06.07.2014

17 июля 2014

начал лютую бойню
новоявленный хам
(разбомбил колокольню —
помешал ему храм?)

горек сделался пряник
если выбрали кнут
(после воя и паник
реки вспять потекут)

современные зомби
над лугами парят...
прямо в купол часовни
направляя снаряд

* * *

*Светлой памяти А.А. Гизая,
погибшего 2 июня 2014*

там — на картинках — красивые горы
гордые профили дремлющих скал
(тут — бесконечное личное горе
и бесконечный смертельный оскал)

головы молча склоняя над гробом
нам остается продолжить борьбу
(грозный салют отзывается громом
сопровождая жизнь и судьбу)

вот и дожили до грозного часа —
к нам возвращается время потерь...
(горы Афгана и степи Донбасса
соединились навеки теперь)

23.07.2014

Репортаж

ходит ходором кровать —
лупят по «зеленке»
:(научились воевать
в пунктах населенных)

...ждут в убежищах сырых
бомбы да обстрелы
:(завалили пятерых
в «доме престарелых»).

догонять, просить и звать
не позволят взгляды
:(довелось-таки узнать,
как свистят снаряды)

(22:00 — 23:00 29.07.14
пос. Атамановка)

Елизавета Хапланова

Елизавета Хапланова — поэт, публицист, краевед. Член Союза писателей России, Международной славянской литературно-художественной академии, правления Межрегионального союза писателей. Автор семи поэтических и публицистических книг. Публиковалась в журналах и коллективных сборниках «Молодая гвардия», «Отечественные записки», «Пересвет», «Александръ», «Северомуйские огни», «Русское эхо», «Таврия литературная», «Строки мужества и боли», «Выбор Донбасса» и др., соавтор сборников «Позывной-Победа», «Стихи из огня», «Порохом пропахшие слова» и антологии современной патриотической поэзии «ПоЗЫВной — Победа!». Редактор-составитель нескольких литературных альманахов, гл. редактор альманаха «Литературная Макеевка» (ДНР), зам. редактора журнала «Пять стихий» и газеты «Новый горизонт». Лауреат литературных премий им. О.Бишарева, им. М.Матусовского, им. Молодой гвардии и др. Автор и ведущая литературно-музыкального проекта «Слово Донбасса», проводимого Союзом писателей России.

БЬЮТ ПО ЦЕНТРУ

Бьют по центру, по самому центру Донецка.
Щедро в город «подарки» летят, по-соседски.
Город роз «лепестками» усыпан, — и осень
Не спешит в эту «зелень» листву свою сбросить...

Здесь когда-то, счастливые, шли мы с тобою.
Всё разрушено нами, добито войною.
Эти тропки... река... и плакучая ива... —
Всё о нас, всё о том, что по-прежнему мило.

В центр города целится враг наш незримый.
Центр сердца пробит тем, кого я любила.

Не осталось эмоций, лишь бремя потери...
 Бьют по центру. И цифры потерь не измерить!

Всё смешалось — война и разбитые чувства.
 Под ногою моею иллюзии, хрустнув,
 Разорвались... Иллюзий теперь — ни процента!
 Бьют по городу сердца... по сердцу... по центру...

НЕ ПОДВЕДИ

*Сапёрам, работающим в центре
 Донца этой ночью...*

Будь осторожен, мальчик.
 Мина хитра и алчна.
 Не подведи, родимый, —
 Взгляда не отводи...
 Воздух смертельно-чёрный.
 Сапёры, что в улье пчёлы.
 Час неисповедимый
 В траур Донецк рядит.

Шаг — и ещё отметка:
 Зорко, надёжно, метко
 Трудишься разводящим
 Беды своей рукой.
 Будь осторожен, мальчик.
 Тикает сердце-датчик.
 В самых глубоких чашах
 помни, что ждут домой...

За световой полоской
 Следуешь чётко, жёстко.

Чтобы остаться целым,
Хватит ли фонаря?..
Город застыл в молитве,
Ты продолжаешь битву.
А за земным пределом
Звёзды и сны горят.

ОТКРЫТАЯ РАНА

Убитый, убитый, убитый. И снова — убитый.
Устали считать мы... Устали читать мы молитвы.
Убиты на лавочке, в сквере, в дороге и дома
родные, знакомые... или родные знакомых.

На детских качелях кровавые пятна застыли.
Здесь Маша и Владик кататься когда-то любили...
Вчера улыбались — назло постоянным обстрелам,
Сегодня ушли по ступеням пушистым и белым.

И снова: убиты, убиты, убиты, убиты...
Донецкий бассейн стал огромною раной открытой.
И это уже никогда не восполнить словами,
ни казнью виновных, ни даже благими делами.

Убитый... Убитый... Убитый... И снова — убитый...

МАРИУПОЛЮ

Не хочу вспоминать, кто на чьей стороне.
Не хочу ни винить, ни жалеть.
Мариуполь, ты плавишься в этом огне,
Где мерилom неожиданная смерть.

Сердца зрение с каждой минутой острей,
 Предо мною — пылающий стан.
 Мариуполь, донецкой войны Колизей,
 Возрождения образом стань!

Там, в пучине твоих нестигаемых дней,
 Моя детская память живет.
 Там — мой брат... И могилы родных мне людей.
 Там — мой сильный и храбрый народ.

И в одном из укрытий, где нет тишины,
 Посреди полыханий огня
 Есть девчушка, что возрастом младше войны,
 А назвали её в честь меня...

Так за девочку эту, за наших детей
 По пришедшему в город врагу
 Ты отчаянно, яростно, горестно бей,
 На азовском держась берегу.

Здесь никто из солдат не посмеет назад,
 Защищая твой порт и завод.
 Ведь незримо в строю и погибший Мазай*,
 Весь Донбасс, и весь русский народ...

* Мазар Мазай — сталевар Мариупольского металлургического завода имени Ильича, в 1941 году после длительных жестоких пыток был расстрелян за отказ сотрудничать с немцами.

ДОМ

Всё теплее воздух за окном.
Майский вечер шире и светлее...
Я молюсь за опустевший Дом
Так усердно, словно старец в келье.

Потому что должен быть у стен
Запах жизни, отпечаток счастья.
Чтобы мотылёк в окно летел
И касался тонкого запястья...

Чтобы дом не знал отныне бед,
И весну приветствовали птицы.
Чтобы поистерся горький след
в душах тех, кто всё же возвратится...

ЖАТВА

Смертоносная жатва осени,
приближающей «Час Быка»...
Все мы нищие, все мы босые...
Но крепки и рука, и строка.

Все мы странники безнадёжные
по дороге в небесный край.
И бредём к Алтарям... безбожные.
А не спрятался, — погибай.

Нам привычно пером и шпагою
выбирать свой дальнейший путь.
Но взлетает Душа — не падает... —
когда пуля достанет грудь.

Все мы держимся эфемерностью,
иллюзорностью бытия...
Только б нам доставало смелости
застилать свою жизнь в поля.

Смертоносная жатва осени...
Надо выдержать новый бой.
Под наркозом ли... под колёсами... —
не раздавлены под пятой!

И не каменные, не свинцовые,
не металлом влитые в жизнь, —
Будут розы цвести — садовые! —
словно символ: «Донбасс, держись!».

Сколько жатва ещё протянется? —
Всё мы выдюжим, вот те крест!
Не бывало, чтоб Каин каялся.
Но распятый-то Сын воскрес...

«Час Быка» невозврата точкою
отмечает ладони нить.
Но Донбасса сыны и дочери, —
вот те истина! — будут жить.

ВОЙНЫ ВАЛЮТА

*Памяти Арсения Павлова
(«Моторолы»)*

Наша Жизнь — войны валюта.
С ней играется иуда,
Ценность понижая круто —
До немыслимых границ.
А на небе кружит ворон —
Вдовы воют дружным хором...
Проросли гнилые зёрна —
И взрастили... аушвиц.

Меньше нас ещё на брата —
Покидают мир комбаты...
Там — парады. Здесь — награды
лягут холодом на грудь.
В люльке — сын, малышка — дочка
Не помашут вслед платочком...
Роковой осенней ночью
Отбыл он в последний путь.

Кривоногая с косою
На Донбасс идёт войною.
И, рядком могилы роя,
На крови играет пир.
Над земной непрочной твердью
Кто-то яро крутит вертел,
Чтоб обрёл своё бессмертье
Рядовой и командир.

А ГОРОД МОЛИТСЯ...

Из воспоминаний очевидца: «...19 января 2015 года, в праздник Крещения Господня, мы выехали на аварию в поселок Октября. Там загорелся газопровод высокого давления. Ребята с большим трудом устранили серьезнейшую аварию. Но тогда меня потрясло происходящее совсем рядом... Недалеко от места аварии располагается ставок, где в тот момент проходил обряд водокрещения. Продолжается обстрел... над головами молниеносно несутся снаряды... в двух шагах от людей горит газопровод... А люди, жители нашего города, смотрят в небо, крестятся с молитвой на устах и входят в освященный водоём. Тогда я подумала: «Наш народ, такой народ, победить невозможно!»...

Крещенским холодом,
Позёмкой белою,
Сырым убежищем... —
Тот год запомнится.
Летят над городом,
Смеясь над верою,
Снарядов полчища...
А город — молится.

И в день Крещения
К обряду вечному
Идёт народ честной —
И души полнятся
Церковночтением
и чудом вечера...
А рядом — снова бой.
И город — молится...

Накрыта истина
Пластом насилия...
Но души веруют,
Что Свет откроется! —
С такими мыслями,
И силой сильною,
И светлой мерою
Наш город молится!

ЭХ, ОРЛОВКА*

Эх, Орловка... Пули да винтовка.
Лязгают затворы. Падают рубли...
За кровавой сценой — Лондон, Бостон, Вена...
Кукловоды платят за дела твои.

Эх, Орловка. Глупая головка.
А могла давно бы быть в родной семье.
Но в болящем теле винтики засели —
И грохочут пушки в маленьком селе.

Ты бы огляделась, в чьи цвета оделась.
Ты бы присмотрелась, кто в тебе сидит.
Эх, Орловка... Пули да винтовка.
От тебя дорога по́ небу дымит.

В тополях раздетых, словно эполеты,
Словно эполеты, листья догорят...
Подмогнёт Орловка, пули да винтовка, —
Точно над ветвями пролетит снаряд.

* Орловка — село в Ясиноватском районе, Донбасс. В настоящее время занята украинскими формированиями.

В сердце у Донбасса — бьётся прах Клааса.
 Лики убиенных высший суд вершат.
 Эх, Орловка... Бьёшь ты без умолку...
 Но за всё ответишь, тёмная душа.

КУСОЧКИ

Господи, укрепи моё сердце... —
 Оно бьётся тысячами рваных кусочков.
 Первый оторвался ещё в четырнадцатом... Ночью
 Мне приснился взрыв, он разнёсся множеством терций.
 В то утро всё начиналось, всё было — о смерти.

Второй отлетел, ударившись в подреберье,
 Когда смерть стояла за моей дверью.
 За окнами разрывались фугасы,
 Не спалось, и служителями в чёрных рясах
 Казались ночные тени...

Отрывались кусочки — друзья, товарищи, близкие —
 Превращались в светлое прошлое...
 Их имена и могилы по артериям сердца, как хлеб,
 раскрыты.
 Их строки и судьбы мне доживать — пока жива...
 Восемь бессонных лет я выжигала из сердца слова.

Больше слов не осталось.
 И кусочков — всё меньше и меньше...
 Господи, укрепи... соедини... Уменьши
 Память мою!

А, впрочем, нет... — ни за что на свете
 Мне не забыть, как земля стонала по детям,

Как она принимала в себя осколки и кровь.
Господи! Укрепи...
Помоги не разлить эту боль.

РЕШАЮЩИЙ ЧАС

Россия, принимай своих детей!
В эпоху небывалых скоростей,
В эпоху непредвиденных потерь
Положено держать открытой дверь...

Россия, принимай себя саму.
Тебе ль не знать тюрьму или суму?!
Мы за тобой — на бой, на эшафот.
Но лишь вперёд, всегда идём вперёд.

Россия, ты на каждого одна.
И матушка, и дева, и жена...
Ты и ведёшь, и прикрываешь тыл.
И куполом сияешь золотым.

И отблеск боя — в русских куполах...
Идём к тебе, Россия, не за страх,
А потому, что глас родной земли
У каждого и в сердце, и в крови.

Мы в этот час стоим сплошной стеной —
И ты, страна, за каждую спиной.
Врачей, шахтеров и учителей...
Россия, принимай своих детей!

ПУБЛИЦИСТИКА И КРИТИКА

Памятник современным защитникам Краснодона

Луганская Богородица

Светлана Савицкая

Генеральный куратор проекта «Золотое перо Руси», автор пяти фундаментальных философских энциклопедий и семи военно-исторических романов

БЛАГОСЛОВЕНИЕ МУДРЫХ

Две задачи: Демилитаризация и Денацификация в современной военной операции, — носят символ Z не случайно. Об этом подробно рассмотрено в Энциклопедии символов управления «Славянский выбор», в главе о расшифровке АзБуки. Буквица З была представлена древними не одним знаком, а двумя: Зело, Земли. Так вот, буква Зело — это и есть Z.

Недаром мною, как доктором философии, 20 лет назад zeloma@ было выбрано на рабочий электронный адрес. Зелома — она же целома, чело — уникальна.

Слова «целома» нет у В.И. Даля. Но есть у Брокгауза и Эфрона. Это некая энергетическая защитная оболочка тела (одушевленного или неодушевленного, в том числе и космического), защищенная единым внутренним разумом. Зелома видит мир не фрагментарно, а целиком. Сейчас внешне с помощью приборов видно свечение тела. Этот свет и есть целома. Целома — невидимый внутренний свет, в отличие от видимого «ур».

Причем, видение предметов наблюдается исключительно «челом» — третьим глазом, находящимся в межбровной дуге.

Целомудрие — исконный характерный признак нашего народа. Наша традиция — не рушить энергию собственной целома ради целостности семьи. Рода. Государства. Отсюда слово — Цель. Целома наблюдается у святых людей буквально вокруг головы (чела), у планеты она — атмосфера.

У России она охраняется тремя союзниками: Русской Армией, Русским Флотом, Русской Литературой, представленной в этом сборнике.

Наше слово «Культура» непереводимо ни с одного языка, кроме русского (этрусского). «Культ» — поклонение, «ур» — свет, «ра» — бог. Культура — поклонение свету бога. УрРа! — клич буквально означающий «Свет Ра», то есть «Свет Бога», что равнозначно защите Бога. И «челоме»-«целоме» — разумная защита нравственности и морали.

А теперь напрягайте глубинную память и вспоминайте! Инстинктивно любой священник в храме рисует кисточкой с водой знак Z, когда крестит прихожан. Это происходит точно так же, как знак рисует славянский герой, защищая по легенде несправедливо обиженных. Как и любая славянская мать в деревнях вместо креста рисовала в дорогу символ оберега — букву Z!

Слова «земля» стоит рядом с целомой, ибо смысл расшифровки Глаголицы — это единое предложение. Как «како ижен иже червь» (расшифровывается «как снаружи, так и внутри»), как «Наш Он» (расшифровывается «Бог создатель Вселенной, он же и есть наш славянский Бог») стоят рядом, так и «Зело Земли» соответственно тоже. Значение выбирайте сами. Этим может быть в АзБуке и «энергия земли», и «единение земли», и «целостность земли», и защита, и её разум, если хотите.

Поэт в России всегда был больше, чем поэт. Ибо он философ. Зелома Земли. Он несет ответственность не только лишь за тот город, в котором живет, но и за всю России и за Весь Наш Славянский мир. И за планету. Не раз мы защищали её от сил зла. Это наш Славянский выбор.

Наш Президент выразил долинный этот смысл двумя словами «демититаризация и денацификация». «Люди Мудрые» это поняли. И поддержали.

Ведь мы получили БЛАГОСЛОВЕНИЕ МУДРЫХ еще 7 тысяч лет назад, когда учили клятву — она же наша всеславянская простая детская АзБука! И буква Зело в ней ключевая, поворотная!

Ликуйте, братья и сестры! Мы наблюдаем удивительный поворот в истории. Так пусть же мир будет спасен нашей Культурой! Ура!

Сергей Николаевич Прасолов

Публицист, писатель, заведующий Русским центром ЛРУНБ имени М. Горького. E-mail: suchodol58@yandex.ua

МИР ПОСТПРАВДЫ: ТЕХНОЛОГИИ РАЗРУШЕНИЯ РАЗУМА

Перефразируя известные слова Андрея Платонова о бережном и медленном чтении книг народом, можно сказать, что весь свой умственный словарь род человеческий создаёт бережно и медленно, потому что «знает, сколько надо претворить, испытать и пережить действительности, чтобы произошла настоящая мысль и народилось точное, истинное слово». «Претворение» действительности требует опоры на что-то истинное в ней самой, что подобно болотным огонькам не ведет в болото неопределённости, а служит для нас зеркалом бесконечного мира, делающим наше сознание сознанным бытием.

Владимир Даль определяет слово «правда» как «истину на деле». Словарная статья, конечно же, не является философским определением понятия, но всё же указывает на то, что различие между разными «правдами» лежит не в головах, как бы убедительно каждая из них ни отстаивала свою, а вне их — в самораскрытии объективной реальности. Чья правда оказывается истиной на деле, то и есть правда. Правда в головах или на словах, чтобы быть правдой в собственном смысле, ещё должна стать истиной на деле, истиной в действительности, а не только в нашем воображении.

Мы живём в мире, где манипуляции общественным сознанием изошрённо заглушают голос самой действительности, а спонтанные коллективные реакции приобретают характер эпидемий. Поэтому не удивительно, что современные рефлексии, столкнувшись с подобным явлением, попытались

найти замену такому пониманию правды. Рафинированный скептицизм, считающий «истину на деле» тоталитарной догмой, способной заморозить всегда свежий цвет свободной мысли, ходит кругами вокруг да около неё в поисках чего-то настолько неопределённого, что препятствовало бы декретированному единомыслию, и настолько определённого, чтобы всегда оставался стратегический простор для двоемыслия. В рамках этой философии, философии постмодернизма, приобрело популярность слово «постправда».

В источниках встречаются его различные определения, но в целом они сводятся к тому, что постправда — это нечто, обозначающее ситуации, когда эмоции и личные убеждения в общественных настроениях оказываются влиятельнее фактов. Изобретённое понятие торжественно шагает по планете, и в 2016 году Оксфордский словарь отметил его как слово года.

Проблема, однако, в том, что человеку и человечеству не удастся избавиться от «истины на деле». К тому, кто не хочет мириться с её «тоталитарностью», жаждет жить иллюзиями, она входит «со двора» — как бессмысленное и беспощадное действие «обратных сил», круша взлелеянный воображением мир. И снова возникает вопрос о ясности общественного сознания, о его способности быть сознанным бытием.

Приближает ли использование понятия «постправда» к пониманию объективного смысла ситуаций, в которых эмоции и личные убеждения оказываются решающим фактором? Позволяет ли последовательно и с достаточной степенью определенности проводить дифференциал между их действительным содержанием и превратными интерпретациями, или, наоборот, запутывает, смешивает в одно разнородные, лишь внешне схожие явления?

Нельзя не обратить внимание на то, что понятие постправды не только обозначает некое явление, но и содержит в себе очевидный «концепт»: между объективностью фактического, с одной стороны, эмоциями и личными убеждениями,

с другой, лежит пропасть. Фактическое в действительности не складывается в целостность, которая обладает собственной субъективностью, заряжая людей высокой общественной энергией. Любые личные убеждения или коллективные эмоции, наоборот, суть чистая субъективность, не способная нести в себе что-то действительное, что не сводится к тому или иному количеству «объективных фактов». Общественный подъём или разочарование — сфера коллективного солипсизма, объективность фактического доступна только холодному «экспертному» рассудку.

В понятии живая диалектика «претворения действительности» с её сложнейшими переходами реального в идеальное и обратно подменяется сначала абсолютным размежеванием двух полюсов общественного бытия, а затем их иррациональным соединением на основе некоей силы. «Концепт» понятия не допускает, что носителем идеального (реального в пределе, во всей полноте) может быть как фактическое, так и то, что до поры существует только в сфере эмоционального или личного сознания. Наличное бытие, фактическое положение дел, вечное сегодня объявляются единственным критерием «истины на деле».

Между тем, познание и тем более изменение окружающего мира в его фактическом состоянии невозможно без эмоций и личных убеждений. Не может человек страстно, напористо, даже жертвенно искать «истину на деле» и примыкать к ней, если убеждён, что её не существует. «Эврика!» — закричал, по легенде, Архимед. Его эмоциональное состояние выражало сопричастность человека объективному миру, в котором случайные обстоятельства сложились так, что стали для ищущего человека счастливым случаем. Архимед открыл то, что открылось ему — дало подсказку его личному убеждению в существовании законов природы.

Слияние субъекта с объектом ещё более очевидно, когда речь идёт о явлениях общественного порядка. Завершив трагедию «Борис Годунов», Пушкин, подобно Архимеду, вос-

кликнул: «...ай да Пушкин! ай да сукин сын!» Эта ситуация является классическим примером гармонического тождества противоположностей, раскрывающего и способность «факта» — литературного произведения — вызывать **подлинные** эмоции, и способность развитого человеческого сознания воспринимать с восхитительной личностной глубиной свой труд как **объективный** факт литературы, как **истинное** явление искусства.

Два полюса — объективные факты и личные убеждения — не являются абсолютной противоположностью, если их объединяет истинное в самой действительности. При определённых условиях они способны переходить друг в друга.

Выдающийся философ-марксист Михаил Лифшиц заметил, что «при известных обстоятельствах целое или всеобщее может быть в одном месте, а фактическое и материальное, в более узком смысле, как простое количество, — **в другом**. Такое выделение целого, действующее как бы из самого себя и вдохновляющее сознание людей, вопреки их непосредственным материальным возможностям, есть величайший факт нашего мира, который не может игнорировать самый последовательный материализм».

Например, рабство было объективным фактом одной из исторических эпох и выражало объективно сложившиеся взаимоотношения между людьми. Но борьба против него, основанная первоначально на личных убеждениях в возможности установления более справедливого мира, стала более объективным фактом истории, её собственным законом. И мы рассматриваем рабство как искривление истории, пусть и закономерное.

Если бы не было «личных убеждений» и эмоционального накала, противостоящих фактическому положению дел, то рабство и сегодня оставалось бы реальностью. Преобразующую «фактический» мир силу человеку придаёт как раз то всеобщее содержание, которое может озарять светом правды, «истины на деле» даже утопические представления.

Личные убеждения способны быть носителем более объективным, чем относительная объективность существующего миропорядка, если исторически ограниченная кривизна действительности искривляет её всеобщее содержание. И тогда ясные отражения кривизны в личных убеждениях становятся более объективными фактами, чем сами факты, несущие на себе печать исторической условности или социальной мифологии.

Нетрудно заметить, что «концепт» понятия лишает мир «объективных фактов» качественной определённости, понимая под объективностью их индифферентность, бескачественность для сознания или общественных настроений. Между тем, **фактом действительности** становится только тот её момент, который актуально или потенциально её изменяет, он — момент преобразования, рождения чего-то, что изменяет или способно изменить данность. Это непрерывный процесс, поэтому даже журналистика, имеющая дело с фактами, всё-таки является духовной деятельностью. Она отличается от пропаганды тем, что, во-первых, пытается уловить момент отличия действительности от самой себя (от существующего положения дел) и, во-вторых, установить действительность факта (что он не является продуктом игры нечистого воображения, иллюзий или предрассудков общества и пр.).

Журналистика не «освещает» факты, явления, события, а извлекает их действительное содержание, их реальное место в общественном целом, и одна из важнейших для неё проблем — найти верные пропорции между фактическим и всеобщим, ту живую диалектику жизни, в которой фактическое переходит в общее, а целое является в наглядном, зримом образе факта.

«Объективные факты» обретают относительную самостоятельность, свою автономию, когда «субъект в своей деятельности во внешнем мире вызывает ситуации, раскрывающие определённую субъективность самого объекта». Предмет нашего сознания, чтобы быть верно отражённым, понятым и

одновременно проникнуть в «плоть и кровь» человека, должен достичь «определённого уровня рельефности, модальности, логизма, фабульности».

Только **при этих условиях** — когда «объективные факты» несут в себе всеобщее содержание и возбуждают активность, а человеческая субъективность развита настолько, что готова схватить «объективный факт» во всей его полноте, наше сознание становится равным себе. Другими словами, любой «объективный факт» становится для нас объективным, если он выражает собой всеобщее содержание, превосходящее его единичное содержание, когда он репрезентирует всеобщее содержание, не ограниченное его фактическим бытием. И именно эмоции и личные представления зачастую открывают окошко в объективный мир — как его субъективное требование, которое и позволяет нам понимать его.

«Объективные факты» могут быть проявлением как подлинного, так и ложного исторического содержания, тогда как личные убеждения и эмоции вырастают на более широком историческом поле и исправлять кривизну наличной действительности. Но столь же возможна ситуация, когда они выражают слепой натиск фактического, приверженность социальной мифологии, тогда как факты действительности разрушают коллективный солипсизм. Всё зависит от того, насколько и факты, и их отражение в сознании достигают своей подлинности, «истины на деле». Постправда как теоретический конструкт полностью игнорирует необходимость понимания каждой ситуации в её живом своеобразии, предлагая мёртвую схему, в которой объективное и субъективное находятся по разные стороны пропасти.

Применение «понятия» к различным ситуациям зависит не от их объективного смысла, а от личных убеждений тех, кто его применяет. Поэтому нет никаких оснований для приобщения модного термина к умственному (в том числе понятийному) словарю человечества, позволяющему дифферен-

цировать различные явления по их объективным свойствам. Скорее, его можно отнести к разряду симулякров.

Симулякр — это не симуляция реальностью одномерного подобия самой себя, это реальность без объективности, исчезнувшая, растворившаяся в неопределенности — нечто неразличимое и потому не допускающее различия, по словам Ж. Бодрийяра, между «магией концепта и обаянием реального». Симулякр — знак, в котором нам является нечто, он не рационален, но и не иррационален, он ни с чем не соизмеряется, но оказывает «ядерное и генетическое» действие.

В переводе с постмодернистского языка на человеческий, лжец, убеждённый в том, что говорит правду, не является ни лжецом, ни «правдорубом», потому между его «концептом» и «реальностью» различий нет. Определить, что он есть, тоже невозможно, так как истины не существует. Испытывая на себе ядерное и генетическое воздействие симулякра, мы не только погружаемся в неопределенность, мы трансформируем её в новые симулякры, ибо любое наше суждение есть только мнение.

Эта почва коллективного солипсизма легко удобряется любой удобной «системой ценностей» и условных словесных конструкций, выступающих в конечном счете тем абсолютом, который превращает набор внушений в мощный, «ядерный» генератор действий. Одни готовы пожертвовать собой, чтобы мир действительно стал истинно человеческим для всех и каждого, даже если цена искупления вековых «грехов» оказывается непомерно высокой. Другие пророки нового мира кормят чудовищной ложью о правах и свободах, чтобы реальность не мешала им владеть вашими жизнями, судьбами, историей. Но разницы между ними нет. Потому что и те и другие — всего лишь знаки чего-то неопределённого, симулякры, вокруг которых человечки со своими мнениями имеют право свободно плясать, потому что и в одном и в другом случае обращение к эмоциям и убеждениям взрывает «объективность фактов».

Зачем нужна эта неопределённость в анализе явлений жизни и истории? Почему понятия, требующие определённой строгости использования, подменяются симулякрами? Чтобы оторвать представления от критерия истинности. Любое спонтанное или управляемое общественное движение можно назвать либо волей народа, «революцией достоинства», либо заговором с вездесущей рукой известных тиранов — в зависимости от того, какие взгляды необходимо навязать обществу. Поэтому конструкт «постправда» представляет собой не только симулякр, но и рабочую технологию манипулирования общественным сознанием, технологию оболванивания.

Следовательно, постправда — это ситуация, которую создаёт мир постмодернизма, утвердивший себя в качестве новой реальности, а не инструмент, добавляющий нашему сознанию вменяемости.

«Когда знакомишься с литературой о постмодернизме и деконструктивизме, то возникает впечатление, что разум в XX в. окончательно потерпел поражение, — пишет известный российский философ и искусствовед В. Г. Арсланов. — В самом деле, чем определяется чрезвычайная популярность этого ведущего направления современной философской, эстетической и искусствоведческой мысли? Основные характеристики постмодернизма в различных его проявлениях и направлениях примерно таковы: абсолютный релятивизм, нигилизм, отрицание истины как метафизической ложной ценности. Все эти черты были известны, разумеется, и раньше, но в постмодернизме они приобрели гипертрофированный характер».

Трудно не согласиться с этим суждением. Проблема только в том, что потерпевший поражение разум сегодня стал в умелых руках изошённой, претендующей на разумность и даже научность технологией абсолютного разрушения разума и расчеловечивания человека. Мир так стремится к свободе личной мысли, что готов лишить себя сознания.

Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский

Почетный член президиума и сооснователь Международного совета российских соотечественников в России, член Правления «Фонда Кирилла и Мефодия» в Софии, член правления «Института современной русской культуры» в Лос-Анджелесе (Калифорния), член «Ассоциации американских учёных русского происхождения» в Нью-Йорке, член «Общества коллекционеров» в Москве и Лондоне, академик Международной академии информатизации при ООН, попечитель Русского камерного оркестра в Лондоне, Москве, «Ассоциации театрального музея» в пожизненный член Союза благодетелей музея «Метрополитен» в Нью-Йорке, Почётный доктор Санкт-Петербургской Академии художеств, действительный член Петровской академии наук и искусств, награждён золотой медалью Российской премии Людвиг Нобеля, Ему принадлежит главная награда Международного совета российских соотечественников за вклад в русскую культуру и искусство, кавалер ордена Дружбы народов за вклад в сохранение русского искусства, награда «Золотая муза» за вклад в русско-болгарские культурные связи. Он является одним из двух инициаторов установки в Москве памятника погибшим в Первой мировой войне, открывшегося в 2014 году на Поклонной горе, один из двух инициаторов возведения памятника Национального примирения, открывшегося в Севастополе в 2021 году, инициатор создания Национальной портретной галереи в Москве.

РУСОФОБИЯ В РАЗГАРЕ

Русофобия в разгаре и наращается в Англии. Мне очень трудно быть объективным в светских разговорах, где моя «объективка», которую Вы, может быть, заметили в интервью в газете «Труд», здесь никому не нравится. Любая объективная оценка Украины никому не нравится в Англии. Их не интересует, что Украина репрессировала русскоязыч-

ное население, что законом запретила русский язык на своей территории, в продолжение пяти лет препятствовала утверждению Минского договора, который опять, во второй раз гарантировал неприкосновенность границ Украины и инициатором которого был президент Саркози. Украина — страна, которая была самой богатой республикой СССР, но которую украинско-еврейские олигархи разорили до грани банкротства. Ныне это страна, которая продолжает пилить дотации, переводимые в бюджет Украины от США и от Евросоюза. Им, конечно, неприятно слышать, что Великобритания, которая подписала Будапештское соглашение о неприкосновенности границ Украины, ничего конкретного не сделала после вторжения 2014 года, так же, как и США, и НАТО. А ныне, по внутренним политическим причинам, Джонсон выступает защитником Украины и шлет туда военную помощь. Увы, мощь РФ по количеству танков и оружия, даже если все это сорокалетней давности, настолько велика, что только индустриальная мощь США способна противостоять ей, послав такое же количество современного дальнобойного оружия. Так что проживаю, но без особенного оптимизма. Ибо даже если обе стороны истощатся и договорятся о перемирии в конце года, чтобы дать себе возможность перевооружиться, не вижу возврата к нормализации ситуации, которая для меня означает возвращение авиарейсов в Москву и обратно. А невозможность для украинско-еврейского правительства отдать РФ Крым, Луганск и Донбасс затянёт конфронтацию надолго. Н.Д. Лобанов-Ростовский из Лондона

Из личного письма, 2022, август

Галина Анатольевна Капецкая

Прозаик, публицист, Отличник образования Республики Беларусь. Окончила с отличием Гомельский государственный университет. Более 270 публикаций в педагогических периодических изданиях Беларуси и России, автор восьми книг, изданных ИД «Белый Ветер». Публиковалась в журнале «Берега», в периодических изданиях на русском и белорусском языке в жанре лирической миниатюры и короткого рассказа, лауреат областного литературного конкурса имени Кирилла Туровского.

ХРОНИКА БОЛИ И НАДЕЖДЫ

СТРАШНЫЙ СОН

В золотое время моего детства и юности в родном моём СССР и в самом страшном сне не могло привидеться такое: самолёты России бомбят Киев! Каждое утро просыпаюсь с наивной надеждой: может, мне это приснилось? Но нет, увы... Невозможно уже смотреть телевизор с этими экспертами, комментаторами и сообщениями о новых санкциях ЕС. В Интернете чего только нет. В комментариях столько злобы в перебранках между «москалями» и «хохлами» на радость дядюшке Сэму. И масса пророков с предсказаниями одно мрачнее другого. И море-океан фейков. Вроде как и надо фашистов ликвидировать, но страдают-то в первую очередь простые люди. Без слёз невозможно читать подписи под фотографиями молодых солдатиков: «Мальчики, вернитесь живыми домой!» Одно желание-надежда: скорее бы война эта закончилась

...Осколки от сброшенных на националистов-фашистов бомб ударяют и по всем честным людям.

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Меня воспитывали в духе интернационализма под лозунгами: «Мир во всём мире!» и «Все люди — братья!» Там, в моей молодости, не имело никакого значения кто ты: русский, белорус, грузин, еврей или украинец, главное — какой ты. Только почему-то и тогда я не могла спокойно слышать текст на немецком языке. Перед глазами возникала ограда из колючей проволоки, в ушах словно звучал лай собак. Много позже я прочитала, что это — генетическая память. Наверное, память моей не дожившей до двадцати пяти лет моей мамы, подростком вывезенной в рабство в Германию, и отца-фронтовика, прошедшего на своём Т-34 от Курска до Берлина и победившего не немцев, нет, но нацистов-фашистов! Генетическая память...

«Пепел Клааса стучит в моём сердце»...

ГУДИТ САМОЛЁТ

Март 2022 года. В высоком чистом небе родной любимой моей мирной Беларуси гудит военный самолёт. И сразу накрывают волной тревога и страх. Понимаю, что ничего от меня не зависит, но не могу отделаться от горькой мысли, что это летит чья-то смерть.

Что-то долго не слышно гула самолёта, и снова страх: где он, наш защитник? И только одно всеобъемлющее желание: скорее, скорее бы всё это закончилось и запылился огнём душистой сирени «торжествующий май».

МОЛИТВЫ

На сайте «Bladodrevo.ru» скачала молитвы о мире, в «Одноклассниках» поставила в статус «Молитву о восстановлении мира», которую предложил священник Роман Посыпкин со словами: «Дорогие друзья! Молимся!»

У подруги-однокурсницы сын с семьёй в Киеве, у другой — дочь, третья сама и все трое деток её с семьями живут

в Украине, у приятельницы родственники в Украине не боятся русских, а боятся местных вооружённых нацистов. Молимся с подругами. Слава Богу! Сыну однокурсницы удалось увезти семью в эмиграцию. Но, решаем с подругами, что всё равно продолжаем молиться за всех матерей и всех детей. Господи! Пощади нас, грешных! Даруй мир славянам!

СТЫДНО!

Мир раскалывается. Хороший ли, плохой ли, но привычный мир разделяется, трещит по швам и возникают два непримиримых лагеря: «За!» и «Против!» И вот уже масса творческих людей заявляет, что им «стыдно быть русскими», подписывают письма с протестами. Почему им не было стыдно, когда восемь лет нацисты целенаправленно стреляли по детям Донбасса, цинично подписывая снаряды: «Всё лучшее — детям»? Мне кажется, что Россия не станет беднее ни без Лазорева, ни без Урганта, ни без Галкина, ни, тем более, без Ксюши Собчак, которые быстренько полетели прятаться в Израиль. Закрадывается мысль, что некоторым эмоциональным людям искусства, действительно, больно и стыдно, но многими не стыд и не совесть руководят, а боятся они за свои владения за границей понакупленные на денежки, в России заработанные, да за капиталы в иностранных банках поналоженные. Манкурты родства не помнящие. Деньги, конечно, дадут им возможность там жить, но былой славы, чуть ажиотаж спадёт, никогда не будет. Вспомните, много ли советских «невозвращенцев» добились славы в Голливуде? Пальцев одной руки хватит, чтобы сосчитать. Своих звёзд хватает, в пришлых «звездах» и «звездунях» надобности нет. Случается, предатели чествуют. Но не уважают.

28.03.2022

«...И ВОССТАЛ БРАТ НА БРАТА, СОСЕД НА СОСЕДА...»

Знакомый: «На Украине у меня все родственники, живут в разных областях. Все друг с другом перессорились, одни — активно за русских, другие — яростно и непримиримо против. А мне они все дороги, не хочу ни к одним примыкать, ни к другим. Вместе с женой каждый день молимся о мире».

Подруга: «Сын с детьми и невесткой успели уехать из Киева. Налаживают жизнь в другой стране. Сын звонит, а невестка-украинка не звонит и принципиально со мной не разговаривает, словно я затеяла эту войну».

Пишу в ОК бывшей коллеге, которая живёт в Израиле. В ответ — аж захлёбывается от русофобии. Пишу бывшей ученице, которая живёт с семьёй в Хайфе, спрашиваю о русофобии. В ответ: «Да нет, у нас всё спокойно».

Однокурсница живёт в Украине. Волнуемся и молимся за неё. Она — сильная женщина, держится мужественно. Пишет по Viber, что продукты привозят мародёры, продают дорого. Накануне Пасхи кто-то поджёг православный храм...

С одной из однокурсниц разговаривать невозможно, сразу начинает проклинать Россию. С одной стороны её можно понять: дочь живёт в Украине, прячется от бомбёжек в погребе. Сердце на части рвётся: понимаешь, что фашизм должен быть побеждён и уничтожен, с другой стороны — сколько гибнет русских мальчиков и так страдают мирные жители братского славянского народа. Господи, прости и пощади нас, грешных!

«ТЫ ЖЕ ТОЖЕ РУССКАЯ!»

Приятельница звонит, жалуется, что внучка пришла и в разговоре начала с возмущением излагать всё, что в телеграмм-каналах вычитала. Да ещё и возмущается, дескать, какие страшные жестокости эти русские выродки творят и, вообще, все русские — сволочи! Подруга просто задохнулась

от возмущения: «Да как ты в такое можешь верить! Я русская, дедушка твой русский, значит и мама твоя — русская, т.о. и ты тоже на пятьдесят процентов русская, значит, мы все, и ты в том числе — тоже сволочи!? Меньше своего мужа-украинца слушай, больше своими мозгами шевели».

Самое печальное, что таких внучек и внуков в наше время ну очень много. Как зомбированные, верят всему, что в телеграмм-каналах не напишут. Вот и подумалось, правильно в СССР делали, что все «вражеские голоса» глушили.

А ПО ТЕЛЕВИЗОРУ...

Уже нет сил смотреть аналитические передачи и просто новости. Не покидает чувство тревоги, горестные мысли не дают уснуть, а уснёшь, так снится фантасмагория в стиле картин Дали. Стараюсь загрузить себя работой, чтобы не думать и не бояться. С однокурсницами поддерживаем друг друга, как можем. Всё-таки, самая крепкая дружба, проверенная годами: школьная и студенческая. Доброе слово и поддержка друга помогает не впасть в депрессию.

Зато прекратились по телевизору эти гнусные ток-шоу по перемыванию грязного белья «звёзд», и проведение тестов на ДНК у всех мужчин села на предмет выяснения: от кого же родила ребёнка сельская проститутка. Может, наконец, прекратится этот поток грязи с телеэкранов и будут рассказывать не про быдло, а про добро, человечность и достойных людей? Греют душу новые передачи А. Малахова: «Привет, Андрей!» и «Песни от всей души». Согревают сердце и дают надежду старые добрые песни о главном.

4.04.2022

ВСЁ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА КРУГИ СВОЯ...

Опять потихоньку возвращаются поганые ток-шоу. Незменная героиня Волочкова снова в центре скандала, опять обнажённая, снова собирают на телешоу «Звёзды сошлись»

«звёзд» и «звездунув», стреляют из пушек по воробьям во всех этих «Пусть говорят» и перетряхивают грязное бельё в «Секрете на миллион». Включаю, телевизор, смотрю, о чём будет идти речь, плююсь и выключаю. Нахожу в инете казачьи песни «Кукушка», «Не для меня», шлягеры Азнавур, Дассена... и слушаю, слушаю. Да в передачах Малахова по-прежнему радуется сердце обилием талантов и душевных песен земля русская.

В новостях кратко о героизме русских мальчиков на этой затянувшейся неведомо на какой срок «спецоперации». Сердце кровью обливается: может, в эту минуту погибает чей-то сыночек, брат, жених, которого уже не дожидаться невесте...

АБСУРД, ТРАГИФАРС

В Польше сносят памятники советским воинам-освободителям. А у моего отца-фронтовика были тяжёлые ранения под Познанью в 1944 году, под Варшавой в 1945 году и медаль «За взятие Варшавы». Это его светлую память сейчас ровняют с землёй!? Поляки сошли с ума? Забыли про Освенцим и Майданек? Литовцы, латыши и эстонцы превратились в манкуртов и забыли про концентрационные лагеря, Саласпилс, Холакост? В мире захватили власть фашисты?..

ВЕРЛИБР КОНЦА ДЕВЯНОСТЫХ

Чем дальше — тем страшнее и непонятнее, что происходит в мире: то ли мир сошёл с ума, то ли я потихоньку куда-то скатываюсь. Политические шоу превратились в масло-масляное и в переливание из пустого в порожнее. Опять вытащили на свет Божий Вангу, вроде как она там что-то предсказала на потерянной и счастливо вновь обрётённой кассете. Только вот кассету надо восстановить и что там предсказано надо понять...

Создаётся впечатление, что никто ничего не знает, никому нельзя верить, и как-то как нельзя лучше подходит к нынешнему времени верлибр, написанный мной в конце девяностых:

*Орал слепой:
«Я видел!»
Глухой хватал его за грудки:
«Не ври! Я слышал!»
«Лжецы вы оба! Я его догнал» —
вопил, беснуясь, одноногий.
Средь сброда был один
достойный,
Который видел, слышал, знал.
Но Он молчал.*

20.06.2022

«НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ»

Вроде внешне всё нормально: идёт обычная жизнь. В магазинах полно продуктов, никто не опустошает полки, делая запасы. Сельчане (дай им Господь здоровья!) убирают урожай. Вечером на посиделках на лавочке соседи спокойно говорят о житейских делах. Но параллельно этой обычной (на самом деле — пока счастливой!) жизни на сердце — такая тяжесть, такой груз — просто на разрыв аорты. Стараюсь не думать ни о прошлом, ни о будущем, жить сегодняшним днём. Не очень получается. Ощущение, что весь мир балансирует на грани страшного Неведомого. Лучше классика не скажешь: «над пропастью во ржи».

11.07.2022

ТАКАЯ ЖЕ БОЛЬ

Сегодня бывший куратор моей студенческой группы при- слал стихотворение Александра Розенбаума. Столкнулась с тем, что к личности барда люди относятся по-разному. Но в данном стихотворении мне каждое слово понятно. И у меня в душе такая же боль, и такой же вывод:

*Мне про обстрелы пишу с двух сторон.
Прошу — Не лезьте в душу, Бога ради!*

*Простёр ко мне из ямы руки мой
Фашистами убитый прадед...
Определиться? Да я давно определён —
Я дома. Я в России. В Ленинграде*

14.08.2022

НА ЛИНИИ БАРРИКАДЫ

Подруга юности ныне известный в России писатель, редактор журнала «Берега». Человек она стойких убеждений, борец из тех, кто готов за правду голову сложить. В её журнале ряд публикаций известных писателей и поэтов, сторонников политики В.В. Путина, сама она выпустила книгу «Мой светлый горячий Донбасс». Так вот, её сайт уже два раза хакеры пытались уничтожить. Сайт восстановлен. Лидия Владимировна снова на переднем фланге борьбы. Такие люди внушают надежду на победу Добра в нынешнем неустойчивом мире.

18.07.2022

Валерий Иванович Громак

Родился в 1952 году на Украине. Срочную служил в Белоруссии в Ракетных войсках стратегического назначения. В Вооруженных силах СССР и России прослужил 38 лет. Из них 14 лет — в Заполярье. Капитан 1 ранга. Победитель журналистского конкурса на право полёта советского журналиста в космос, лауреат премии Валентина Пикуля, лауреат премии Союза журналистов России «За профессиональное мастерство» и ряда других. Автор книг: «Морская пехота Балтики. Слава и память», «Дороги памяти», «Курс норд-вест», «Ему салютовала Москва». Живёт в Калининграде.

УКРАИНА: НАТО И КУЛЬТ ПАЛАЧЕЙ

(Из блокнота украинского «иноземца»)

На мой взгляд, термин малая родина не совсем удачный. Для меня украинское село, где я родился, украинская школа, где учился, земля, на которой трудились мама и отец и в ней же ныне покоятся, — и есть самая Большая родина. Её я покинул свыше полвека назад, уйдя служить в Советскую армию. Затем было военное училище во Львове, служба в Военно-морском флоте СССР и России. Каждый год я приезжал в родные края. И после смерти бати и мамы, несмотря ни на что, старался навестить места, где прошло детство и юность, встретиться с близкими, одноклассниками, поклониться родительским могилам. После развала Советского Союза воочию наблюдал, как приходила в упадок некогда процветающая республика, как попытки прогрессивно мыслящих украинцев наталкивались на стену с каждым годом растущего национализма, как страны НАТО, и в первую очередь США, делали из Украины полигон для осуществления своих планов. За последние четыре года побывал в Киеве, Мариуполе, Приморске, Донецке, Бердянске, Мелитополе, Запорожье, Львове, Луцке... Как военный моряк, капитан 1 ранга, интересовался строительством ВМС Украины.

Ныне на территории Украины Россия проводит военную операцию по денацификации и демилитаризации. Процесс этот длительный и сложный. В подготовленной рукописи новой книги я попытался ответить на вопрос, почему Россия вынуждена была пойти на проведение военной операции в соседней стране. Отрывок из рукописи предлагаю читателям

Теперь я тоже «иноземец»

«Здравствуйте, дорогие мои! Извините, что так поздно... Просто раньше не мог...» Я стою на кладбище украинского Приморска у могил родителей и разговариваю с самыми дорогими для меня людьми. Трудным был в этом году к ним путь.

Авиасообщение России с Украиной прервано, так что добираться пришлось через Белоруссию. В аэропорту меня встретил Володя Качура, служивший в своё время на Северном флоте. Дождавшись ещё одного нашего товарища — Володю Задворьева из карельской Сегежи, который в столицу Белоруссии добирался через Санкт-Петербург, мы на машине Качуры взяли курс на Киев.

Прифронтовой город

Четыре года назад в День ВМФ в Мариуполе трагически погиб наш товарищ по международным автопробегам Андрей Мирам. И мы, подводники России, Белоруссии и Украины, решили навестить его могилу, встретить День флота в Мариуполе. Но уже при пересечении границы поняли, что наша идея находится под угрозой срыва. В сторону Украины выстроилась многокилометровая вереница машин с белорусскими номерами. Кто-то ехал на море, а большинство (с пятницы на субботу) в ближайший Чернигов за продуктами. Как рассказали друзья-белорусы, на Украине всё гораздо дешевле, чем у Батьки. Надо отдать должное начальнику украинского пункта пропуска капитану Андрею: узнав нашу цель, он дал «добро» на проезд без очереди.

В Киеве нас встретил Вадим Навроцкий. Вчерашний подводник, а ныне преуспевающий киевский бизнесмен, он дорожит флотской дружбой. И принципиально не смотрит новости. Всё своё свободное время отдаёт восстановлению старых раритетов Львовского автобусного завода, а некоторые из салонов превращает в кофейбусы — в Киеве у него целая сеть таких кофеен. Когда встречаемся, стараемся не говорить о политике. И на этот раз, угостив нас вкуснейшим кофе в одном из своих чудо-заведений, Вадим произнёс: «Грузить вас информацией не буду. Сами смотрите и делайте выводы». И, посадив нас семерых в отреставрированный «Икарус», провёл экскурсию по Киеву. На проспекте Победы как стоял, так и стоит на постаменте памятник советским танкистам в виде прославленного Т-34. Немного удивил нарисованный на башне танка украинский флаг — да бог с ним, ведь украинцы воевали рядом с русскими за общую тогда Родину. А вот белые полосы на танке раздосадовали. Оказалось, одной пьяной парочке не понравился цвет «тридцатьчетвёрки», и они его «перекрасили». Теперь, говорят, супругам грозит до четырёх лет лишения свободы. Хотя всех недовольных не пересажаешь... Здесь же, на проспекте Победы, по-прежнему возвышается величественный 40-метровый обелиск, увенчанный Золотой Звездой с чеканной бронзовой надписью: «Городу-герою Киеву». Но памятника Ленину на обычном месте нет, остался только постамент, что не лучшим образом вписывается в ландшафт.

Затем у нас была встреча с однофлотчанами в городе Хороле Полтавской области. После чего по вконец убитой дороге к утру добрались до прифронтового Мариуполя.

«Да-да, мои дорогие, страшное слово “война” вновь сегодня в обиходе на родной земле. Но это отнюдь не та война, на которую ты, батя, ушёл из Мелитополя в 16 лет. И не та, в оде которой тебя, мама, 17-летнюю, фашистские прихвостни, местные националисты, угнали на каторжные работы в Неметчину».

Сегодня наследники этих прихвостней проповедуют фашизм на Украине, восхваляют тех, кто неоднократно пытался убить моего отца, кто убивал его однополчан. Они глумятся над людьми с Георгиевскими лентами, срывают ордена с груди ветеранов...

А я вспоминаю рассказ отца

Во время тяжёлых боев в Польше в его танк попал снаряд. Весь экипаж погиб, и только отец чудом остался жив... В госпитале в память о своём лучшем друге Косте из Смоленска, сгоревшем в танке, отец стал называться его именем. Невозможно представить, что, выживи тогда Костя, и сам он, и его дети стали бы для моего отца, украинца, «москалями», «сепаратистами». Как и дети тех, с чьими отцами Иван Громак громил фашистов в Крыму.

Впрочем, мы почти в Мариуполе. То, что он на линии соприкосновения, начинаешь понимать километра за три-четыре до въезда в город. Блокпост, ещё один...

«Скажу честно, батя, друзья и знакомые отговаривали нас от поездки в Мариуполь. Тем более в День Военно-морского флота. Ведь два года назад, когда по городу пошли ребята в тельняшках и бескозырках с Андреевским флагом, их атаковали националисты. Завязалась драка. Молодые нацисты избивали мужиков 50–60 лет...»

В последний момент кое-кто из наших товарищей отказался ехать, многих отговорили родственники. И осуждать их не поворачивается язык. Ещё свежи в памяти кадры «кровавого воскресенья» 9 мая 2014 года. Как пламя вырывалось из окон УВД, как падали сражённые пулями люди, как мариупольцы руками останавливали бронетехнику, как по безоружным вели огонь каратели. Бойня, учинённая в Мариуполе 9 мая 2014-го, произошла всего через неделю после «Одесской Хатыни» и стала ещё одним кровавым преступлением нацистов на Украине.

На первый взгляд сегодня ничто не выдаёт, что Мариуполь — город прифронтовой. Красивый драматический театр радуется своей архитектурой, а в местном парке культуры азартные старички «забивают козла», играют в шахматы и шашки. Милые девушки делают селфи. Тем не менее атмосфера какая-то гнетущая. Это начинаешь ощущать, когда видишь большой баннер, который рассказывает, кто и когда освободил Мариуполь от российских «захватчиков». В самый разгар курортного сезона город поражает отсутствием отдыхающих. Местные власти даже просят журналистов не употреблять его названия в военном контексте, используя словосочетания «мариупольское направление» или «около Мариуполя», так как это отпугивает инвесторов и внутренних туристов, которые путешествуют по Украине.

Патроны на продажу

На кладбище у могилы Андрея Мирана мы развернули флаг Военно-морского флота Советского Союза, под которым служил наш друг. С этим же флагом искупались в Азовском море. Что интересно, увидев нашу группу, многие местные жители подходили, поздравляли с праздником. А в ближайшем ресторане несколько раз прозвучала песня для моряков Украины, России и Белоруссии.

Из разговора с местными жителями можно сделать вывод, что всем надоело нынешнее полувоенное положение. Хотят решения вопроса и те, кто приезжает в Мариуполь из Донецка. Едут в основном, простояв несколько часов на блокпостах, за продуктами — здесь они намного дешевле, чем в ДНР.

Прошёлся по рынку и убедился: цены по российским меркам невысокие. Так, масло сливочное стоит от 50 до 150 гривен (1 гривна — 2 руб. 33 коп.), литр молока — 10, свинина и говядина — 80–150, сало свежее — 25–65, помидоры — 5–10, арбузы — 2–4 гривны. Но зарплаты и пенсии на Украине гораздо ниже российских. Если учесть, что львиная доля уxo-

дит на оплату коммунальных услуг, то большинство горожан могут позволить себе мясо лишь по праздникам. Тем более правительство Украины отменило государственные регулируемые цены на социальные продукты, которые действовали с 1996 года. По сообщению местных СМИ, украинцы в последнее время стали есть меньше. Потребление мяса сократилось на 14 процентов, рыбы — на 8, сахара — на 18, растительного масла — на 19, соков — на 22 процента. Но в реальности эти показатели гораздо хуже.

Многие с тревогой ожидают зиму, молятся, чтобы она была тёплой. Прошлой зимой только за газ на отопление у моего родственника уходила вся его пенсия и часть пенсии жены. У военнослужащих ВСУ я поинтересовался, когда же закончится противостояние на юге Украины. Получил неожиданный ответ: «Вы человек военный, неужели не понимаете, что всё можно решить одним моментом? За три года и мы, и та сторона прекрасно изучили расположение позиций и дислокацию подразделений. Но военный конфликт — это прибыль для определённой группы лиц. И деньги немалые. Мы общаемся по ночам с той стороной, водку вместе пьём. И договариваемся, кто, когда и куда будет стрелять...»

Так ли это, судить не берусь. Но о вооружённом конфликте в Донецке и Луганске у моих земляков нет однозначного мнения. Служивец по Северному флоту заправляет джип соляжкой, которую ежемесячно из зоны антитеррористической операции (АТО) привозит офицер ВСУ. Как хвастался этот так называемый защитник Украины, за время АТО он уже заработал себе на новый автомобиль и молит Бога, чтобы конфликт... продолжался как можно дольше.

«Вы сможете утешить мать, у которой на непонятной войне погиб сын? Я этого не умею. Материнское горе с одинаковой силой и болью живёт, когда матери говорят о сыновьях и когда о них молчат...» — эти строки я написал в книге «Морская пехота Балтики. Слава и память», вспоминая о 46 гвар-

дейцах из бригады морской пехоты Балтфлота, погибших в Чечне, в той непонятной войне. Сегодня Чечня процветает, Грозный превратился в красивейший город, а матери погибших морпехов перебиваются с копейки на копейку... Повторю: любой вооружённый конфликт выгоден политикам и определённым кругам, которые на этом строят бизнес. А люди на втором плане.

Что бросилось в глаза на улицах Мариуполя — преобладание женского населения. 35-летний таксист, который подвозил меня, объяснил это обстоятельство просто: многие мужики работают вдалеке от родного дома, другие в АТО. И ещё с грустью говорил, что немало его друзей и одноклассников подсели на наркотики. Не секрет, что Украина занимает одно из первых мест в Европе по наркомании среди населения. По официальным данным, на территории страны насчитывается около полумиллиона наркозависимых. Однако реальное число гораздо больше. И самое страшное — оно увеличивается невероятными темпами, причём каждый год возрастной барьер снижается, свыше 10 процентов школьников 14-летнего возраста уже хотя бы раз пробовали наркотик.

«Родные мои, не знаю, когда приеду к вам в очередной раз. И потому объехал сегодня места, где вы родились, где прошло моё детство. Нет уже, батя, той улицы в селе Новоалексеевка и того дома, где ты появился на свет. Памятник Владимиру Ленину превратили в монумент Пилипу Орлику. Нет и ореховой рощи, которую ты сажал с односельчанами в память всех, кто не пришёл с войны. А монумент защищавшим Родину в годы Великой Отечественной стоит. И стал ещё краше. Выбиты там и ваши с дядей Колей, погибшем в Бресте, фамилии. Село Партизаны, где я оканчивал школу, теперь Новопавловка. Кстати, по некоторым прогнозам, только на изготовление новых табличек с названиями городов и улиц, выпуск новых карт и прочие расходы будет потрачено от пяти до 17 мил-

лиардов гривен. И это в условиях, когда у страны нет денег даже на закупку топлива для отопительного сезона. Вам и в страшном сне не могло присниться, что в Мелитополе будет контрольный пограничный пункт... с Россией».

В июле 1941-го в Николаеве начал формироваться полк, получивший название 38-й отдельный добровольческий комсомольский инженерный. В него-то вместе со сверстниками из Приморского и Приазовского районов и записали в Мелитополе 16-летнего Ваню Громака. Многие годы ветераны этого полка, преобразованного впоследствии в 1-ю штурмовую комсомольскую инженерно-сапёрную бригаду, встречались каждый август именно в Мелитополе. С детьми, внуками. Ныне приехать из того же Крыма в Мелитополь с российским паспортом невозможно, ибо, согласно документу, которым руководствуется Государственная пограничная служба Украины, транзитный проезд «иностранцев» через эту территорию запрещён. Стало быть, я, здесь родившийся и выросший, окончивший украинскую школу, призванный Приморским РВК в армию и волею судьбы оказавшийся в России, теперь тоже «иностранец».

«Батя, двадцать с лишним лет назад ты спросил, почему мы развалили Советский Союз. И, не получив от меня внятного ответа, горько промолвил: "Жалеть вы об этом будете. Очень жалеть". Я тогда как-то отмахнулся от твоих слов, будучи уверенным, что если какая-то из республик распавшегося Союза и выживет, то это будет Украина».

К сожалению, уже через десять лет наша родная Украина стала превращаться из индустриально-аграрной в страну натурального хозяйства. Каждое лето, приезжая в Приморск, я видел, как некогда бескрайние поля приходят в упадок. И кого в том винить? Дожди? Засуху? Или опять москалей?

На деньги олигархов

Нет, это самостийные хозяйственники гонят землю на убой, нарушая севооборот и поставляя за бугор подсолнечное масло. Каждый, кто имеет надел земли, из года в год выращивает подсолнухи. Уже через четыре-пять лет земля родить перестает. А украинская коррупция? О ней постоянно пишут местные газеты, рассказывает телевидение. Эту коррупционную систему выстроили не москали, хотя и в России такого «добра» в избытке. Но в украинских учреждениях преступные поборы возведены в норму.

В последние 20 с лишним лет в украинских школах, других учебных заведениях постепенно сводили на нет великие завоевания наших народов. Республиканские СМИ постоянно утверждали и продолжают утверждать, что во всех бедах Украины виновата Россия. И такая пропаганда, увы, принесла горькие плоды: сегодня порой трудно найти общий язык не только со вчерашними одноклассниками, но даже с родственниками. Таков водораздел, созданный «самой достоверной информацией» СМИ, которые подкармливают своими миллионами Коломойский, Порошенко, другие украинские олигархи.

Только ленивый украинец не кричит о том, что русские хотят захватить Донбасс и тот же Мариуполь. И при этом никто не желает понять, что жители и Луганска, и Донецка хотели быть просто услышанными. А их стали жестоко убивать. За что? В чём виноваты моя сестра с мужем, семья её сына, два внука и мой племянник, которые ежедневно рискуют быть заживо похороненными в Донецке под обломками во время артиллерийских обстрелов украинских военных? Похоже, пришедшая к власти хунта не желает общаться с людьми. Такое пренебрежение к народу свойственно господам, коих под благопристойными лозунгами мои земляки-украинцы привели во власть. Но быть им там, на мой взгляд, недолго. Господа по уши в крови. Рано или поздно их будут судить.

«Нынешней украинской власти не хватает ни разума, ни смелости навести порядок в стране. Это не так сложно, как кажется небритым «говорящим головам» из столицы, с мимикой ну очень «серьёзных и страшных руководителей». Из ртов этих голов только и слышны угрозы, слова «нэгайно», «терминово», «наказую». А не пробовали прощения попросить, предварительно разоружив молодчиков, которых сами же и вооружили? Не пробовали с людьми на человеческом языке разговаривать? Не пробовали навести порядок у себя под задницей в Киеве? Чтобы не верещали недобитые бандерлоги, как они свой порядок будут на востоке наводить, душить и убивать инакомыслящих, чем с успехом в данный момент и занимаются. Чтобы люди не боялись за жизнь своих детей и свою? Конечно, не пробовали, потому что панически боятся своих недавних союзников и соратников. Понимают: нет у нацистов друзей, есть попутчики», — написал мой однокашник, проживающий во Львове.

Но, думаю, моим родителям знать об этом не надо. Как и о том, во что превратили украинские нацгвардейцы Саур-Могилу, где вечным сном спят однополчане отца. И в полемику вступать ни с кем не буду: она бесполезна. Мне просто обидно, что действительно трудолюбивый народ развели как последнего лоха — подобным образом, помню, меня развели цыганки-гадалки на вокзале, когда я ехал в Приморск в свой первый курсантский отпуск. Тогда я лишился трёшки — немалые деньги по тем временам. Сегодня более чем 40 миллионов моих земляков потеряли куда больше, а тысячи из них лишились жизни, родных и близких, крова и родины.

«На кладбище тепло и тихо. Наливаю в стаканы водку, ставлю на могилки родителей. Давай-ка, батя, молча выпьем за ваше поколение...»

На вечный вопрос «Как там, на Украине?» ответить однозначно сложно. Рабочему и честному человеку (как и в России) трудно жить, ибо он решает здесь те же проблемы: отсут-

ствие нормальной работы, спад производства, растущие цены. При этом каждый день печатные СМИ, радио и телевидение обрушивают на жителей страны поток пропаганды. С экранов круглосуточно рассказывают о войне между Россией и Украиной, русских оккупантах, сепаратистах и т. д. В начальной школе занятия начинаются с демонстрации мультиков о том, как российский солдат захватывает украинскую землю.

План рассорить дружественные славянские народы претворяется в жизнь и, похоже, обильно финансируется. Но оптимизм и надежду вселяет тот факт, что на Украине ещё очень много людей, которые братство и дружбу ни на что, в том числе на деньги, не променяют.

Одно могу сказать после этой поездки: новости, касающиеся моей малой родины (как украинские, так, пожалуй, и российские) смотреть больше не буду. Правды там немного. Лучше на досуге почитаю книгу о достопримечательных местах Украины, которую мне подарил в Киеве выпускник ЛВВПУ Саша Теревеко с такой надписью: «Своему среди чужих. Пускай эта прекрасная книга напоминает тебе красочные уголки родной для тебя Украины, поднимает настроение, служит приятными воспоминаниями о чистых родниках, с которых начинался твой путь к непростой офицерской судьбе». Это мой «вольный» перевод. На украинском, поверьте, звучит намного теплее.

Август 2017 года

Россия за шлагбаумом

Четвёртый год в Донбассе продолжается то, что одни называют антитеррористической операцией, другие — гражданской войной, третьи — «русской весной». Каких только взаимоисключающих и противоречивых утверждений не услышишь. В Донецке, где действуют законы военного времени, живут моя родная сестра Светлана, её сын и внуки. Там похоронен брат.

Друзья и знакомые отговаривали от поездки в Донецк на юбилей сестры, телевизор запугивал, но я отправился в путь. Авиасообщение с Украиной прервано, поэтому добираться пришлось через Москву и Ростов-на-Дону. Родственники, хотя и бедствуют, устроили Светлане настоящий праздник.

Гуманитарный коридор

Выпускник нашего училища Гена Алёхин, долгое время служивший в Ростове-на-Дону, а ныне живущий в Белгороде, созвонился со своими друзьями и в аэропорт «Платов» за мной прислали машину. Они же, учитывая капризы февральской погоды и возможную задержку авиарейса, заказали билет на последний автобус, отправляющийся из Ростова в Донецк в 18 часов.

Прилетел я по расписанию, встретивший меня выпускник Военно-транспортного университета Серёжа Трофимов предложил ехать сразу на международный пункт пропуска Матвеев Курган — Успенка. На этом участке границы не действуют правила въезда для территории Украины. У ДНР отсутствует какая-либо визовая политика, впускают всех, кого выпустит погранслужба России. Наши граждане могут въезжать на территорию ДНР по внутренним паспортам.

Кстати, здесь существуют два населённых пункта с похожими названиями. Село Успенка (территория ДНР) находится примерно в трёх километрах от пограничного перехода. Также существует село Авило-Успенка, которое при развале СССР было поделено между Украиной и Россией. России досталась его самая населённая часть со школой, магазином и железнодорожной станцией Успенская. Украине — 13 домов, образовавших посёлок с грустным именем Выселки.

Я был не против предложения Сергея. Но как потом в темноте по территории ДНР добираться до Донецка? Ведь почти 100 километров. Решил позвонить опять же друзьям, чтобы встретили на той стороне границы. Но не тут-то было. Как-

то упустил из виду, что ДНР уже несколько недель живёт без МТС. Оператор вернётся в ДНР не раньше, чем будут выполнены Минские соглашения.

После нескольких попыток удалось связаться через Инет: на территории непризнанной республики меня ожидала машина. От шлагбаума пешком дошёл до пункта пропуска Матвеев Курган. Тут, по утверждению местного жителя, мне повезло: людей на паспортном контроле оказалось мало. Пока очередь двигалась, местные жители рассказали, как они, ополченцы, летом 2014-го гоняли здесь украинских военных, «их от нас прятали российские пограничники». В августе того года 438 солдат и офицеров Незалежной перешли границу в Ростовской области и обратились с просьбой предоставить им убежище. Российская погранслужба открыла гуманитарный коридор. Среди перешедших нашу границу — 164 пограничника, остальные — военнослужащие 72-й механизированной бригады ВСУ. И это не единственный случай, когда украинским силовикам пришлось спасаться в России, чтобы сохранить свои жизни. На пункт пропуска «Гуково» пришли 12 бойцов с белыми флагами. В конце июля группа из 41 украинского военнослужащего прибыла на пункт пропуска «Изварино»...

Не мог не поинтересоваться у местных, куда это они направляются через границу на ночь глядя. Оказывается, зимой в Авилово-Успенке работы нет. И местные занимаются челночным бизнесом: заговариваются в магазине беспошлинной торговли сигаретами и спиртным, затем реализуют это в России. Хоть какой, но заработок. А ещё рассказали, что этот пункт пропуска облагородили после боевых действий, восстановили асфальтное покрытие.

Ответив на дежурные вопросы российского пограничника, пошагал в сторону ДНР. Полистав мой паспорт, человек в погонах вернул его мне: «Проходите». Пропустив у шлагбаума рейсовый автобус Донецк — Ставрополь, уже через минуту я обнимался с племянником. Сразу на заправке в ДНР непри-

ятно удивила цена на бензин и дизтопливо — до 50 рублей за литр. На въезде в город остановил местный гаишник, поинтересовался, откуда едем. И только тут обратил внимание, что у водителя два техталона: украинский и ДНР. Оказывается, и два комплекта номерных знаков.

Город контрастов

Донецк приятно поразил расчищенными от снега улицами и тротуарами, невзирая на поздний час, по городу курсировали пескоразбрасывающие машины. КП ДСРУ (коммунальное предприятие «Дорожно-строительное ремонтное управление»), хорошо известное дончанам по прежней жизни, и сейчас активно приводит дороги в порядок. И не только в центре, который стараются держать в привлекательном состоянии любой ценой. Даже в прифронтowej Путиловке видел работу таких машин.

Оставшихся на месте жителей особо поврежденных посёлков (Путиловка, Октябрьский, 15-й участок, Трудовской) убеждают, что главная война для них закончилась, надо возвращаться к мирной жизни. Их обходят работники ЖЭКов, предлагая записываться на бесплатное восстановление жилищ. Во многих как частных, так и многоэтажных домах наряду с заделанными фанерой и досками окнами появляются свежие стеклопакеты. С каждым днём их всё больше. Кто главный спонсор, не вполне понятно. Говорят, средства на восстановительные цели направляют москвичи. Как работает эта схема, так и не понял. Но это не главное. Важнее, что есть реальная польза.

Едучи в Донецк, мысленно готовил себя к пустым улицам. На самом деле транспорта достаточно. Но если вспоминать довоенный Донецк — разница существенная, и улицы кажутся полупустыми, особенно в субботу, когда на работу ехать не надо. Исправно ходят старенькие трамваи, троллейбусы. Проезд в общественном транспорте — три рубля, для пенси-

онеров — бесплатный. Светофорное хозяйство в отменном порядке (даже на Путиловке, недалеко от линии фронта). «Но светофорами народ пользуется очень избирательно», — объясняет таксист Николай, подвозивший меня в магазин «Цветы». Кстати, о цветах. Неожиданностью стало то, что в Донецке можно по Инету заказать букет с доставкой, что и сделал мой сын из другого города, приятно удивив свою тётю в день её рождения.

Открылись заново многие кафе, работают супермаркеты электроники, сетевые продуктовые супермаркеты, многое другое. Аптеки, театры, кино... До поездки представлял Донецк эдаким постапокалиптическим городом со стайками людей, которые перебежками двигаются вдоль стен. А тут мамы гуляют с детьми... Работают вузы, бары-рестораны. В ДНР впервые прошёл фестиваль молодёжи Донбасса, собравший более тысячи студентов. При этом 97 участников приехали с подконтрольной Украине территории. На малой сцене Донецкого государственного академического музыкального драматического театра им. Бровуна состоялась премьера спектакля «Олеся» по одноименной повести Куприна. В Государственном академическом театре оперы и балета им. Соловьяненко шла оперетта Легара «Весёлая вдова». Донецкий республиканский художественный музей приглашал на выставку «Вышел в степь донецкую...» гончарных и витражных работ местных мастеров. В Театре кукол — спектакль «Али-Баба и разбойники». Накануне моего приезда здесь подвели итоги первого республиканского конкурса «Человек года». В 17 номинациях!

Привыкшие к смерти

Из прекрасного Донецкого аэропорта я последний раз улетал осенью 2013-го. Из сообщений СМИ знал, что он разрушен, там шли жуткие бои. Всё это казалось нереальным, невозможным в XXI веке. Однако своими глаза-

ми увидел руины. А рядом с аэропортом изрешечённые осколками заборы и остановки общественного транспорта. Пятиэтажки, зияющие проломами от танковых снарядов... По словам выпускника нашего военного училища Саши Тереверко, живущего в Киеве, схожая картина по ту сторону линии фронта в Авдеевке.

В 1996 году в районе чеченского села Галашки мы с оператором Олегом Вердиевым снимали телерепортаж. Двигаясь по окопам, вырытым в полный рост, разговаривал с бойцами. И вдруг Олег, совершенно гражданский человек, выскочил на бруствер, чтобы сверху снять хорошую «картинку» окопов. Сопровождавший нас подполковник только успел схватить его за ноги и затащить в окоп, как тут же с противоположной стороны раздалась пулемётная очередь. Вспомнил я это на прифронтовой окраине Донецка, производящей впечатление полумёртвой. Чтобы сделать снимок разбитого аэропорта, полез в пролом в заборе, но меня остановил крик племянника: «Там мины!» Назад пришлось возвращаться по собственным следам.

Человеку, далёкому от войны, трудно осознать эту реальность. Но в ней живут люди, за четыре года привыкшие к смерти. Родственница Яна водила меня по своему огороду, показывала дыры в заборе от снарядов, изрешечённые пулями стены, а в сарае — оперение от «Града». Пожилая женщина спокойно рассказывала, как отличить на слух танковый снаряд от мины, определить направление его полёта и как в таких случаях поступать. Показала дома, куда попали снаряды. А ещё поделилась довольно интересным наблюдением о повадках военных и не нюхавших порошу собак...

Мужа её мы не застали, он поехал на Украину за пенсией. Средняя пенсия в ДНР — 2600 рублей. Деньги смешные, уходят целиком на коммуналку. Многие из донецких пенсионеров вынуждены, чтобы выжить, регистрироваться у родственников в Незалежной, получать свою довоенную пенсию

в гривнах. Украинские паспорта никто в ДНР не забирает, так как у всех есть родственники по ту сторону и к ним иначе не проехать. «Это правильно, — говорил мне местный житель Григорий. — Не фиг было увозить все деньги из Донбасса. Ограбили нашу долю и умничают. А старики заработали эту пенсию».

Глава Донецкой народной республики, председатель Совета министров, Верховный главнокомандующий ВС ДНР Александр Захарченко многим нравится. В учреждениях размещены его портреты. По городу — плакаты-растяжки со словами «Родина у нас одна — Россия». И всё же сложилось впечатление, что в Донецке мало кто хочет говорить о политике. Не потому, что опасаются, просто надоело. Яна, живущая в районе разбитого Донецкого аэропорта, ничего не ждёт и от предстоящих выборов президента России. Женщина больше надеется на выборы следующего года в Незалежной. Но вместе с тем заявляет: «Пока Украина не развалится, она от нас не отстанет». Противостояние в душах и сердцах людей зашло уже очень далеко, мало кто верит в мирный исход.

За «скорой» — на трамвае

Пятый год жители Донецка, по крайней мере большинство — за чертой бедности. Под постоянной угрозой даже в центре угодить под обстрел «Градов». Захожу в первый попавшийся магазин и замираю от ценников: белорусская водка — 78 рублей, сигареты — 20–30. Но свинина — 250–300 рублей за килограмм, говядина — 300–350, куры — от 90 до 140. При этом шахтёры получают 12–14 тысяч в месяц, об остальных и говорить не хочется. Цены на крупы, фрукты и овощи почти такие же, как в России, хотя на окраине можно найти и подешевле. Горожане объясняют так: «Мы были промышленным регионом, а еда всегда шла с Украины».

Но продолжают открываться заведения, где (за приличные деньги, разумеется) можно хорошо отдохнуть. Юбилей

сестры мы отмечали в ресторане на берегу Кальмиуса. Была пятница, но свободных столиков не оказалось. Работает несколько пивоварен с вполне сносным продуктом, и не только в центре. За юзовским пивом даже очереди выстраиваются.

Ночные клубы при комендантском часе работать не могут. Но они, если есть желающие, запираются изнутри до утра, и клиент может отдыхать по полной программе, пока рассвет не позолотит верхушки деревьев. Комендантский час в Донецке официально с 22 часов вечера до 5 утра. В это время на улицах города появляться нельзя. В принципе, жизнь в городе замирает ещё раньше — около 20 часов. Но островки активности остаются, как и подсветка всех главных зданий города. У некоторых таксистов — специальные разрешения на работу во время комендантского часа. За скромные деньги (500 рублей) таксист сделал три рейса, отвозя нас из ресторана домой. Самое удивительное, что они не отказываются свозить и на передовую, рискуя при этом жизнью...

Республика несколько недель живёт без МТС. В первую очередь под ударом оказались многострадальные пенсионеры, у которых одна сим-карта с довоенного времени и примитивные «трубки». За стартовым пакетом оператора «Феникс», который можно приобрести только на главпочте, огромные очереди. Стартовый пакет — 120 рублей плюс 50 на пополнение для многих пенсионеров сумма запредельная. Да ещё надо купить смартфон и научиться пользоваться вайбером... Самое ужасное, что трудно дозвониться в экстренные службы. Пример из реальной жизни: ребёнок потерял сознание, мама безуспешно набирает 103 и, поняв, что дозвониться не удастся, бежит на улицу ловить такси...

«Кто из вас когда-нибудь ездил вызывать «скорую» на трамвае? — спрашивает соседка Анна. — Я на днях сподобилась. Дозвона нет, хоть тресни, а у меня на глазах мужчина 62 лет умирает. Давление зашкаливает, онемение сначала рук, потом ног. Я на остановку — там связь лучше. Машин в обе-

денное время почти нет. Смотрю, трамвай едет. Я в него заскочила и, пока две остановки ехала до пункта «скорой помощи», пыталась дозвониться. Так и добралась на трамвае...»

Другая моя собеседница — Марина вспоминает: «На днях похоронили 50-летнюю женщину. Она четыре дня находилась одна дома в состоянии тяжёлой интоксикации. Не могла связаться даже с друзьями. МТС у неё отключён, а «Феникса» нет. Подруга застала женщину ещё живой. Увезли на «скорой», но спасти не успели».

Бросилось в глаза, что местные жители почти не улыбаются и одеваются тускло. Объяснили мне это прежде всего естественным нежеланием веселиться в городе, где до сих пор идут боевые действия. Однако дончане называют и другую причину: они не видят просвета, утратили надежду на спасение и не понимают, как долго они смогут протянуть в таких обстоятельствах. Безработица более чем серьёзная. Но официальные цифры никто не даёт. Какую-нибудь подработку найти, конечно, можно. Трудно по специальности. Мой друг Гриша занимал до войны солидный пост. Ныне вынужден на своём «бусике» развозить рабочих. И оплата его работы так, на прожить. Но после обстрелов, жизни в подвалах это кажется несущественным.

Мне показалось, что жители Донецка стали более желчными, в чём-то даже циничными, однако это скорее способ самозащиты. Разуверившись в том, что жизнь изменится, они научились выпускать шипы при появлении малейшего раздражителя. Иногда эти шипы ранят их самих. Многие осторожны в общении. Но это техника безопасности — как при обращении с газовой колонкой: «Украину здесь не полюбили, но и к идеям ДНР уже относятся без особого фанатизма». И это говорит о скепсисе, даже разочаровании в тех переменах, которые вначале были восприняты с великим энтузиазмом и воодушевлением.

Кофе в Иловайске

В обратный путь до границы меня доставил на машине племянник. В подарок увозил из города продукцию местной кондитерской фабрики, которой довольно много в магазинах. Но видел на прилавках Донбасса и конфеты порошковского «Рошена», изготовленные в Виннице — вотчине премьера Гройсмана. Бизнес, похоже, для стоящих у власти на Украине превыше всего. Хотя и на «вражьих москальских» просторах продукции «Рошен» завались.

В Иловайске зашёл в придорожное кафе. Пока пил кофе, выслушал рассказ хозяйки о боях, о жизни. Прощаясь, гарна дивчина вдруг задала мне вопрос, что называется, в лоб: «Что у вас народ про нас думает? Почему России всё равно, когда Украина расстреливала наши города, била специально по школам?» Ответа на этот колючий вопрос у меня нет.

Таможню миновал быстро — короткая очередь, люди с полными сумками сигарет и алкоголя. Пока под проливным дождём едем в Ростов-на-Дону, снова прокручиваю в голове события и картины моего недолгого путешествия.

Донбасс — край полной неопределённости. Сколько это ещё будет продолжаться? Понятно, что проблемы простых людей чиновников в тёплых кабинетах мало волнуют. Но жизнь скоротечна. И каждому придётся отчитываться перед Всевышним...

Март 2018 года

Академия беспамятства

В стенах Львовского высшего военно-политического училища теперь готовят офицеров для карательных операций в Донбассе. Об истории города и вуза курсантам не рассказывают.

Львов — город спящих львов. Он стоит на семи холмах, как Рим. Львов — маленький Париж. Или, может, Париж — это большой Львов... Мы, курсанты ЛВВПУ, были влюбле-

ны в этот город, основанный князем Даниилом Галицким в 1256 году. Львов притягивал к себе загадочностью, стариной и теплотой. Огромное удовольствие доставляло бродить по его улочкам. Свидания с девушками и встречи с друзьями чаще всего назначались у монумента Славы, который располагался рядом с нашей альма-матер. Но времена с тех пор, как известно, круто изменились.

Открыли мемориал в мае 1970-го. Он выполнен в граните и бронзе. Состоит из 30-метрового пилона, бронзовой центральной группы и гранитной стелы с барельефами из кованой меди. На вертикальном пилоне — горельефы, олицетворяющие основные виды войск: пехотинец, танкист, артиллерист, лётчик, матрос. В центре мемориала — фигуры воина и Родины-матери. Родина-мать принимает присягу верности воина-освободителя и благословляет его меч. Историю советских Вооружённых сил иллюстрируют шесть многофигурных горельефов по сторонам стелы: «Рождение Красной армии», «Гражданская война», «Освобождение Западной Украины», «Год 1941-й», «Великая Отечественная война» и «Победа». Ансамбль расположен на месте старого кладбища, где погребены солдаты русской армии, умершие от болезней и голода при переброске императорских войск в Венгрию в 1849 году.

За мемориалом ухаживали курсанты нашего училища. В 1976-м у монумента Славы мне вручили офицерские погоны и кортик. Здесь мы, лейтенанты, 42 года назад сфотографировались со своими наставниками. Отсюда новоиспечённые офицеры-журналисты и культпросветработники в последний раз прошли в училище строем с песней: «Родное училище моё... Пусть годы пролетят, я встрече с тобой буду рад...»

Увы, нет сегодня нашего славного ЛВВПУ, есть лишь стены, где мы познавали науки. Нет и Гвардейской улицы. Её переименовали в честь непонятных героев майдана. В стенах ЛВВПУ, о котором мы когда-то пели, теперь располагается Академия сухопутных войск имени Петра Сагайдачного

ВСУ. К сожалению, побывать на территории, которая четыре курсантских года была родной, не удалось.

Просьбу, с которой я обратился заранее, начальник академии генерал-лейтенант Пётр Ткачук проигнорировал. Выпускник ЛВВПУ Слава Воронков, живущий в Одессе, объяснил это тем, что я, видите ли, иностранец и в отношении таких во всех странах существуют правила допуска в военные училища. Я, родившийся и выросший на Украине, чьи родные и близкие восстанавливали «нэньку» и сегодня покоятся в её земле, теперь иностранец. А Слава Воронков, по распределению оказавшийся в Одессе, теперь «щирий» хохол. Понимаю его попытку выгородить руководство академии, но выглядит это довольно коряво.

Во время поездки в американский Аннаполис захотелось побывать в самом престижном учебном заведении США — Военно-морской академии. На КПП предъявил российский паспорт дежурному офицеру, который после его просмотра сделал запись в журнале и, пропустив через сканер мою сумку с фотоаппаратом, улыбнулся: «Вэлкам!»

Но я особо не переживаю, что не попал на территорию бывшего ЛВВПУ. Может, и к лучшему: пусть училище остаётся в памяти таким, из ворот какого я отправился 42 года назад в офицерскую жизнь.

Через забор увидел только, что нет на плацу памятника Ленину. Как рассказали друзья, его в начале 90-х вырвали за ноги из асфальта трактором. А на месте мемориала погибшим в годы войны курсантам ЛВВПУ теперь стоит безликая боевая машина.

В том, что правильно сделал, оставив попытку пройти на территорию бывшего ЛВВПУ, ещё раз убедился, пролистав книгу «Светлая память героям павшим. Честь и слава героям живым», изданную в академии в прошлом году. Чего стоит предисловие её начальника: «Триває російська агресія на Сході нашої держави...Так, завдяки мужності та героїзму

наших військовиків, патріотизму українців, нам вдалося зупинити російську навалу. (Продолжается российская агрессия на Востоке нашего государства. Но, благодаря мужеству и героизму наших воинов, патриотизму украинцев, нам удалось остановить российский натиск)». Не буду дальше цитировать антироссийский бред украинского генерала. Могу лишь сделать вывод: плохо кавалер ордена «За службу Родине в ВС СССР» усвоил понятия «агрессия» и «война».

Книга о павших и живых выпускниках академии страшная. Восемь офицеров удостоены за бои в Донецке и Луганске звания Героя Украины (трое посмертно). В 2014–2016 годах погибли 53 выпускника академии. За что? А скорбный список пополняется. Будут ли этих одурманенных пацанов помнить лет через десять — двадцать? Как помним мы выпускника ЛВВПУ, кавалера двух орденов Красной Звезды Валеру Глезденёва, погибшего в Афганистане. Война тогда шла на чужой территории. А тут убивают своих ради лучшей жизни олигархов и покровителей из «вашингтонского обкома».

Правильно говорят: каков поп — такая и молитва. И всем нам, выпускникам ЛВВПУ, пора привыкнуть к тому, что нет нашего славного училища. В его стенах теперь учебное заведение, на базе которого Минобороны Украины готовит войсковых офицеров для карательных операций в Донбассе. Как уяснил из разговора с курсантами, об истории Львова им не рассказывают. Не говорят даже того, что здание академии было построено для австрийских офицеров связи. А до ЛВВПУ в этих стенах располагался польский кадетский корпус имени Юзефа Пилсудского.

Не знают нынешние курсанты (в основном выходцы из западных областей Украины) и о том, что было раньше на Стрыйской улице, к которой примыкает большая часть территории академии. До «оккупации» советской властью на этой промышленной окраине соседствовали два завода и кладбище. В исторический центр Львова, где жили бок о бок поляки,

евреи и армяне, украинцев не пускали. Жителей с окраины называли здесь даже не украинцами, а рогулями. И все отлично помнят, почему закрепилось название, на которое они до сих пор с обидой отзываются. В польском Львове при въезде в город были организованы заставы, на которых стояли вооруженные часовые. Им было запрещено пускать в город бедных украинских крестьян, чтобы те не смущали своим видом европейских граждан. Часовой держал под прицелом столбы (рогули), на которые опускался полосатый шлагбаум. Его поднимали только под утро, чтобы украинцы могли поднести к дверям господ свежий творог, молоко, мясо. Следующей ночью они забирали деньги и приносили новый товар.

Курсантам академии, как я понял, некогда читать книжки. Большую часть учёбы будущие украинские офицеры проводят на Яворовском полигоне, где их муштруют инструкторы НАТО («Коктейль Молотова американского розлива»). Именно у преподавателей академии из стран Запада, прибывших сюда по разнарядке альянса, мемориал Славы «вызывает много вопросов». Он бельмо на глазу и для местных националистов.

Конфликт из-за монумента Славы длится далеко не первый год. Попытки снести его предпринимались ещё в середине нулевых, когда отношения Украины с Россией были почти безоблачными. В последующие годы монумент многократно хотели развалить националисты, но местные власти не давали. Администрация опасалась столкновений между сторонниками и противниками памятника. Дело в том, что в 800-тысячном Львове живут почти 100 тысяч русскоязычных, в их семьях свято чтят память о Великой Отечественной. К тому же монумент не подпадает под действие пресловутого Закона о декоммунизации.

Но в последнее время атаки вандалов на Советского солдата и Родину усилились — их обливали краской, разрисовывали оскорбительными надписями. Неонацисты из «Правого сектора» (запрещённой в России организации) топорами

и кувалдами сбили надпись «Победителям над нацизмом», раскурочили гранитные плиты. Но защитники монумента — члены Организации ветеранов Украины, Антифашистского комитета, многие львовяне — памятник восстановили.

Однако ряды ветеранов с каждым годом редеют, а сами они теряют силы. Зато группировку националистов во Львове пополняют всё больше одурманенных нацистской пропагандой юношей. К тому же националисты понимают: именно сейчас в государстве идеальная ситуация для сноса мемориала, ведь после выборов в 2019 году к власти на Украине могут прийти более вменяемые, лояльные к советскому прошлому силы и процесс сноса может быть свернут.

Власти Львова объявили тендер на демонтаж монумента Славы. Стоимость работ оценивается в 300 тысяч гривен. Но, как я убедился, не все львовяне предали историческую память. Масса людей остаются верными чести предков, освободивших Украину от нацистского нашествия ценой невероятной самоотверженности и жертв. Львовянка Инна Иваннчко, местный руководитель гуманитарной группы движения «Украинский выбор — право народа», подала иск против решения львовского горсовета. После одного из заседаний суда защитницу монумента Славы облили зелёнкой. Иваннчко и её товарищам всё же удалось добиться решения о проведении технической экспертизы монумента. Эксперты из администрации Галицкого района, где расположен памятник, пришли к выводу, что «гранитные плиты весом до 160 килограммов могут упасть в любой момент и кого-нибудь придавить, а ведь вокруг гуляют дети». «Аварийную» часть монумента оградил мерзким коричневым забором. На нём сразу появились надписи: «Смерть коммунякам!», «Слава УПА» (ОУН-УПА запрещена в России).

Фигуры солдата и Родины-матери выглядят, свидетельствую, нормально сохранившимися. Правда, слева от них стоит белый камень, при ближайшем рассмотрении оказавший-

ся «монументом» памяти «павших воинов АТО». Местные националисты не скрывают: после сноса мемориала советским воинам они хотят увековечить карателей, воевавших в Донбассе.

В дни моего пребывания во Львове на одном из украинских каналов бывший министр транспорта и связи Украины Евгений Червоненко заявил, что его страну ждут страшные проблемы из-за культивируемого в ней фашизма. Политик отметил, что правоохранные органы сквозь пальцы смотрят на преступления, связанные с разжиганием межнациональной розни. По его мнению, лозунг «Украина для украинцев» абсолютно недопустим, поскольку в истории человечества все разговоры о титульной нации заканчивались концлагерями. Экс-министр подчеркнул, что власть разжигает эти настроения, так как нет экономических достижений. Это хорошо видно и на практике воспитания нынешних курсантов во Львове, и на примере войны с монументом Славы.

Декабрь 2018 года. Львов

Украина не в НАТО, зато НАТО уже в Украине

Дональд Трамп задолго до окончательного подведения итогов голосования второго тура президентских выборов на Украине одним из первых поздравил Владимира Зеленского с победой и заверил, что Вашингтон готов оказывать ему поддержку.

Вице-президент США Майкл Пенс с нетерпением ждёт первой встречи с Зеленским. О его поддержке в борьбе с «неослабевающей российской агрессией» заявил Госдепартамент США. Глава НАТО Йенс Столтенберг пообещал Киеву содействие и пригласил новоизбранного побывать в штаб-квартире альянса. Генсек написал в Твиттере: «НАТО будет и впредь оказывать сильную политическую и практическую

поддержку Украине». В переводе с дипломатического примерно так: ничего не меняйте, делайте, что скажут.

Владимир Зеленский в ходе предвыборной кампании повторял: «Я за НАТО. Но чтобы вступить в НАТО, мы должны людям объяснить, что это не какой-то аллигатор, который хочет проглотить нас, Украину, что это действительно безопасность страны. И вступление в НАТО обязательно должно проходить через референдум». Похоже, это был предвыборный трюк. После победы член команды Зеленского, окончивший Киевское ВОКУ и Военную академию им. Фрунзе, Иван Апаршин, которого прочат в министры обороны, заявил: «Украина будет развивать сотрудничество с НАТО, в том числе по вопросу достижения взаимной совместимости во время проведения возможных совместных операций. Силы безопасности и обороны продолжают интенсивное сотрудничество с альянсом и соответствующими структурами Европейского союза. Мы чётко будем поддерживать выполнение тех мероприятий, которые заложены в ежегодную национальную программу «Украина — НАТО».

Её в дополнение к уже имеющимся планам присутствия войск альянса на территории страны 10 апреля утвердил своим указом Пётр Порошенко. Но, как считают военные аналитики, НАТО лишь декларирует намерение в будущем видеть Украину в своих рядах, а на деле рассматривает её как хороший полигон, где можно испытывать и осваивать приёмы ведения боевых действий, знакомиться с тактикой ополчения, заниматься разведкой. А также участвовать непосредственно в боевых действиях. Недавно на Яворовском полигоне во Львовской области «за выполнение задач на территории Украины» сержанту 1-го класса Брайану Форду была вручена медаль «За заслуги». Согласно статуту этой американской награды, её удостоиваются солдаты, сержанты и офицеры исключительно за участие в боевых действиях.

Чтобы опробовать новые разработки в реальных условиях, альянс поставляет подразделениям ВСУ в Донбассе вполне современные контрбатарейные комплексы, прицелы и приборы ночного видения. Что же касается остального вооружения, то тут янки сбывают украинцам всякое старьё. С огромной помпой ВСУ были переданы ПТРК «Джавелин», но применять их не разрешили. Пообещали Киеву принятые ещё 40 лет назад на вооружение ВМС США противокорабельные ракеты «Гарпун», но вопрос пока не решён. Недавно в Одессе выгрузили партию из 20 боевых и 15 санитарных бронированных «Хаммеров». Санитарные оказались без брони. А броневики М-1114, широко разрекламированные украинскими СМИ как новые, выпускались ещё в прошлом веке и получили массу нареканий от воюющих подразделений США. С учётом и другого утиля, которым НАТО снабжает Киев, «оружейное присутствие» для альянса на территории, граничащей с Россией, вовсе не главное.

На основании решений парламента, СНБОУ, президента и Министерства обороны на территории Украины проводятся десятки учений с участием специалистов или военнослужащих всех родов войск альянса. Представители НАТО на постоянной основе находятся на полигонах и в центрах подготовки. Только в апреле 2019 года Харьковский институт танковых войск посетила делегация во главе с подполковником Робертом Вагстаффом, в военной академии в Одессе побывали польские коллеги, в Яворовском центре проходили маневры артиллеристов, танкистов, мотострелков и разведчиков 72-й омбр, в Румынии в учениях Platinum Eagle — 2019 принимал участие батальон морпехов Украины. Под Житомиром по плану операции Orbital (Operation Orbital) прошли тренировки 95-й одшбр под руководством американцев и литовцев. В совместных с датчанами учениях «Северный сокол» принял участие экипаж транспортной авиации ВВС Украины. Он отрабатывал доставку топлива с базы ВВС США «Туле» на

полярную станцию «Норд». В это же время в Одессе проходил семинар с представителями 6-го флота США по вопросам комплектования и рекрутинговой системы, а в Чёрном море украинский ракетный катер «Прилуки» проводил учения по тактическому маневрированию и стрельбам с фрегатом королевских ВМС Канады «Торонто», фрегатом ВМС Испании «Санта-Мария» и тральщиком ВМС Франции «Каприкон». На последнем проходили практику курсанты Одесской морской академии. С 5 по 13 апреля в Чёрном море состоялись многонациональные учения НАТО Sea Shield — 2019, в которых были задействованы 2200 военнослужащих.

В прошлом году Объединенной многонациональной группой на Украине по стандартам НАТО подготовлены 13 батальонных тактических групп вместе со штабами. Президент Порошенко и Верховная рада дали добро на одновременное пребывание в стране восьми тысяч солдат из стран НАТО. И теперь тысячи военнослужащих альянса, не считая сотен советников, инструкторов по проведению секретных операций и ведению информационных войн, постоянно находятся на территории Украины на законной основе. А так называемый Яворовский международный центр миротворчества и безопасности можно смело назвать базой НАТО. На днях сюда прибывают 150 военнослужащих 2-й боевой группы «Страйкер» 101-й воздушно-десантной дивизии армии США («Клокочущие орлы») во главе с Джозефом Эскандоном. Они заменят военнослужащих 278-го бронекавалерийского полка. Ротацию проконтролирует делегация конгресса во главе с Дэвидом Прайсом, генерал-адъютантом нацгвардии штата Теннесси Джефом Холмсом и бывшим командиром 278-го полка генералом Джимми Коулом. Одновременно центр покидают подразделения 5-й мехбригады армии Канады (командир — подполковник Пьер Леру), их меняет сборная группа подполковника Фредерика Коте. На Яворовском полигоне в июле и октябре пройдут учения Rapid Trident —

2019, в которых примут участие свыше двух тысяч военнослужащих НАТО на своей бронетехнике и самолётах.

До конца этого года альянс запланировал ещё несколько масштабных совместных с ВСУ учений на территории Украины. В Одесской и Николаевской областях, в Очакове, на острове Змеиный пройдут Sea Breeze — 2019. В них примут участие около 4750 военнослужащих, в том числе две тысячи солдат НАТО. С августа по октябрь на военных аэродромах и полигонах Николаевской области планируются украинско-британские учения Warrior Watcher. С июля до декабря в Житомирской области будут проходить КШУ Maple Arch — 2019, в которых примут участие военнослужащие США, Канады, Черногории, Грузии, а также литовско-польско-украинская бригада им. Константина Острожского. Летом с привлечением войск и кораблей на Дунае и в акватории Чёрного моря пройдут украинско-румынские учения Riverine-2019.

Пока избранный Владимир Зеленский планирует проводить референдум о вступлении в НАТО, альянс уже полностью хозяйничает на его территории.

На Украине культ палачей

Бандеровские активисты в Одессе снесли последний памятный знак Маршалу Победы Георгию Жукову, который был установлен на одном из общежитий местного университета.

Накануне этой варварской акции в другом украинском городе — Ивано-Франковске — прошла церемония торжественных похорон последнего эсэсовца из дивизии «Галичина» Михаила Мулыка. Незалежная окончательно скатывается на путь, по которому шла Германия 30-х годов.

Официальные представители городской власти на все лады расхваливали умершего гитлеровца. Секретарь Ивано-Франковского горсовета Виктор Синишин сказал: «Его неутраченная борьба за судьбу родного государства всегда будет служить ярким примером патриотизма и любви к родине». Мэр

города Руслан Марцинкив добавил: «Сегодня мы хороним целую эпоху национально-освободительной борьбы. Даю обещание, что со временем в нашем городе появится улица имени Михаила Мулыка — почётного гражданина и последнего дивизионника Ивано-Франковска».

Депутат Верховной рады Украины Оксана Савчук также откликнулась на смерть эсэсовца, заявив, что его дело «достойно уважения». Ранее она зарегистрировала законопроект, в котором предложила считать бандеровский красно-чёрный флаг знаменем национально-освободительной борьбы украинского народа. И вывешивать его наряду с государственным, а за надругательство предусмотреть уголовное наказание до трёх лет лишения свободы.

Украинские телеканалы рассказали и показали жителям Незалежной, как хоронили фашиста переодетые в немецкую форму современные бандеровцы, а попы из свежееиспечённой ПЦУ/СЦУ вместе с униатами провели «панихиду». Это несмотря на принятый Верховной радой закон, запрещающий пропаганду нацизма. Люди в нацистской форме свободно участвуют в мероприятиях в присутствии полиции и государственных чиновников в других регионах Украины. А за Георгиевскую ленту или Красное знамя можно угодить в тюрьму.

Коллаборанты на Украине почитаются повсеместно. На Ивано-Франковщине открыли очередную мемориальную доску в честь гауптштурмфюрера дивизии СС «Галичина» и переводчика Гиммлера Дмитрия Палиива. А во Львове в год 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне презентовали юбилейную марку в честь 100-летия коменданта украинской вспомогательной полиции Дубно, организатора погромов, палача и убийцы пяти тысяч дубенских и ровенских евреев и тысяч поляков, военного преступника Васыля Левковича. На Нюрнбергском процессе о расстреле евреев в Дубно немецкий инженер Герман Граббе дал такие показания: «Без плача и крика эти люди раздевались,

стоя семьями, целовали друг друга и прощались. Я видел семью из восьми человек, мужчину и женщину, обоим около 50 лет, с детьми приблизительно одного, восьми и десяти лет и двумя взрослыми дочерьми примерно 20 и 24 лет. Пожилая седая женщина держала на руках годовалого ребёнка и пела ему».

А Верховная рада, где большинство депутатов из партии нынешнего президента, приняла постановление о праздновании юбилея Левковича и ещё десятка пособников Гитлера. В школах в их честь должны проводиться торжественные мероприятия. Украинских детей теперь воспитывают не на примерах героев, которые спасли мир от «коричневой чумы», а на деяниях палачей своего же народа.

Была надежда, что, став президентом, Владимир Зеленский, внук гвардии старшего лейтенанта Семёна Зеленского, прошагавшего фронтовыми дорогами Великой Отечественной, награждённого боевыми орденами, защитит память фронтовиков, выступит против фальсификации истории и тех, кто разрушает памятники. Но президент Зеленский сейчас сам на стороне тех, против кого воевал его дед. Это предательство, как и запрет на использование символа Великой Победы, говорит о том, что на Украине последовательно проводится фашизация общества.

Нина Сергеевна Ищенко

Родилась в 1978 году, кандидат философских наук, культуролог, преподаватель Луганского государственного педагогического университета, редактор сайта новостей культуры «Одуванчик». Литературовед, критик, публицист. Автор нескольких книг публицистики, книг литературно-критических статей: «Локусы и фокусы современной литературы» (2020), «Книжная полка Татьяны Лариной» (2020), «Город на передовой. Луганск-2014» (2020). Редактор-составитель пяти сборников Философского монтеневского общества Луганска: «На грани мира и войны» (2015), «Четверть века с философией» (2016), «Донбасс в огне» (2018), «Колышется русское поле... Внемли, Русский мир!» (2019), «Монтень в Луганске» (2020). Редактор сборников стихотворений Е. Заславской «Год войны» (2015), «Бумажный самолёт» (2018), «Донбасский имажинэр» (2020), «Опыты пристального чтения» (2020), «Новороссия гроз. Новороссия грёз» (2020). Член Союза писателей ЛНР (2018). Член Философского монтеневского общества Луганска. Живёт в Луганске.

«РУССКИЙ ЛАВКРАФТ»: ЛЕДЯНОЙ ПОХОД ПО ЗИМНЕМУ ДОНБАССУ

Образ Родины, создаваемый литературными средствами, обращается к культурной памяти. Культурная память включает не только историческую память о событиях, пережитых народом, но и всё пространство мировой культуры. Для выражения образа Родины современный поэт может обращаться к разным темам чужих культур, формируя художественное единство. Рассмотрим, какие культурные топосы использует для создания образа родного Донбасса современный поэт Александр Сигида-сын в стихотворении «Русский Лавкрафт».

Александр Сигида-сын (1986 г.р.) — поэт, переводчик с французского и испанского. Родился в семье шахтера и учительницы русского языка. Окончил в 2003 году Луганский

лицей иностранных языков, в 2010 году стал магистром французской филологии. С 2014 года занимается текстами милитаристического, декадентского, романтического направления. Любимые авторы — Лимонов, Лавкрафт, Ницше, Гумилёв, Честертон, Киплинг. В 2014 году, когда Украина напала на Донбасс, Александр ушёл в народное ополчение, в настоящее время (2022 год) является военнослужащим в ДНР.

Стихотворение «Русский Лавкрафт» написано в 2016 году. В произведении дается совершенно неожиданное прочтение узнаваемого донбасского пейзажа. На то, что перед нами воюющий Донбасс — родина автора, указывают такие детали, как степной горизонт и угольные шахты, среди которых находится часовая:

*Не спит на часах с винтовкой солдат,
Волком глядит
На горизонт, снежный, степной.
...Видишь знаки разрывов близ угольных шахт?*

В этом пейзаже лирический герой последовательно выбирает и отбрасывает следующие жизненные стратегии: читать книги, отгородившись от реальности; оставить окоп и уехать подальше; наблюдать свысока за битвами других.

Первый вариант жизнеустройства открывает стихотворение, которое стоит на выделенном, семантически сильном месте. Это мечта «книжного мальчика, не знавшего битв», по выражению Высоцкого:

*Если б я знал,
Я бы остался, как Говард Лавкрафт,
На чердаке, книжным червём, вечный изгой...
Я б не равнял
В зимние ночи лунный ландшафт,
Я бы не брал
Книги в последний, решительный бой.*

Второй вариант, всё бросить и уехать, развивает тему отстранения от войны:

*Если б любил,
Я бы не вёл себя, словно Лавкрафт,
Как дезертир, я бы оставил стылый окоп...
Плюнув на всё,
С милой еврейкой, Соней Гафт,
С bad jewish girl
Я переехал бы жить в Конотоп.*

И наконец, квинтэссенция этого подхода подытоживает все возможные варианты отстранения от жизни, битвы и войны:

*Если б я был
Так беспристрастен, каким был Лавкрафт,
Я бы обнёс владенья мои крепкой стеной...
И свысока я наблюдал бы, как астронавт,
Тех, кто внизу
Всё не делят шарик земной.*

Все эти стратегии описываются и последовательно отбрасываются автором. Сравнивая лирического героя с Лавкрафтом, автор даёт понять, что его персонаж — тоже писатель, создатель волшебных миров. Он стоит перед выбором, ищет свой путь во тьме. Отброшенные альтернативы заставляют читателя отвернуться от других пространств и взглянуться в простор, который открывается перед писателем, смотрящим вперёд.

В последних строфах стихотворения автор создал лавкрафтианский пейзаж, перенося реалии произведений короля ужасов в донбасские степи. Среди угольных шахт и бескрайних степей вырисовываются города Кадат и Р лайх из «Зова Ктулху», Олатоэ из «Полярной звезды», знаменитых рассказов Лавкрафта. Вместе с лавкрафтианскими топосами в пространстве Донбасса возникает атмосфера ужаса, стылой

ледяной пустыни, населённой мверзьями, кошмарными призраками-феями из Страны Снов. В этом ландшафте лирический герой ищет свой правильный путь:

*И всё хорошо,
Освобождён с боем Кадат,
Снова в поход, Р'лайх — позади,
Там, за спиной...
В Олатоз
Не спит на часах с винтовкой солдат,
Волком глядит
На горизонт, снежный, степной.*

*Говард, пора.
Видишь знаки разрывов близ угольных шахт?
Слышишь ли крики мверзей ночных
Над нашей страной?
Фридрих-Вильгельм, снайпер Бодлер и
Русский Лавкрафт
Время — вперёд...
Снова уходят в поход ледяной.*

В последних строфах стихотворения путь выбран. Русский писатель, русский Лавкрафт, идёт в бой, уходит в ледяной поход. Если в первой строфе появляется «последний решительный бой» из Интернационала, отсылая к красной идее, то последние слова стихотворения, семантически самая сильная позиция всего произведения, указывают нам на мифологему белого движения — ледяной поход, то есть первый поход Добровольческой армии на Кубань в феврале — апреле 1918 года, её движение с боями от Ростова-на-Дону к Екатеринодару и обратно на Дон (в станицы Егорлыкская и Мечетинская) во время Гражданской войны.

Писатель уходит в ледяной поход, сопровождаемый собратями-писателями, героями, взрывавшими культурные

границы и раскалывавшими миры. С поэтом, защищающим родной Донбасс, выступают в ледяной поход Фридрих Вильгельм Ницше, разрушитель европейской культуры, потрясший мир словами «Бог умер», Шарль Бодлер, автор «Цветов зла», сборника стихов, уничтоживших классическую эстетику, и Говард Лавкрафт — создатель мира ужасов, отменяющего и взрывающего сложившуюся эстетику прозы XX века.

Итак, в стихотворении «Русский Лавкрафт» ставится и решается проблема жизненного выбора поэта на войне. Лирический герой отбрасывает привлекательные для интеллектуалов варианты — жить в башне из слоновой кости, стоять над схваткой, уехать подальше. Русский Лавкрафт выбирает путь поэтов, философов, писателей, для которых литература больше, чем забава, которые философствуют молотом, идут против системы. В этом отряде отверженных он уходит в последний решительный бой, в поход ледяной, который состоялся в степях Донбасса в 2014 году. Сквозь обобщённый донбасский пейзаж — шахты, степи — проступают силуэты городов Лавкрафта, где клубится тьма, враждебная человеку. И русский поэт Донбасса идёт сражаться против этой тьмы, выступая наследником и красных, и белых, и проклятых поэтов, и всех, кто не боялся творить.

Таким образом, образ Родины, созданный поэтом Александром Сигидой-сыном, включает в себя разнородные элементы, объединённые в единое целое согласно эстетике постмодерна. Родина для поэта — это Донбасс, который стал ареной борьбы добра и зла, света и тьмы. Против тьмы выступают поэты, идущие в бой за человека. В стихотворении Сигиды происходит олицетворение России в виде литературы, создающей пространство смыслов, объединяющей разные миры. Русский Донбасс в стихотворении «Русский Лавкрафт» становится точкой встречи двух миров — России и поэзии, пространством их слияния и творческого взрыва, формирующего новый универсум.

АЛЕКСАНДР СИГИДА-СЫН**РУССКИЙ ЛАВКРАФТ**

Если б я знал,
Я бы остался, как Говард Лафкрафт,
На чердаке, книжным червём, вечный изгой...
Я б не равнял
В зимние ночи лунный ландшафт,
Я бы не брал
Книги в последний, решительный бой.

Если б любил,
Я бы не вёл себя, словно Лавкрафт,
Как дезертир, я бы оставил стылый окоп...
Плюнув на всё,
С милой еврейкой, Сонею Гафт,
С bad jewish girl,
Я переехал бы жить в Конотоп.

Если б я был
Так беспристрастен, каким был Лавкрафт,
Я бы обнёс владенья мои крепкой стеной...
И свысока я наблюдал бы, как астронавт,
Тех, кто внизу
Всё не поделят шарик земной.

И всё хорошо,
Освобождён с боем Кадат
Снова в поход, Р'лайх — позади,
Там, за спиной...
В Олатоэ
Не спит на часах с винтовкой солдат,

Волком глядит
На горизонт, снежный, степной.

Говард, пора.
Видишь знаки разрывов близ угольных шахт?
Слышишь ли крики мверзей ночных
Над нашей страной?
Фридрих-Вильгельм, снайпер Бодлер и
Русский Лавкрафт
Время — вперёд...
Снова уходят в поход ледяной.

Андрей Алексеевич Чернов

Литературовед, критик, публицист, редактор. Родился в Луганске в 1983 году. Автор книги очерков «Притяжение Донбасса: Очерки о писателях шахтёрского края» (Москва, 2016). Публиковался в журналах «Берега» (Калининград), «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «ЛиФФт» (Москва), «Российский литератор» (Нижний Новгород), «Российский колокол» (Москва), альманахах «Литературная Пермь», «Крылья» (Луганск), газетах «Литературная Россия» и «Литературная газета». Награждён орденом Фёдора Достоевского I-й степени Пермской краевой организации Союза писателей России. Секретарь правления Союза писателей ЛНР. Живёт и работает в Луганске.

БУМАЖНЫЙ САМОЛЁТ ИЗ ОГНЕННОГО ДОНБАССА

Так мало преподносит нам война светлых подарков. Война щедра на горести и разлуку, она шлёт нам из своего огненного вихря жуткие сгустки смерти — осколки с рваными краями. Вот один — прикоснись к нему, возьми в ладонь... Ты чувствуешь? Это лежит на твоей ладони чья-то смерть. Но, слава Богу, осколок этот не испил крови, не исполнил своего предназначения.

Сквозь огненный вихрь прорываются, порою, не только осколки. Вот, покружив, спускается легкое невесомое чудо — крохотный бумажный самолёт. Чья рука его пустила из Донбасса? Чья рука уберегла от огненного дыхания?

Сквозь обожжённые складки просматриваются буквы, слова, читаются строки и строфы.

Что если самолёт не долетит?

Что если упадёт листком тетрадки?

И тайна превратится в алфавит,

В застывшую гармонию порядка.

«Бумажный самолёт» — так назвала свою книгу стихотворений поэт фронтового донбасского Луганска Елена Заславская. Созданная среди войны книга, тем не менее, не посвящена военным событиям в Донбассе, автор намеренно увела читателя от этой трагичной реальности. И даже характеристика, поставленная Еленой Заславской на титульном листе: «Светлая лирика», также призвана увести от излишней перегруженности военной тематикой. И это легко объясняется — война в Донбассе длится уже пять лет, дольше, чем Великая Отечественная. Конечно же, общество — прежде всего в Донбассе — устало от этого. Устало от неопределенности «бесконечной войны».

Но война всё-таки наложила свой отпечаток — полутенями, интонациями, отдельными упоминаниями. И здесь, в «светлой лирике» Елены Заславской, целиком посвященной великому чувству любви, проскальзывает:

*...Или уехать подальше, чтоб не узнал ты,
Никогда, никогда, никогда не узнал ты,
Как накрывает взрывной волной.*

И в этом поэтическом крике-повторении — не красивость условности, не опошленный кинофильмами-боевиками символ. Здесь — сила заклинания любящей женщины, узнавшей не понаслышке злую ярость взрывной волны. Сколько в этом образе суровой правды жизни! В памяти сразу возникают гениальные строки «Слова о полку Игореве» (привожу в переводе В. А. Жуковского):

*«Полечу, — говорит, — чечеткою по Дунаю,
Омочу бобровый рукав в Каяле-реке,
Оботру князю кровавые раны на отвердевшем теле его».*

Скупые на слова строки вовсе не скупы на чувства: как много они говорят о силе любви, о страсти к возлюбленному, о подлинной заботе — к живому ли, мёртвому.

«Бумажный самолёт» собрал стихотворения разных лет, но они упорядочены вокруг единого сюжетного стержня —

романтических отношений между лирической героиней, жительницей Донбасса, и москвичом:

*Ты приехал в гости ко мне, в Новороссию,
В страну, которой на карте нет.*

В лирическом пространстве книги Елены Заславской очевидно сталкиваются два параллельных мира, две вселенные, взаимосвязанные, но разделённые границей и линией фронта.

*Там, во вселенной параллельной,
Твой мегаполис — жуткий монстр,
Он имя светлое Елена
В железных пальцах в миг сомнёт...*

Эти параллельные миры — война и невойна, любовь и нелюбовь, равнодушие и неравнодушие, сочувствие и безразличие. Лирическая героиня «Бумажного самолёта» прорывается из вселенной войны, из страны, которой «на карте нет», в мир жестокого расчета и выгоды.

*...И в тонкой, как лезвие бритвы реальности
Мы сталкиваемся,
И нет вариантов не сбыться друг в друге,
Как ни оправдывайся.*

Столкновение двух людей из «параллельных вселенных» вызывает чувство. Любовь? Страсть? Заблуждение? В мировосприятии лирической героини — это шквальная стихия, побеждающая расстояния, прорывающая линию фронта, границу, все различия, но и эта стихия разбивается о чёрствость, бездушность «параллельной вселенной».

*Твой мир герметичен.
В нём юные нимфы щебечут по-птичьи
И пьют алкоголь.
И как-то уже непривычно,
И даже уже неприлично
Писать про любовь.*

В мире, в котором идёт война, в стране, которой «на карте нет», привыкли к подлинному и настоящему, к честному —

как жизнь или смерть. Герметичный мир даже «кипяток сердечных струй» превращает в товар, то, что можно продать, поменять, сбыть. Любовь в нём — не более чем упражнения на простынях, повод для накрутки тщеславия «победителя».

А героине остаётся лишь прийти в себя от оглушающего осознания своего самообмана. Она осталась ни с чем? С горькой болью ахматовского «брошена — придуманное слово»? Опыт, вместо счастья? Но не в горе погружена героиня.

Есть только радость воплощения в слове,

Извечная мозаика русских букв.

Сила русского преодоления: извлечь из поражения свою преображённую победу, очищенную и вознесенную над пошлостью, «бытовухой», затхлым восторгом плотских утех. И тут очищенное слово любви, слово Поэзии побеждает и вдохновляет, продолжает жить — для тех, кто чист.

Но на устах остаются и

Не забываются

Вкус поцелуя

И вечное чудо кириллицы...

В этом смысле стихотворения сборника Елены Заславской по-настоящему проникнуты светлым оптимизмом, радостью переживаемого счастья. Конечно, есть в книге и стихотворения, которые «на ура» будут восприняты только женской аудиторией. Но в этом, надо полагать, также заключается их ценность — отражающих чаяния и представления современных молодых женщин.

...А «Бумажный самолёт» Елены Заславской преодолевает границы между параллельными вселенными — войной и не войной, между мирами искренности и духовной «герметичности». И эта книга — не клочок бумаги. Здесь «вечное чудо кириллицы» не даёт забыть главного, важнейшего: любовь сильнее войны!

И вдруг окажется, что я была права:

Порой не долетают самолёты,

Но долетают главные слова,

И оживают, и находят отклик.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА.....	5
Николай Иванов.....	7
Лидия Довыденко.....	17
Виталий Даренский.....	31
Юрий Хоба.....	49
Ирина Горбань.....	56
Елена Дубровина.....	73
Иван Донецкий.....	78
Андрей Авраменков.....	87
Елена Заславская.....	96
Марина Бережнева.....	105
Галина Чудинова.....	111
Юрий Ковальчук.....	115
 ПОЭЗИЯ.....	 133
Андрей Шацков.....	135
Алексей Полубота.....	141
Елена Заславская.....	150
Марина Бережнева.....	152
Григорий Блехман.....	156
Владимир Макаренков.....	162
Светлана Леонтьева.....	168
Елена Александренко.....	175
Александр Савенков.....	181
Вадим Десятерик.....	187
Иванн Черняев.....	194
Александр Морозов.....	200
Людмила Гонтарева.....	207
Владислава Броницкая.....	214
Светлана Сеничкина.....	220
Виктория Мирошниченко.....	223

Владимир Скобцов	229
Александр Сигида	235
Елизавета Хапланова	242

ПУБЛИЦИСТИКА И КРИТИКА 253

Светлана Савицкая	255
Сергей Николаевич Прасолов	258
Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский	266
Галина Анатольевна Капецкая	268
Валерий Иванович Громак	276
Нина Сергеевна Ищенко	308
Андрей Алексеевич Чернов	315